COD(EX) SUPRATTUS. ПАРАГРАФ 2

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

ТОЧИТЕ НОЖИ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед Лансом фер Скичирой встает крайне деликатная и непростая задача — выяснить, почему недавний разговор с могущественным казоку-хетто «Уроборос-гуми» прошел совсем не по плану… На пути к ответам терюнаши ждут продымленные игровые залы, заброшенные склады, сверкающие небоскребы центральных районов Юдайна-Сити, и даже мрачная Такакхана — безжалостный Нижний Город под гнездом. И чем глубже копает Ланс, тем больше понимает, что в этой непростой игре главной ставкой может стать жизнь «специалиста по решению деликатных проблем». И как, ради Когане Но, быть с настойчивым заказом от нового «приятеля» — Галло Ш'Икитари, который нанимает бледношкурого разобраться с дельцом-слибу, опрометчиво забывшим вернуть деньги влиятельного «Желтого котелка»?!

- Андрей Фролов
  - словарь
  - Глава 1
  - п.2.; г.1; ч.2
  - «Ломкая горечь»
  - Глава 2
  - п.2; г.2; ч.2
  - praeteritum
  - Глава 3
  - п.2; г.3; ч.2
  - Глава 4
  - praeteritum
  - Глава 5
  - Глава 6
  - п.2; г.6; ч.2
  - «Ломкая горечь»
  - Глава 7
  - Глава 8
  - п.2; г.8; ч.2
  - praeteritum
  - Глава 9
  - Глава 10
  - п.2; г.10; ч.2
  - «Ломкая горечь»
  - Глава 11
  - п.2; г.11; ч.2
  - praeteritum

○ Глава 12
○ п.2; г.12; finis

Андрей Фролов
Точите ножи! (Ланс Скичира 2)

словарь

Все использованные ниже термины и определения в тексте дублируются сносками, а здесь опубликованы для удобства читателей.

Сперва приведены несколько терминов (в порядке появления), во второй книге озвученных впервые, затем следует «основной» блок, уже знакомый читателям романа «Огню плевать».

МИЦЕЛИ-ЙОДДА. Глабер-радикал, боец Мицелиума.

ГЕДЖЕКОНДУ. Трущобные районы гнезда, возникшие в результате взрывной урбанизации.

КАЗОКУ-ШИН. База криминального сообщества.

ХАТЬЯРА. Наемный убийца.

ШКУРА-КОТОКАГЕ. Костюм, оснащенный специальными средствами блокировки или обмана средств визуального, радиолокационного или инфракрасного (и других областей спектра) слежения.

ГАППИ. Она же «болтушка», повсеместно распространенное портативное устройство с широким набором функций.

СТРИХ. Сильнодействующий синтетический наркотик с ярко выраженным действием, быстро вызывает психологическую и физическую зависимости.

ДАЙЗУ. Также известное, как «карамель», легализованное психоактивное вещество.

ЧИНГА. Вареный тонизирующий напиток из полусинтетической смеси, вызывающий легкое привыкание.

КИЗО-ДАРИДРАТА. Буквально «благородная нищета», философское течение, образ мысли и существования, пронзающий множественные слои гнезд; предполагает уважительно-пренебрежительное отношение к материальным ценностям и образу существования.

ПАЙМА. Алкогольный напиток крепостью 40–60 градусов.

КАЗОКУ. Ячейка преступного сообщества.

БОРФ. Оскорбительный термин в отношении представителя нетрадиционной сексуальной ориентации.

МОННГО. Азартная игра с использованием специальных фишек-костей для 2–4 участников.

ФАНГА. Игловидный поражающий снаряд стрелкового оружия.

БАШЕР. Ручное стрелковое оружие, чаще всего

одноствольное и компактное, но бывают и исключения.

АССОЛТЕР. Ручное индивидуальное автоматическое оружие для ведения длительного и/или дистанционного боя.

РАКШАК. Чу-ха, обученный воинскому искусству и отдавший гражданский долг несением службы.

ГЕНДО. Двухколесное транспортное средство с маломощным электродвигателем.

ВИСТАР. Представитель высшего слоя привилегированного класса чу-ха.

МИЦЕЛИУМ. Единый информационный туман, пронизывающий все слои общества чу-ха.

САДУ. Служитель религиозного культа Благодетельной Когане Но и прочих представителей ее пантеона.

ОПИАНИН. Полулегальный синтетический наркотик.

МАНДЖАФОКО. Операторы, инженеры-проектировщики, отладчики и разработчики новых моделей синтосексуалов.

КАСТУРА. Он же «Моллюск», легкий антропоморфный танк.

БАЙШИ. Негативное определение личности, неразборчивой в интимных связях и вступающей в них с любым желающим.

КАЗОКУ-ЙОДДА. Боец ячейки.

ТАЙЧО. Невероятно популярная игра на специальном столе с воротцами по бортам, с применением шаров-битков и специальной тычковой биты.

КУКУГА. Синтосексуал высшего уровня.

КАЗОКУ-ХЕТТО. Безусловный лидер ячейки.

ОНСЭН. Специалист по оказанию интимных услуг за деньги.

ГЛАБЕР. Он же «лысый землекоп», калибровщик устройств входа в Мицелиум, а также специалист по решению на его просторах задач (зачастую незаконных) любого уровня. Г. нередко объединяются в псевдорелигиозные ячейки и не стесняются демонстрировать принадлежность к цеху уникальных ремесленников.

ДЖИНКИНА-ТАМ. Мифологическое определение суррогатного сознания.

ЮНМУ. Информационный накопитель.

Глава 1
Я ЛЮБЛЮ ГОСТЕЙ

Главное оружие страха — уникальность обещаемых им последствий. Болезненных, опасных, зачастую смертельных. Например: позор, увечья, потеря близких или смерть. Испытай подобную перспективу много раз, и клинок страха притупится. Я неоднократно видел пытки, казни и жесткие наказания, а поэтому сейчас совершенно не…

Впрочем, зачем я вру? Мои булки все еще были крепко сжаты…

— Тебе плеснуть?

Зикро шумно втянул в пасть пучок ярко-желтой лапши. Родившийся в большом… нет — в огромном даже по местным меркам семействе, мой бритоголовый приятель не упускал ни малейшей возможности набить брюхо, привыкнув делать это торопливо, жадно и без удовольствия. К нашему общему удивлению, при этом глабер совершенно не жирел, иначе бы уже давно не смог вставать из-за консольного пульта.

Служитель Мицелиума сидел на скрещенных лапах под единственным (сейчас затемненным) окном норы, обложившись инструментами и инспектируемыми сокровищами. Зажав коробку с едой на сгибе локтя, он потянулся к длинной бутылке, набулькал в опустевшую пиалу и призывно помахал паймой в мою сторону.

— У меня еще есть, — задумчиво изучая пыльные потолочные зеркала, я приподнял в его сторону собственную пиалу с мятным волшебством на дне.

Разумное решение, Ланс!

Если бы каждый день на протяжении этой бесконечной недели я пил, как в первые сутки после чудовищного *разговора* с господином Киликили, меня бы пришлось откачивать врачевателям Нискирича…

Отрицательный ответ ничуть не смутил моего любимого глабера; тот равнодушно пожал тощими плечами и, после кратких размышлений, добавил себе еще пару глотков паймы. Отпил, довольно причмокнул и отправил в пасть новый пучок обалденно вкусной лапши, за которой по моей просьбе заглянул в «Каначанкха» к темнокожему манксу Щупу.

Яснее ясного, что (как и большинство обитателей Юдайна-Сити) в базах данных Смиренных Прислужников Зикро значился совсем иначе. Однако данное при инициации взрослое имя

Кирчика Акс-Иушиппи самого Кирчика Акс-Иушиппи совершенно не устраивало (особенно в чудаковатой среде таких же пришибленных фанатиков всеохватной «мицухи»), а потому он стал Зикро. Настоящим *мицели-йодда **[1]***, «голым землекопом».

Незаметным, как и сотни ему подобных, обритым до блеска, чудаковатым, но безусловно талантливым и способным не только препарировать Мицелиум (чаще всего, не совсем законно), но и чинить уникальные вещи. Как, например, сейчас, когда молодой чу-ха возился с профилактическим осмотром моих распрекрасных очков и экранирующего пальто.

Иногда я задавался риторическим вопросом, что именно заставляет Зикро якшаться с бесхвостым мутантом-терюнаши, в свою очередь водящим весьма опасные знакомства с «Детьми заполночи» — симпатия или возможность похвастать почти дружбой с эдаким уникальным уродцем?

Вероятнее всего, второе. Но мне было плевать.

Зикро помогал уродцу, уродец помогал и недурно платил ему в ответ, а на этом фундаменте в нашем распрекрасном гнезде построены 99 % отношений…

Я невесело вздохнул и понюхал ароматную пайму в пиале.

Восемь дней затворничества и возлияний… Да уж, это были непростые деньки. А что говорить про мои измышления, которыми я терзался с первых минут того злосчастного разговора?!

Мысли бесновались, словно простреленный фаэтон — вверх-вниз, быстрее-медленнее, вираж и новый рывок… Страх сменялся злостью, она уступала безрассудно-отважным решениям и планам, их подменяли тревожные опасения, снова приходил страх и дальше по известному кругу.

Возможно, мне стоило признаться Песчаному Карпу, что я уже передал упомянутый кулон предыдущему заказчику. Бесспорно, эта информация вообще не касалась Данава фер Шири-Кегареты, будь он хоть трижды главой могучей «Уроборос-гуми», но позволила бы хоть немного снизить градус разговора. А он был немалым. Да что там? Я видел огнеметные струи с меньшей температурой горения.

Байши! Иногда я проклинал свою непутевую гордость… Впрочем, в глубине души понимая, что истинной причиной моего упрямства и заносчивой молчанки было совсем иное.

Потому что подтверди я Карпу, что ублюдочный кулон уже доставлен совсем другой персоне, он бы все равно настоял на моем найме с целью возвращения побрякушки.

Если ушлый мутант сумел разок, сумеет и дважды, отчего нет? А мутант при этом (решительно!) не испытывал ни

малейшего желания даже косо поглядывать в сторону «Желтых котелков», или, упаси Благодетельная Когане Но, «Диктата»…

Однако куда больше за прошедшие дни меня беспокоило не собственное вынужденное хамство при разговоре с хетто. А причины, по которым могущественный чу-ха оказался *невосприимчив*.

Таковых, по длительному размышлению, находилось несколько: превентивный транс с блокадой, химический препарат или иное изменение состояния сознания, невиданный акустический фильтр для соединения через гаппи. Или, о чем не хотелось даже думать, самая первая из пришедших в мою бедовую голову причин. Та самая, жуткая, пробравшаяся меж ушей Ланса Скичиры в темном дворе под нависающими комплеблоками…

Наблюдая, как Зикро подключает «Сачирато» к переносной консоли и начинает калибровку, я в очередной раз задумался, не стоило ли рассказать мою историю Нискиричу. Осмотрев облицованную зеркалами нору, в очередной раз решил, что нет.

Потому что тогда хмельным затворничеством пришлось бы заниматься не здесь, а в душной цитадели отчима под неотрывным присмотром двух-трех крепких мордоворотов, у которых даже на сортир дозволения просить придется.

Обойдусь собственным убежищем.

Сомнительный, конечно, оборонительный оплот, когда имеешь дело с такими чудовищами, как господин Киликили, но хуже пока не стало… А на лучшее, кстати, намекали вести с улиц. Точнее, их отсутствие — за минувшие дни в переулках ни разу не упомянули ни спятившую кукуга, ни странные события в уютном доме Заботливой Лоло. В Бонжуре, к слову, тоже стало чуть спокойнее, хотя я точно знал, что Нискирич только примеряется к активным действиям…

Едва отхлебнув паймы, я снова перевел взгляд на Зикро. Собрался с мыслями в попытке хоть как-то перефразировать злосчастный вопрос, который после знакомства с Симайной я задавал глаберу отнюдь не в первый раз.

— А вот если мы с тобой предположим от обратного? Допустим, речь не о развитии полноценного джинкина-там, а о контролируемом регрессе. Скажем, у неких особых кукуга *уже* сформировано полноценное искусственное сознание…

Я пожевал губу и помог путаной формулировке небрежным взмахом свободной руки:

— При этом часть тайной архитектуры намеренно скрыта сообществом манджафоко. Например, свобода воли или возможность выбирать? Или способ принятия решений, сисадда? Мог некий сбой вскрыть эти тайные хранилища Симайны?

Зикро осторожно отложил «Сачирато», тонко вздохнул и поднял на меня сочно-фиолетовые, поблескивающие оранжевыми вкраплениями раскосые глаза. Его нос мелко подрагивал, отчего усы дрожали, будто на ветру.

— Байши, Ланс, до чего же ты тугой-то?!

Лакнув паймы и запив бульоном, он зафыркал с демонстративно-менторским негодованием:

— Я сто раз повторял: создать джи-там невозможно. Полноценное искусственное сознание — наивные мечты, ядовитый миф и опасный бред… Даже если бы его разработка и была законной.

— Но Принцип Разумного Трудодействия же создали, причем не вчера!

— Пунчи, ты точно тугой… Принцип — взращенная смирпами псевдоразумная сеть, фильтрующая массивы пересыпанного в «мицуху» прокламаторами или моими коллегами. Она лишь оценивает, принесет ли твой продукт пользу гнезду, сопоставляет с общественными эффектами и принимает решение об оплате. Отличная замануха для юных чуха, не очень-то желающих всю жизнь класть пенобетонные блоки…

Он засосал очередной пучок лапши, почти не пережевав.

— Кстати, Ланс, ты даже не представляешь, как много романтиков отдается на волю Принципу-РТ в надежде на его объективность и достойную оценку своей писанины. Ох, какого там только мусора не найдешь: убогие любовные баллады, системы якобы оптимизации энергозатрат, мобилизационные гимны… Но повторю еще раз — Принцип был и остается лишь жалким подобием джи-там. Поверь специалисту.

— А по мне, — я предпринял еще одну ленивую попытку отстоять заблуждение, — это отличный фундамент. Особенно если предположить заговор кукловодов, а?

Зикро бросил на меня быстрый саркастический взгляд.

— Купированное заговорщиками сознание кукуга — не менее нелепые сказки, пунчи. И вообще, Ланс, тебе не стоит переоценивать суп-желе в черепушках синтетов.

Тонкие длинные когти моего глабера метко клевали отверстия лежащего на бедре клавиатона, продолжая настраивать матрицу тактических очков.

— Чем больше мы обсуждаем твои небылицы, — не отрываясь от работы, рассуждал бритоголовый, — тем больше я уверен, что сбой той сучки взаправду создал новый поведенческий конструкт… Погоди ты скалиться! Да, конструкт. Но, скорее всего, сугубо временный и нестабильный. Вероятнее всего, после

сбоя часть линий поведения элементарно перегорели, в том числе и табуированные по совокупности факторов. И тогда суррогат ее разума бросился по обгорелому поведенческому дереву искать новые варианты поступков. Сисадда?

Он искоса убедился, поспеваю ли я за его мыслями.

— При качественной системе самосохранения у нее просто не осталось выбора — от пережженных тупиков любой сигнал сворачивал на самые близкие — по сути и сходству, — ветки ответных реакций. Отсюда и иллюзия самостоятельности. Но только иллюзия, вбей уже в свою плосконосую головенку.

Глабер снова фыркнул, повел усами и криво ухмыльнулся. Что-то подкрутил в вскрытой начинке «Сачирато», приложил дисплей к правому глазу (тот кратковременно поменял цвет на черный) и удовлетворенно кивнул сам себе.

— Значит, просто сбой? — спросил я, причем с неожиданной грустью.

— Просто сбой, — терпеливо, но с легким нажимом подтвердил Зикро.

— Но что не так могло быть с кулоном? — задумчиво протянул я, причем тоже не впервые.

— Ланс, мы же и *это* обсуждали…

Глабер отвлекся от работы, чтобы с помощью трех хаси втянуть меж зубов новый пучок горячей лапши.

— Мофно фолько гадать. Мофет, и фофсе нифего, нафе ремефло немало фофпадений знает. А фбой сучка тфоя слофила по прифинам, с кулоном ваффе не связанным. Вроде фируса, например.

Я укоризненно покосился на приятеля и снова прикусил губу. Ну-ну… интересно, что бы сказал прожорливый господин Акс-Иушиппи, знай он чуть больше?

Зикро с оглушительным хрустом разжевал кусок поджарки, заставив меня в очередной раз поразиться его феноменальной способности жрать в любую свободную секунду, при этом ничуть не поправляясь.

— Фантазировать насчет его уникальности я больше не хочу, — он продолжил так, будто (как и несколько дней накануне) я и дальше стоял на своем. — Но чтобы обычный предмет после сканирования вызвал последствия, хотя бы частично напоминающие вот это вот все? Раньше черепаха трахнет змею. Так что если тебе в тысячный раз хочется услышать мое мнение: кулон тут не при делах.

Да, это я тоже хорошо знал.

По словам Зикро, он изучил данные о безделушке и вдоль и поперек, не обнаружив в ее объемном слепке ничего

примечательного. И логично добавил, что даже если предположить, что неполадки крылись, например, в металле оковки (скажем, излучение?), то для оценки рисков вещь требовалось подержать в лапах и сунуть в мощный сканер.

— И то, — как всякий раз заканчивал возмущенную лекцию мой обритый научный консультант, — никакое излучение со сбоем в псевдо-мозгах кукуга связано быть не может. Никак.

Первое время я просил его подумать еще. Снова и снова. Он думал, шерстил базы данных и групповые станции коллег, но новых версий не давал. А затем стал и вовсе уставать от моей неугомонности. Просил в ответ больше информации. Умолял не выдумывать ерунды. Честно и безуспешно пытался отловить в Мицелиуме хоть один след грошового кулона, подаренного Гладким Симайне. А я наседал и наседал, все больше раздражая чу-ха, привыкшего мыслить исключительно строгими и несослагательными категориями системотворчества.

Поэтому сейчас я не стал задавать новых вопросов. И уточняющих тоже. А только горестно вздохнул, откинулся на спинку дивана и снова смочил губы в пайме.

— В общем, принимай работу, — отчитался Зикро и начал отстегивать от «Сачирато» рабочие шлейфы. — Очки в порядке, режимы не сбились. С подкладкой пальто тоже норма. Я слегка усилил блокировку, и в одном месте малость подлатал контур, но ты этого совершенно не заме…

Аккуратный, если не сказать — опасно-вкрадчивый, — стук во входную дверь норы заставил его заткнуться на полуслове и вопросительно вытаращиться в пустоту. Я сглотнул, чуть не поперхнулся и осторожно отставил пиалу на подлокотник дивана.

— Кого-то ждешь? — бесшумно проактикулировал Зикро, все еще поглядывая в прихожую.

Вместо ответа я покачал головой, поднялся на ноги и включил основной настенный дисплей жилищной консоли. Мне были хорошо понятны тревоги глабера — не работая ни на «Детей заполночи», ни на другую казоку района, он пытался оставаться самостоятельным и независимым, при этом водя не самые простые знакомства. Которые если и не особенно прятал, то афишировать лишний раз тоже не спешил.

А уж что говорить про самого меня?!

Конечно, в подобные моменты любому хочется сохранять предельную невозмутимость. Я — не исключение. Сейчас, подмечая прижатые уши приятеля и боязливо скрученный вокруг лапы хвост, я был почти уверен, что справляюсь прекрасно. Несмотря на бурю кислотных эмоций и непрошенных чувств, клокотавшую внутри.

Я немного сдвинул диванную подушку, чтобы рукоять спрятанного за ней «Молота» торчала ровно под быстрый хват. Я прикоснулся к запястной «болтушке», пересыпая каналы подъездных камер на большой экран. Я едва успел захлопнуть отвисающую челюсть, потому что никак не ожидал увидеть на экране чу-ха, сейчас стоявшего в коридоре комплеблока напротив моей двери…

— Драть меня под хвост…

— Ты его знаешь?! — Зикро бесшумно поднялся в полный рост и сейчас беззастенчиво пялился в экран через мое плечо.

— К сожалению…

Словно услышав мой призрачный шепоток, чу-ха снаружи поднял к двери украшенные кольцами пальцы и еще раз вкрадчиво постучал. Даже не самое высокое качество слепка позволяло определить, что гость одет в безупречный черный френч, а на макушке носит круглую желтую шляпу.

— Слушай, Лансик, я же знаю, что ты дома, — с неожиданным дружеским задором произнес «Желтый котелок», которого я привык называть Перстнями, и вдруг подмигнул в одну из камер. — Открывай-ка, тут пованивает…

[1] Глабер-радикал, боец Мицелиума.

п.2.; г.1; ч.2

Я повернулся и сонно уставился на Зикро. Тот уставился в ответ, часто хлопая бесцветными ресницами.

В голове замельтешили вереницы самых путаных и опасно-нелепых предположений. А через миг перед внутренним взором высветилась россыпь тревожных версий-вопросов, полыхнув так ярко, будто по гребню пустынного бархана прокатилась цепочка «неприкаянных огней»: «Котелки» прознали, что Киликили предлагал уродцу работать против них? почему так поздно? почему Перстни пришел один и где его немногословная бородатая подружка? он явился угрожать или действовать?

Будто справляясь с сопротивлением воздуха, я неловко поднял гаппи к лицу, легко (как мне показалось) прокашлялся, и не придумал ничего интеллектуальнее, чем спросить в стиле самого мудрого уличного народца:

— А чо нужно-то?

Перстни опустил лапу и с подозрением уставился в объектив камеры.

— Лансик, вийо, ты приболел? — «Котелок» недоверчиво прищурился и в растерянности поскреб покрытое шрамами ухо. — Потому что столь вопиющую невоспитанность можно простить только больным, сисадда? Слушай, хорош дурить, открывай-ка и впусти меня, надо потолковать.

Я снова ошалело оглянулся на глабера.

И не успел открыть рта, как Зикро все понял и сам. Метнулся к окну, в мгновение ока сметая в плотный рюкзак разложенные по полу инструменты, шлейфы, консоли и настроечные клавиатоны; подхватил анти-гарь маску, брошенную у двери в гостиную, стоящие рядом ботинки; и нервной хвостатой тенью юркнул в тесную комнатенку, которую лично мне больше нравилось именовать кабинетом.

Однако стремительное исчезновение Зикро из гостиной вовсе не подстегнуло меня отпирать засовы. Стараясь не напортачить и никого попусту не переполошить, я вдумчиво настроил «болтушку» на запись и возможную отправку пакета нужным мне персонам. В частности, Сапфир. Которая, в свою очередь, донесет информацию до Нискирича.

Я все понимаю: подобные предосторожности не облегчат моей участи, если Перстни явился не с добром. Но мысли о последующем возмездии словно бы делали ожидание худшего легче, а потому… Впрочем, с чего бы это одному из старших «Котелков» ломиться ко мне со злом, да еще и столь деликатно?

Замки щелкнули.

Начинавший терять терпение Перстни сдвинул створку и вошел в нору. Сканеры тревожно загундели, обнаружив под одеждой чу-ха сразу два башера. Незваный гость покривил испещренную шрамами морду, и я выключил систему оповещения.

Только тогда Перстни неторопливо осмотрелся. С интересом, но нескрываемым презрением, отдельное внимание и гадливый прищур уделив многочисленным зеркалам.

— Слушай, Лансик, как ты тут вообще живешь? — протянул он, не спеша двигаться с места. — Яри-яри, дерьма на стены понавешал… Не спятил еще? Ха, зачем я задаю глупые вопросы, да?

Я его понимал. Все прочие чу-ха понимали, кроме Зикро с его тонкой вариативной подстройкой глазных имплантатов.

Перстни еще раз внимательно осмотрел гостиную, пеструю раздвижную ширму в спальную зону и арку в постряпочную. И только затем набросил ярко-желтую шляпу на вешалку прихожей и вальяжно прошел вперед. Разуваться, хамло, при этом, конечно же не стал, но хотя бы старательно протер о коврик подошвы мягких дорогих ботинок.

— Как ты меня нашел? — спросил я.

При этом не сдвигаясь с места за диваном, точнехонько над выглядывающим из-под подушки башером. Первый шок миновал, дыхание и тембр восстановились. Не настолько, чтобы тут же применять «низкий писк». Но достаточно, чтобы не задавать вопросов в стиле многолетнего потребителя опианина.

— И как сумел обойти грозную Сапфир?

Перстни покосился на меня со смесью задорной угрозы и шутливого порицания.

— Слушай, Ланс, — негромко попросил он, — не обижай меня!

Прогулялся по комнате; с интересом взглянул на вторую керамическую пиалу, коробку лапши с торчащими из нее хаси; на разложенное под окном зеленое пальто. Стараясь не смотреть в потолочные зеркала, чу-ха задрал нос и демонстративно принюхался. Я стиснул зубы и едва удержался, чтобы хлопнуть себя ладонью по лбу.

— У тебя гости, Лансик? — вкрадчиво поинтересовался Перстни.

— А если и так? — с натянутой улыбкой переспросил я. — Я люблю гостей. Не мое ли это дело, хочешь спросить ты? Совершенно верно — мое. Всецело мое. А еще я поинтересуюсь, чем обязан столь неожиданному визиту, причем без

предупреждения и договоренностей?

Перстни мой повышающийся с каждым новым словом тон, казалось, совершенно не задел. Отвернувшись к окну, он сунул левую лапу в карман френча, а правой беззаботно помахал возле уха.

— Пусть парнишка погуляет, — негромко, но с нажимом предложил «Котелок». — А я сделаю вид, что его не признал…

Как оказалось, Зикро даже не понадобилось передавать суть поступившего предложения. Подслушивавший у двери, глабер через миг оказался по эту ее сторону, суетливо накинул куртку и капюшон, не менее нервно натянул маску и ботинки.

Подхватил сумку с инструментами, консолями и приборами настройки, сунул под мышку коробку с недоеденной лапшой. Мотнув в мою сторону скрещенными пальцами (*еще увидимся, пунчш, но ты тут аккуратнее!*), бритоголовый обжора молнией выскочил в затхлый подъездный коридор и был таков…

Повернувшись спиной к затемненному окну, Перстни широко расставил нижние лапы, а обе верхние скрыл в карманах:

— Приобщаешься к невидимому пути свето-струнной кармы?

— Зачем ты здесь? — продолжая проявлять чудеса дипломатического такта, спросил я в ответ.

Легкий дурман после пары глотков паймы растворился, словно глабер в недрах комплеблока. Пальцы левой руки чуть подрагивали, и я аккуратно спрятал их в кармане бесформенной хламиды, которую привык считать домашним халатом. Правая рука словно невзначай нависала над диванной подушкой.

Я не одобряю, когда вчерашние клиенты снова наносят визит, потому что чаще всего это вовсе не означает повторного найма. Чаще всего это означает претензии, попытки вернуть деньги или неловкие попытки подружиться.

Ничего из перечисленного меня не интересовало. Особенно с учетом такого заказа, как был отработан для «Котелков». И стопятидесятилетнего чу-ха в инвалидном саркофаге, что за ним маячил…

— Сразу к делу, да? — подмигнул мне Перстни.

А затем неожиданно вынул лапы из карманов, сложил ладонями перед животом, и медленно поклонился:

— Меня попросили еще раз засвидетельствовать искреннюю и всестороннюю благодарность за исполнение несложного, но деликатного задания, которое было отработано тобой в полном соответствии с высочайшими канонами профессионализма, чести и уважения к клиенту.

У меня снова чуть не отвисла челюсть.

Не могу сказать, что повторная благодарность от

престарелого Хадекина фер вис Кри (в том, что Перстни говорил от его имени, не было ни малейшего сомнения) оказалась уж шибко своевременной. Но она (чего там врать?!) мне определенно льстила. Впрочем, не настолько, чтобы растаять и доверчиво развесить уши.

— Я благодарен за теплые слова, — ответил я чуть мягче, и коротко поклонился Перстням. — Надеюсь, высокая оценка моих рабочих качеств из уст столь уважаемого господина станет достоянием улиц.

— Можешь на это рассчитывать, — чу-ха пошевелил жесткими усами, отчего шрамы на морде задвигались бледными змеями. — Также меня наделили полномочиями узнать (если ты понимаешь), не нужно ли уважаемому Лансу фер Скичире чего еще?

Я хотел было ответить, что за выполненную работу мне и без того заплатили достойно… но вдруг задумался. Через очень короткое, но очень гадкое мгновение поразившись очевидности и нечистоплотности своей последующей мысли. Вовремя прикусил язык и сделал вид, что старательно размышляю над предложением.

Разумеется, меня чуть не угораздило попросить Перстни о поддержке в деле с Песчаным Карпом! Логично, ага… Ведь кто лучше моих новых приятелей из «Диктата Колберга» прикроет в таком щекотливом вопросе, как увеличение дистанции с их прямыми конкурентами из «Уроборос-гуми»?

Но, хвала прикушенному языку, подлая мысль не обрела плоти. Потому что *так* в Юдайна-Сити дела не делаются, и даже куда менее значительные.

Если (предположу хотя бы на секунду) у меня когда-нибудь затрясутся поджилки настолько, что придется просить «Диктат» о протекторате, сделать это предстоит иначе. А сейчас передо мной стоял даже не их представитель-криит, а обыкновенный «Желтый котелок», пусть даже недавней волею улицы соподчиненный более сильной казоку.

Показать ему свою слабину?! При этом собственному казоку-хетто не обмолвившись ни словом?! Нет-нет, об этом и речи быть не могло…

И вообще! Половина могущества таких кланов, как «Уроборос-гуми», держится на слухах об этом самом могуществе и банальном страхе. А я не боялся. Ни в момент разговора с Данавом фер Шири-Кегаретой, ни в прошедшие после этого дни, ни сейчас… Ложь, конечно, но думать об этом было приятно.

Перстни, однако же, по-своему истолковал затянувшееся молчание.

— Ну так что надумал? — спросил он.

При этом изучая мое бледное лицо с пытливым прищуром, в котором неприкрыто читалось, что сам чу-ха так долго над просьбами бы не размышлял.

И не успел я сообразить что-то хоть отчасти толковое, как услышал собственный голос:

— Бабу бы…

И ведь еще с деланной ленцой попросил, мечтательно… А вместо того, чтобы сразу же заткнуться и мысленно признать, что мечты о возможной защите от «Уробороса» сбили меня с толку:

— Самку. Человеческую. А то ну совсем уж приперло, сисадда? И чтоб красивая.

— Хао… — только и выдавил Перстни.

Скулы его опасно отвердели, и было заметно, каких усилий стоит потрепанному улицей йодда не прокомментировать эту идиотскую шутку. Снова спрятанные в карманах пальцы хрустнули, когда чу-ха сжал их в кулаки; пасть приоткрылась в отстраненной улыбке. Или оскале, это как поглядеть…

— Смешно, — наконец прокомментировал «Котелок». — Я передам. А в заключение беседы хочу выразить нашу *общую* надежду, что ты продолжишь и дальше молчать.

— Вне сомнений… — промямлил я, чувствуя себя все более и более неловко. — Обращайся. Ну, то есть, разумеется… это же мои правила, да… так что…

И наконец-то завалил свою тонкогубую пасть.

Перстни тоже выглядел так, словно разговор подошел к финалу. Но с места при этом не сходил, чуть заметно качаясь на пятках и опираясь на хвост. И мне далеко не сразу удалось упорядочить взбудораженные его визитом мысли, чтобы заметить и понять очевидное.

— Хм… — легко прокашлялся я, покрутив на пальце колечко Аммы.

Невзначай задвинул диванную подушку так, чтобы спрятать рукоять «Молота» от случайного взгляда.

— В общем, мне правда очень приятно, но… Ты ведь тут не только для того, чтобы передать мне благодарности своего господина?

По панцирю непроницаемости Перстней словно шарахнули кувалдой. Брови его сдвинулись, причем смущенно; нос мелко задергался, взгляд метнулся из одного угла в другой. Вот так и сбивают спесь даже с самых опасных мордоворотов, на поверку под всей этой пугающей мишурой оказывающихся простыми чу-ха. Причем смертными, облаченными в хрупкие скорлупки статусов…

Теперь настала очередь прокашляться моему гостю.

Поиграв желваками, Перстни провел ладонями по мохнатым ушам, осмотрелся так, будто хотел что-нибудь сломать (причем с особой жестокостью), а затем чиркнул когтем по «болтушке» и пересыпал мне визитную карточку.

Просмотрев ее лаконичное содержание, я тихонько усмехнулся и отметил, что до настоящего времени и правда не знал настоящего имени «Желтого котелка».

— Так чем я могу быть полезен, уважаемый Галло Ш'Икитари? — спросил я, привычно покручивая одинокое украшение на безымянном пальце.

— Можешь, — угрюмо буркнул Перстни.

При этом таким тоном, будто я не имя его узнал, а постыдную тайну.

— «Котелкам»? — очень осторожно уточнил я, уже догадываясь об ответе. — Или вдруг самому «Диктату»?

— Не совсем, — вздохнул чу-ха, продолжая переминаться на пятках и будто не находя себе места.

Да, к этому моменту я уже совершенно точно знал, что господин Ш'Икитари пожаловал в жилище специалиста по деликатным вопросам Ланса фер Скичиры по исключительно личному вопросу. И сейчас ему было жутко неловко от нашего общего осознания этого факта.

— Выпьешь? — Отлепившись от дивана, я подобрал с пола оставленную Зикро бутылку и небрежно помахал ею.

Галло снова насупился, но было заметно, что первый лед надломлен.

— Вино или эль найдется? — с возвращающейся надменностью пробурчал он, а на предложенную бутыль покосился с откровенным недоверием.

— Разумеется, нет. — Я пожал плечами и плеснул себе, совсем чуть-чуть, на самое дно пиалы. — Но могу разбавить пайму водой. Будет гадость, зато не унесет.

— Шутник? — угрюмо пробасил Перстни. — Слушай, я уже и забывать начал… Ладно, шутник, свари-ка мне тогда чингу.

Это я мог. Особенно с Сапфир в помощниках и лучших почти друзьях. А потому отставил бутылку на низкий столик, поплелся в пищевую зону и открыл отдельную тумбу с концентратами, недостатка в которых не испытывал уже очень давно.

Вынул легкую колбу, сыпанул в нее ароматного порошка и залил водой, поставил на плитку и терпеливо дождался закипания, лишь после этого добавив щепотку специй.

За эти несколько минут Галло, все еще неловко переминавшийся под аркой моей постряпочной, успел довольно

немало рассказать. Неторопливо, малость путано и делая огромные паузы между фразами, но все же оттаивая и раскрываясь.

— Есть у меня один давний знакомец, зовут его Скрот Мокки. Мутный типчик, если понимаешь… Вроде как торговец, но чем он только не промышляет. Слушай, говорят на проспектах Уробороса таких даже специальным старым словом кличут: *слибу*, ага… Это почти обидно, вроде, но занозам вроде Мокки на это точно насрать… У него пара точек на Гариб-базаре, и к «Котелкам» он прямого отношения не имеет. Хотя пару раз помогал кому-то из парней с лицензированием грязных фаэтонов, сисадда? В общем, не самый чистый чу-ха в гнезде, но нам ли судить? В общем, слушай, у Мокки появились подвязки уровнем повыше, ага… Чуть ли не в Пиркивелле, веришь? Но даже ты, Ланс, понимать должен, что туда входной билет подороже… Слушай, в общем он предложил мне дело.

Я кивал, аккуратно приглядывал за нарастающей пеной, и снова кивал, краем глаза наблюдая за смущением гостя. Перелив обжигающую чингу в кружку, выключил плитку и протянул напиток Перстням.

— И что за дело предложил тебе слибу Скрот Мокки?

Галло взял кружку, благодарно кивнул, с удовольствием втянул запах свежесваренного порошка. А после нахмурился и поглядел на меня исподлобья, словно не сразу разобрал смысл вопроса.

— Лансик… — с упреком ответил он, поднося кружку к пасти, но не спеша отпивать. — Слушай, вот на*уя тебе детали? Спишь слишком крепко? Тогда, байши, завидую…

— Галло, не заводись, — стараясь не копировать его менторский тон, я остановился напротив чу-ха и упер руки в бока.

Несмотря на нелепость мешковатого халата, поза придавала уверенности, ведь сейчас передо мной находился не опасный посланник чужой казоку, а потенциальный клиент.

— Ты не у тетронов в гостях, верно? Хочешь меня нанять, придется рассказать чуть больше. А о моем умении молчать и сам знаешь.

Чу-ха прищурился. Свободной лапой расстегнул верхнюю пуговицу рубахи под стильным черным френчем, осторожно глотнул чинги. Вздохнул, попятился в гостиную, где по-хозяйски завалился на диван со спрятанным башером. Глотнул еще.

— В общем, — наконец решился он, — речь про формулу сверхнового полимерного покрытия. Которую знакомые Мокки получили от корпоративных ученых Пиркивелля. Не совсем честным путем, если понимаешь.

Я понимал.

— Теперь Мокки и новый хозяин формулы собираются открыть свое производство. Подальше от глянцевых высоток, что логично, и поближе к окраинам. Слушай, Ланс, большего я и сам толком не знаю, я ж не бухгалтер, и не химик…

— Пока все внятно, — успокоил его я и уселся на край столика. — Что за новый хозяин формулы?

Галло покривился, и причиной была вовсе не добротная чинга.

— Фиррикру фер Приш. Делец среднего эшелона из центра. С семьями и кланами не замазан, в тетронский чан тоже хвоста не окунал. У него вроде и своя контора есть, называется «Репутация». Но кое-чего им обоим не хватало.

— Чистого стартового капитала, — негромко подытожил я.

— Чистого стартового капитала, — невесело подтвердил Перстни.

— И ты вложился?

— И я вложился.

Галло Ш'Икитари кивнул, отпил еще и отставил кружку на диванный подлокотник. Потер лапы, будто замерз, и вдруг спохватился:

— Слушай, только это сугубо личное, казоку тут вообще не причем! Не знают они, сисадда? И вообще никто не знает…

Я согласился одними глазами. Иметь резервные или дополнительные источники дохода в нашем удивительном городе принято даже у детишек. А вот делиться этой информацией с родней было также неприлично, как обсуждать длину чьего-то хвоста.

— Сколько? — как можно легче поинтересовался я и смочил губы паймой.

— Двадцатка.

— Добротно.

Не то слово! Я почесал щетину и мелко постучал колечком о край пиалы.

— И что уважаемый Ш'Икитари хочет от специалиста по деликатным вопросам?

— Слушай, — решительно вздохнул Галло, и наконец озвучил настоящую причину своего визита, — я хочу, чтобы ты *прощупал* этого Фиррикру Приша. Как только ты умеешь, — он изогнул густую бровь, будто желая убедиться, что я понимаю, о чем речь. Я все еще понимал. — Выясни, что там с моими деньгами, да. Ну и как идет процесс, когда мне ждать прибыли. Это возможно?

На этот вопрос я пока отвечать не спешил. Вместо этого уточнив:

— Сколько времени прошло?

— Почти семь месяцев, — погрустнев еще сильнее, сказал Галло.

— А ты терпеливый.

Перстни отмахнулся и снова взял чингу.

— Слушай, старики говорят, что только терпеливый видит, как растет урожай…

Верно. Но если бы речь шла о финансах казоку, сидящий передо мной «Котелок» едва ли был бы столь щедр на такое проявление такта и выдержки.

— Когда ты сам в прошлый раз говорил с этим Фиррикру?

— Ни разу, — Перстни пожал плечом и шумно отпил из кружки.

— Вийо?! — не сдержался я и недоверчиво прищурился. — Ты серьезно?

— Да, байши! — огрызнулся чу-ха, едва не расплескав напиток. — Слушай, Ланс, этот фер Приш — зазнайка из центра. Не самый видный, но все же, а дела с окраинами ведет Скрот. С ним-то мы контачим регулярно. Но в последнее время мне почему-то стало казаться, что он меня… чуточку избегает.

— Тебя?!

Я понимал, что встречный возглас прозвучит несколько обидно, но удержаться от колкой насмешки никак не смог. Угольно-черные глаза Галло похолодели. Он поджал губу, ревниво повел усами, но пылить передумал и устало откинулся на спинку дивана.

— Слушай, Ланс… Я не думаю, что Мокки хватило бы мозгов на такую глупость, как обворовывание «Котелка», ясно? Но мне все равно неспокойно. Ты же смекаешь, что если я подключусь к делу или, упаси Когане, подтяну парней, начнется ненужный шум? С Мокки станет и оскорбиться, и я его даже не виню. А там в перспективе маячит хорошая прибыль. Поэтому… сделай-ка все четко и аккуратно, как у тебя обычно получается. Тихонечко. Чтобы проявленный интерес никак не связали ни со мной, ни с «Желтыми котелками».

Я покивал и уставился в зеркало за спиной Перстней. Понюхал пайму в пиале, но пить больше не стал. Задумчиво побарабанил пальцами по колену. Галло терпеливо молчал, при этом было заметно, что выжидающая роль просителя ему совершенно непривычна.

Еще не соглашаясь на заказ, я все же решил уточнить:

— Где можно найти этого Фиррикру?

Однако Перстни перевел дух так, будто мы уже ударили в ладони.

— Слушай, в «Репутацию» тебе так просто не попасть. Но Скрота ты найдешь легко, он постоянно залипает в «Перпекто». И завтра там будет, в клубе любительский турнир по тайчо, он такое и под страхом кастрации не пропустит.

Постаравшись одним кивком передать свое желание не пороть горячку, я снова поскреб подбородок и решил озвучить еще одну мысль. Не самую безобидную, но необходимую перед принятием решения.

— Галло, насколько я понял в прошлый раз, «Котелки» теперь дружны с «Диктатом Колберга». — Левое веко чу-ха слегка дернулось, но я не собирался замалчивать. — Почему не попросишь о помощи их?

Перстни покачал головой, его уши встрепенулись.

— Лансик, — с недоброй ухмылкой ответил он, — иногда твоя наивность просто ох**вляет.

Да, верно. Наивность. Но не уточнить я все равно не мог. Потому что теперь Галло Ш'Икитари почти прямым текстом сознался одному из «Детей заполночи», что «Котелки» для «Диктата» не партнеры, а просто послушные крысы на побегушках. Иногда быть наивным полезно. И даже приятно.

— Слушай, так что скажешь-то? — с придыханием поинтересовался чу-ха, чьи массивные пальцы были усыпаны серебряными перстнями.

А что я мог сказать? Дело выглядело заманчивым. И совсем несложным. Маняще-несложным, пожалуй. А в свете недавних событий мне следовало держаться поближе к таким, как «Котелки» или «Диктат», как бы они там друг другу не соподчинялись.

— Хорошо, — ответил я, допивая пайму, — берусь.

— Отлично! — Победный писк Перстней прокатился по гостиной, заставив меня вздрогнуть. Отставив чашку на подлокотник (и все-таки пролив на обивку), Галло громко хлопнул в ладоши и торжествующе поцокал языком. — Вот, держи, тут аванс. Как все разузнаешь, дам столько же.

Выудив из внутреннего кармана френча плотную пачку рупий, Ш'Икитари снял серебряный зажим, отсчитал пять сотен и протянул мне. Я забрал и спрятал в складках халата. Не скажу, что «Котелок» проявлял запредельную княжескую щедрость, но плата была вполне честной.

— Молодчина, Ланс! — радостно оскалился Перстни, и крепко пожал мою ладонь. — Я в тебе не сомневался! А теперь, если позволишь, выметайся-ка нахрен, у меня еще куча дел.

Я улыбнулся, вздохнул и осторожно забрал кружку с мокрого подлокотника.

— Вообще-то, Галло, это моя нора и я тут живу.

— А?! — тот встрепенулся, словно я выдернул его из глубоких раздумий. — Точно, точно…

Встал, оправляя френч, под которым мелькнула кобура башера, подвернул хвост под локоть и протопал в прихожую.

— Слушай, хорошая чинга, — напоследок похвалил он, водружая на макушку круглую лимонную шляпу и старательно не глядя в зеркала. — Будь хорошим, Ланс, и держи связь.

— Непременно, — пообещал я, отпирая дверные замки. — Как что узнаю, сразу с тобой свяжусь.

«Ломкая горечь»

Куо-куо-куо, мои несравненные, куо-куо!

На невидимых течениях станции криминального анализа «Ломкая горе-ечь» ваша бессменная слуга и верная подруга, самая честная и неподкупная прокламаторша Юдайна-Сити и всего Мицелиума — Моноспектральная Чапати, и вот вам очередной выпуск неглупых размышлений!

Увы, неспокойно в западных районах города… Отчего же так, спросите вы? И Чапати охотно ответит вам — потому что бандиты больше не ощущают себя таковыми! Они перестали быть грязью, о которую добропорядочный чу-ха боится испачкать хвост, они вросли в нашу жизнь плотно и основательно, они нагло вломились на наши улицы и в наши дома и норы, и нет этому конца.

А знаете, мои любознательные, о ком я желаю поговорить сегодня? О, вы даже можете попробовать угадать… Впрочем, Моноспектральная не станет долго вас мучить, давайте же вновь обратим свое внимание на несравненного покровителя Бонжура, защитника угнетенных, мудрого и справедливого Нискирича фер Скичиру.

Э-э-эй, поганая вонючая байши, убери-ка свои грязные лапы от нашего благодетеля, воскликнут те, кто слишком мало знает о происходящем в районе! Но Чапати лишь усмехнется: ни одно обвинение на нашей станции никогда не выносилось голословно или без доказательств, хоть и не все их мы способны раскрыть, чтобы не подвергать смертельной опасности верных и отважных информаторов…

Впрочем, истинные почитатели авторитета господина Скичиры наверняка и вовсе не слушают наши выпуски, а потому Чапати продолжит свой рассказ для тех, кто не прячет головы под одеяло и готов со всей стойкостью признавать невеселую правду о прогнившей сущности нашего района и его, кавычки открываются, оберегателях, кавычки закрыть.

Сегодня Чапати не станет пугать вас реками крови, хотя та все еще струится по нашим улицам от Парковой улицы до площади Канамару. Сегодня Чапати расскажет вам, как бандит, на которого по удивительному стечению обстоятельств не могут найти управу ни тетроны, ни смирпы, да будут их хвосты вечно пребывать в чистоте, пытается сменить заляпанный фартук мясника на благопристойный костюм члена высшего общества.

О чем идет речь, о, Моноспектральная, спросите вы? Чапати ответит вам, мои ушастенькие: речь идет о легализации

господина Скичиры и его попытках укутать наркоторговлю и массовые убийства шалью купленной добропорядочности.

О чем ты, Чапати, воскликнете вы?! Мы не понимаем, удивитесь вы!

Но перед Чапати лежат достоверные сводки, недавно добытые нашим агентством на просторах Мицелиума, и в них открыто говорится о том, что за минувший месяц Нискирич фер Скичира скупил сразу пять частных предприятий по вывозу мусора.

О, мои заинтригованные, вы наверняка решили, что это хорошо? Действительно, мусорщики — плоть от плоти Юдайна-Сити. Там, где чу-ха, там горы мусора, это закон жизни. Там, где копятся горы мусора, непременно должны быть те, кто терпеливо соберет их и вывезет на станции переработки. И если бы не их ответственная и тяжелая работа, наше многомилионное гнездо уже давно бы утонуло в отбросах и хламе, превратившись в близнеца Такакханы.

И Чапати не будет с вами спорить, не-е-ет. Но обязательно упомянет, что выкупленные грузовые фаэтоны нового мусорного предприятия господина Скичиры отныне перевозят по улицам Бонжура не только объедки, старую одежду и прочие помоечные богатства, а еще и промышляют откровенной контрабандой, причем прямо под носом у Управления Тетронов!

Стоит признать, задумка потрясает своим остроумием и находчивостью! Ну кому из тупомордых захочется копаться в огромном вонючем кузове, выискивая там детали ворованных гоночных фаэтонов или партию нелицензированных консолей, собранных рабами на фабриках Аркидополиса?

Да что там говорить?! Чапати совершенно не удивится, если в самом скором времени ваши знакомые смогут покупать геромет или «Разбег» не по провонявшим подворотням или укромным подвалам «Детей заполночи», а прямо у обочин, где останавливаются машины по сбору и сортировке бытового мусора…

Кстати, еще пара слов о мусоре и отмывании окровавленных по локоть лап неуважаемого Нискирича Скичиры. Вам знакомо такое понятие, как «мусорная недвижимость»? Та самая, что уже сейчас ст **о** ит для властей гнезда слишком уж больших денег и сил на ремонт, но до сих пор населена тысячами чу-ха с пониженной социальной ответственностью и покорно ждет своего часа, невесть как оцениваясь в считанные сотни рупий (без учета взяток, разуме-е-ется)?

Так вот, мои аппетитные, можете радоваться, часть такой недвижимости Бонжура своего часа уже дождалась, по сходной цене откочевав в активы «Детей заполночи».

Коне-е-ечно, не самой казоку, а подставных предприятий, ее представляющих, но что это меняет? Тем временем Чапати расскажет вам, как будет обстоять дело чуть позже. Буквально после Ночи Переосмысления, если данные анализа «Ломкой горечи» не врут.

Так вот: заполучив в собственность десятки расшатанных в хлам комплеблоков, Нискирич сможет вложить в них собственные средства. А впоследствии задерет оплату за проживание до уровня, соизмеримого лишь с его демоническими аппетитами.

И будьте уверены, что если у вас не хватит средств, чтобы оплатить еще один день в этих жалких ночлежках, на пороге вы увидите отнюдь не тетрона с ордером на выселение, а безжалостных мордоворотов господина Скичиры, которые вышвырнут вас на улицу без сожаления или намека на сострадание!

А еще, смекнут самые сообразительные, землю под самой убогой недвижкой рано или поздно можно будет выгодно перепродать чиновникам из районных управлений, когда дело дойдет до централизованной реконструкции Бонжура?! И Моноспектральная Чапати снова подтвердит ваши мудрые догадки!

В довесок задумайтесь вот о чем: стоит вожаку «Детей» заключить хотя бы пару таких солидных сделок… Стоит ему сойтись и своего рода сродниться хотя бы с низшими эшелонами Смиренных Прислужников… Стоит ему затем с мнимой охотой уступить мелким смирпам в цене и тем самым оказать Юдайна-Сити величественную услугу, как этот жалкий крысюк тут же полиняет в цвета настоящей власти и коррупции, станет полноценным членом парка «Пламенное колесо» и, давайте немного пофантазируем, тут же прилепит к своему имени приставку «вис».

Для чего ты рассказываешь нам это, о, Чапати, воскликнете вы?! И Чапати ответит: чтобы помнили. Когда через пару-тройку лет убийца, наркоторговец и глава банды станет носить не черно-желтую жилетку, а деловой костюм из лучших магазинов Тинкернальта, вы должны помнить… помнить и передавать детям…

Ни он, ни его проклятое потомство никогда не станут вистар. Никогда не станут настоящими защитниками ваших интересов, жизни или здоровья. У него, обыкновенного уличного бандита, на уме лишь выгода, деньги и безграничная власть.

Нискирич фер Скичира — зло, которое кровью и страданиями подчинило себе Бонжур, теперь нацелившись за его пределы. А его «семья», его дети и подчиненные не только не стоят

посмертных молитв (о, Чапати с замиранием сердца ждет этого сладкого момента), нет, мои умнички, они заслуживают, чтобы прах их был развеян над помойками Нижнего Города, а всяческая память об убийцах и отравителях гнезда была предана самому глубокому забвению!

Впрочем, мои хвостатенькие, окончательное решение о том, как относиться к господину Скичире, принимать исключительно вам.

Вы можете верить Чапати, а можете сомневаться в ее словах и считать, что она оговаривает несчастного Нискирича Скичиру. Но когда время расставит все по своим местам, когда ваш близкий скрутит хвост от передоза или поймает в сердце шальную фанга во время уличной перестрелки с «Детьми заполночи», обязательно вспомните данный выпуск, и подумайте еще раз об истинной сущности этого двуликого отродья.

А пока Моноспектральная Чапати желает вам самого доброго и безопасного вечера, и прощается до новых встреч. Берегите себя и своих близких, и не позволяйте правде умирать под соблазнительным гнетом лжи и принципов невмешательства. Будьте начеку, будьте готовы!

Глава 2
НЕУДАЧНЫЙ ПЕРЕСКОК

Никогда не устану повторять, до чего мне нравятся гвалт и хаотичность бездонного гнезда. Огромный город дарит обитателям иллюзию вседозволенности.

Если ты в злобе наступил на чужой хвост в племени чу-ха-хойя, тебе не покинуть юрту, чтобы не встретить вчерашнего недоброжелателя, и тогда дело обязательно закончится судебной распрей или кровавым церемониальным поединком. В городе все иначе. Город любит укрывать своих нашкодивших отпрысков. В нем можно раствориться. Даже такому приметному парню, как я…

Именно так я успокаивал себя весь следующий день, собираясь к визиту в «Перпекто». Подбадривал с момента раннего пробуждения до выхода за дверь, а уж времени на это у меня выдалось в достатке.

Я плотно ел и не пил крепкого. Ладно, почти не пил…

Дважды вычистил «Молот». Старательно упаковал рюкзак, несколько раз перепроверив, все ли на месте и под рукой. Вымылся, побрился и подготовил лучшую одежду. Ну, то есть как? По сути — единственную одежду, но я бережно отчистил ее от грязи и даже заштопал мелкие дырки. И, разумеется, хорошенько надраил любимые ботинки.

«Перпекто» слыл весьма респектабельным клубом, и мне не хотелось выглядеть отрыжкой переулка. Не сказать, что в заведение стекалась исключительно элита Бонжура и настоящие чистокровные вистар, но залетную шпану туда точно не пускали.

Разумеется, за стенами клуба круглосуточно варили самый мутный суп, но таковой в Юдайна-Сити перемешивали в любом укромном месте, где только находились стены, способные укрыть от лишних взглядов и ушей. В остальном же «Перпекто» считался хорошим и спокойным местом, немало внимания уделявшим своей репутации.

Я не знал, кто именно покровительствовал клубу. В свое время на улицах поговаривали даже про интересы отставных тетронов, но это не мешало заведению открывать двери для любого, кто готов соблюдать правила приличия.

Сам я бывал внутри дважды, и уже видел сдержанную изысканность «Перпекто», его сверкание и уютный шум, лоснящиеся шкуры напивающихся торговцев и блеск поддельных украшений претендующих на элитарность онсэн.

Хорошая нора. Ничуть не лучше и не хуже прочих.

Как уже было сказано, любимое место Скрота Мокки не претендовало на эксклюзивность «Пламенного колеса» или любого иного закрытого парка развлечений для избранных с их таинственными ритуалами и атмосферой безграничной вседозволенности. Но и не опускалось до уровня «Хлума», где самым лучшим местом лично я до сих пор считал столик в углу возле запасного выхода…

Как ни странно, но дело Галло Ш'Икитари по прозвищу Перстни обрадовало меня и действительно отвлекло от тягостной рутины прошедших дней. Оно позволяло мне верить, что жизнь возвращается в привычное русло, и отныне все будет, как прежде.

Наверное, поэтому я и начал самую деятельную подготовку к походу; смотрел новости на станциях Мицелиума, набирался сил, сделал добротную зарядку и даже попробовал медитировать.

В глубине души я был искренне благодарен Перстням за столь неожиданный заказ. Все проведенные в добровольном заточении дни меня все равно тянуло на улицы, и помешать этому влечению не могли ни риск, ни страх, мелькавший на периферии сознания.

Что уж лукавить? Этот страх присутствовал во мне при любой вылазке за пределы жилища с первых дней самостоятельного обитания в гнезде… А тут появилась причина. Веская. Достойно оплачиваемая. И обменять ее на крепкую дверь было бы просто глупо…

Я решил, что это будет весело.

Это будет славно, интересно и быстро.

Еще я решил, что нужно наплевать на последствия, от них все равно не укрыться. Именно с этими мыслями и была открыта бутылка паймы, мгновенно убедившая, что добрый глоток умиротворяет куда лучше глупых медитаций. Мне было точно известно, что, где и с кем нужно делать.

Нору я покинул на час раньше нужного, но ждать дальше просто не осталось сил…

Сапфир, конечно же, попробовала сунуть в мои дела свой очаровательный носик. И мне, конечно же, пришлось бросить ей хотя бы обрывки правды.

Хозяйка чингайны и дочь моего домовладельца нервничала. Не то, чтобы непривычно много, но все же заметно. Разумеется, я ничего не рассказал помощнице про недавнюю суету с кулоном, но девочка умела читать между строк. Да и красивый шрам под моим правым глазом еще не спешил прощаться с сопровождающим его кровоподтеком, грациозно переплывшим на щеку и скулу.

В общем, синешкурка переживала, и мне пришлось-таки упомянуть «Перпекто». А потом еще минуту отнекиваться от фаэтона, который подруга советовала мне взять.

В итоге я все же отказался — старенький «Барру» Сапфир не только примелькался на улицах Бонжура, но и ограничивал маневр. Однако родименький комплеблок предпочел все же покинуть не через «Гущу», а пустым выездом из подземного гаража. Не то, чтобы так было надежнее, но…

Тринадцатая улица встретила безудержным весельем. Как, впрочем, всегда; она (как и прочие улицы славного Бонжура) иначе не умела. Гомон, музыка вездесущего «Восьмого цвета радуги», рекламные выкрики, мольбы попрошаек и какофония рулевых звонков гендо обрушились на меня, словно стена самума.

Свернув на запад к станции транзита, я тут же ощутил, что даже неделя изоляции позволила мне основательно отвыкнуть от этого пестрого акустического покрывала.

Чу-ха со всех сторон давили, пищали, шипели и норовили подсунуть хвосты под подошвы тяжелых ботинок. Натянув на лицо противопыльную маску и поглубже спрятавшись под капюшон, я неспешно шел по тротуару в сторону станции «Сдержанная благодать», ловко переступал через змеящиеся хвосты и не забывал подкидывать мелочь в стаканы знакомых дервишей-осведомителей.

Юдайна-Сити заметил меня. Признал, запанибратски подталкивая в плечо, закружил в водоворотах звуков и света, не забывая безжалостно испытывать на прочность.

Этот город душил и пытался переплавить с первых минут нахождения в его высоких стенах. Но я не сдавался. Более того, будто бы назло всему Тиаму я жадно пил его отраву огромными глотками. Как если бы старался доказать кому-то, что меня не задавить, не испугать и не перепить, а единственный способ надежно избавиться от бледношкурого уродца — пустить ему точнехонько в лоб стальную иглу-фанга…

На втором перекрестке я свернул на север и решительно зашагал по Полночной улице к «Благодати», чьи яркие указатели уже виднелись вдали.

Справа раскинулась огромная спортивно-игровая площадка, похожая на окаменевшие волны полноводной реки. Подвязав хвосты к поясам, десятки подростков гоняли по ним на двухколесных шестах; над ними с ревом соревновались в маневренности рисковые наездники на пернатых досках; чуть поодаль на простеньких тренажерах тягали железо любители силового спорта. Как можно догадаться, над подростками (подчас перемешиваясь в безобразную кашу) громыхали сразу несколько

канджо-трансовых композиций «8-Ра».

Разумеется, среди шумной предвечерней идиллии шныряли продавцы дайзу, «Сладкого хвостика» или «Разбега». Разумеется, в клетчатых желто-черных жилетах под просторными плащами.

Я помахал скрещенными пальцами одной группе чу-ха из «Детей заполночи», затем еще одной. А когда уже почти миновал забетонированный пятак для отрыва молодежи, от третьего патруля подданных Нискирича оторвалась тощая подвижная фигура.

— Байши… — пробормотал я и ускорил шаг.

Но уже было не оторваться.

— Ла-анс! — с легкой гнусцой воскликнул Прогиб, нагоняя меня и пристраиваясь справа. От него привычно разило едкой мускусной водой. — Куо-куо, пунчи, ты не голодный?! Послюнявишь?

Он радостно протянул мне обгрызенный кусок «бодрячка», но почти сразу спохватился, смутился и вернул в карман. Его когтистые босые лапы звонко шлепали по тротуару.

— Прости, друг, я снова забыл, что ты не употребляешь…

Я скривился под антипылевой личиной и медленно кивнул, умоляя себя сохранять спокойствие. Иногда мне казалось, что отчим на полном серьезе приказал никчемному «Дитю» следить за своим непутевым бесхвостым пасынком…

Почти над нами с мерным рокотом пролетел тяжелый фаэтон.

— Давно тебя видно не было, — протянул Прогиб, он же Разрушитель, и на секунду мне показалось, что тот действительно опечален. — Ты не захворал?

— Спал, — стараясь не повышать голоса, ответил я, умоляя станцию транзита приближаться чуть быстрее.

Прогиб вздрогнул и даже на мгновение застыл; впрочем, сразу нагнав меня вновь.

— Ни**я себе ты спать! — уважительно протянул он и сплюнул под колеса гендоистов длинной, коричневой от жевательного «бодрячка» струей. — Прям вот все это вот время?

Я покосился на него поверх тяжелой маски. Выразительно, но стараясь не демонстрировать переполнявшей меня жалости к умственным способностям собрата по казоку. Молодой чу-ха поймал взгляд, опешил, вздрогнул и судорожно схватился за отвороты жилета, не украшенного ни одной регалией.

— А, шутка, — важно покивал он, щуря карие глаза. — Ага, смешно, я чо-то сразу не настиг… Смешно, я запомню, да… А мы тут с парнями отираемся, норм так, культурно проводим время… хочешь с нами?

— У меня дела, — не меняя тона и скорости, ответил я. — Увидимся, Проги, нашим привет.

Но тот и не подумал отстать.

— Да, точно, конечно дела, — он мелко подергал носом и продолжил неотступно следовать рядом.

На встречных прохожих босолапый чу-ха при этом зыркал так, будто сопровождал известного вистар, которому простой смертный обязан уступить дорогу. Пешеходы шипели, скалились, но замечали наши двухцветные жилеты и благоразумно убирались с дороги.

А затем Прогиб задал ожидаемый вечный вопрос:

— Может, я могу помочь тебе в этих делах? — Его худая морда аж подрагивала от нетерпения и готовности угодить. — Я могу быть полезен, честно-честно!

Мда… я видел лекарских пиявок куда менее прилипучих, чем этот парнишка…

— Проги… — Я остановился и повернулся к молодому чу-ха. — Ты мне не поможешь. Я рад твоему рвению. Но возвращайся к парням и продолжайте оттягиваться… или чем вы там занимаетесь, сисадда?

Прогиб перестал жевать, вздохнул и осел на хвост. Казалось, он готов по-настоящему обидеться. Из пасти вырвался очередной тоскливый вздох.

— Хао, Ланс… — кивнул он, смущенно почесывая щеку. — Хао, только не заводись… я понимаю… Но ты это… имей в виду, если что, то я завсегда… ты только дай знать, хорошо?

— Хао, Проги, — как можно мягче подтвердил я, — я знаю.

И двинулся дальше по улице. Оглянулся, заметив, как Разрушитель смотрит мне вслед; заметил, как тот уныло побрел к своим, при этом не переставая посматривать на меня через плечо.

Я покачал головой и сбавил шаг. Настроение подпортилось, ехать на сквозном транзите расхотелось. Решив проветриться, я свернул к стоянке гендорикш возле торгового центра неподалеку. Задрав маску, присвистнул специальной трелью и махнул рукой.

Извозчики тут же заметили.

Засуетились, вскакивая из-за пластиковых столов для игры в моннго, бросились к повозкам. Одна из колясок оказалась проворнее прочих, ее водитель уже сидел в седле — она-то и рванула со стоянки, уже через несколько секунд подкатывая к обочине рядом со мной. Остальные рикши визгливо бранились вслед более расторопному коллеге.

Откинув прозрачный пластиглассовый полог, я нырнул в узкую пассажирскую кабинку, и только сейчас заметил, что за рулем гендо сидит старуха. Древняя, как сама пустыня,

замотанная в мешковатый балахон, шарф, капюшон и накидку.

Из-под тряпок выглядывал лишь край совершенно седой морды и кончики огромных ушей, помогавших пустынным манксам охлаждать организм даже в самую лютую жару. А еще я успел разглядеть характерное налобное украшение из просверленных монеток-юнов.

— Да не пересохнет вода в твоем кувшине, мать, — поприветствовал я бывшую кочевницу, внезапно испытав нечто вроде ностальгии по утраченному племени. Нечасто встретишь чу-ха-хойя на улицах гнезда…

— И тебе не испытывать жажды, — проскрежетала пожилая самка, почтительно поклонившись и вставляя лапы в защитные кожухи на руле. — Куда тебя доставить?

Разумеется, она узнала мутанта — странное и уникальное лысое существо, которое ее сородичи много лет назад нашли в пустыне, — но ничем этого не выдала.

— В «Перпекто», — скомандовал я, устраивая рюкзак на коленях и мостясь на скрипучей сидушке. — И можешь особо не спешить.

— Как скажешь, сынок…

Гендо зафырчал электромотором, покачнулся, отлепился от обочины и ловко влился в полноводный поток себе подобных. Оставив станцию транзита за правым плечом, мы покатили по Полночной, а вокруг нас Юдайна-Сити укутывался в предвечернюю вуаль.

Все ярче светились рекламные слепки, загорались новые афиши и полотна, в лавине транспорта стало чуть больше общественных пассажирских фаэтонов. Над головами покачивались ветростаты, хвостами сцепленные с накопительными станциями на крышах комплеблоков и деловых центров; их пузатые бока тоже сверкали рекламой. Облака рассеялись, и мягкое вечернее солнце дробило лучи о глыбы зеркально-бетонных высоток.

— Что привело тебя в шумное гнездо, мать?

Очередной укол воспоминаний заставил меня задать вопрос еще до того, как я хорошенько взвесил его необходимость. Узкие плечи под грудой тряпья вздрогнули — старуха усмехнулась. А затем все же ответила, коротко и едва оглянувшись, чтобы слово не сдуло ветром:

— Месть.

Мне стало не по себе. И от того, каким тоном чу-ха произнесла это, и от новой волны воспоминаний. Месть чу-ха-хойя не была похожа на месть городского жителя. И если старуха пришла в Юдайна-Сити, чтобы исполнить обет, я искренне

сопереживал объекту ее ярости…

Однако, как выяснилось через минуту, я все неверно понял. И когда уже был готов задернуть исцарапанный полог, рикша неожиданно пояснила, негромко и хрипло, заставляя основательно напрягать слух.

— Один из старейшин стаи убил моего младшего сына в ритуальном бою, — сказала она, снова подвернув голову, но не отвлекаясь от загруженной и шумной дороги. — Я не смирилась и вдосталь накормила ублюдка толченым стеклом. Пожертвовала на это любимый хрустальный бокал, подарок мужа на свадьбу… Убийца сдох в страшных муках.

У меня невольно скрутило живот. Жуткая кончина, ничего не скажешь. За которой (что мне оставалось предположить самостоятельно) последовало изгнание… Немало пожалев о собственной любознательности, я покрутил под перчаткой кольцо Аммы и не придумал ничего лучше традиционного племенного:

— Пусть дороги твоих решений приводят только к самым чистым колодцам, мать… — После чего все же аккуратно задвинул полог и откинулся на жесткую спинку пассажирского сиденья.

Старуха снова вздрогнула в хриплой усмешке, благодарно покивала и склонилась над рулем.

Остаток дороги до клуба прошел в молчании. Вопили тысячи двухколесников, фыркали двигатели обтекаемых фаэтонов, то здесь, то там слышались пронзительные сирены тетронских бронетранспортов. Не замечая непрестанного гама, я замкнулся в невеселых мыслях и попытался представить, какой смелостью нужно обладать, чтобы нарушить вековые законы; чтобы пойти против собратьев и при этом знать, что остаток жизни проведешь в чужом для себя мире. В одиночестве, ничуть не более привлекательном моего собственного…

«Перпекто» находился на границе Бонжура и Ишель-фава, укрывшись под трехуровневой эстакадной спиралью в ряду себе подобных зданий. Они составляли целый квартал — нагромождение безликих бетонных кубов без кричащих вывесок и указателей: клуб, ринг без правил, бойцовская псарня, непростой иллюзиумный оазис и еще много чего интересного, известного лишь посвященным.

Поговаривали, что где-то здесь также притаился *особенный* уютный дом для любителей жестких экзотических оргий, когда все участники приковывались за хвосты к одной длинной прочной цепи, или платили за время с кукуга без натуралистичных внешних оболочек, фактически на голом каркасе из пластосталида и сложносоставных шарниров…

Количество простеньких гендо под нависающей развязкой уменьшилось, число дорогих фаэтонов возросло. Они подкатывали или опускались из полетных коридоров, высаживали пестрых шумных пассажиров у неприметных подъездов, и тут же уносились прочь.

По тротуарам брели жидкие ручейки пешеходов, хотя я помнил, что основная часть посетителей попадает в местные заведения через старинные, намеренно сырые и антуражно-убогие подземные ходы.

— Береги себя, мать, — попрощался я.

Выбрался из глухой скрипучей кабинки и вложил в сухую мозолистую ладонь на пару рупий больше необходимого. Старуха молниеносно спрятала деньги в наслоениях одежд, кивнула со звоном монет-украшений и посмотрела мне в лицо. В темных глубинах накидок мерцали подслеповатые, но все еще хищные глаза.

— Ты лучше, чем о тебе говорят, юный терюнаши, — хрипло проговорила она и щелкнула пальцами так, что длинные когти издали глухой перестук. Добавила совершенно лишнее, подпортившее мне и без того не идеальное настроение: — Но я вижу, что над тобой копится буря близкого ненастья… будь осторожен, бесхвостый.

Я невольно скривился и похвалил себя за то, что во время поездки не спрятал верную маску в рюкзак. Вот только милого пустынного пророчества мне сейчас и не хватало…

— Я справлюсь, мать!

И, чуть бодрее нужного подмигнув старухе, направился к входу в клуб. За спиной завелся мотор гендо, и через мгновение седая большеухая рикша уже катила прочь, в сторону въезда на эстакады.

Разумеется, на добрый километр во все стороны тут не нашлось бы ни одного тетронского квартета. Вместо них у входов в заведения отирались группки по три-пять плечистых, неброско и стильно одетых чу-ха, куббавское прошлое которых не могли скрыть ни грамотно пошитые пиджаки, ни ультрамодные прически.

Приветственно скрестив пальцы, я направился к широким двустворчатым дверям «Перпекто». Все трое вышибал в массивных очках-сканерах сдержанно кивнули, а один выверенным жестом попросил не спешить.

— Куо-куо, работяги, — непринужденно поздоровался я, остановился и стянул с лица маску.

— О, терюнаши… — протянул ближайший здоровяк.

Кажется, я его знал. Но, конечно же, не помнил имени.

Потому что для того, чтобы запомнить всех случайных вышибал из всех злачных мест, куда меня когда-либо заносила нелегкая, потребовалась бы база данных размером с половину «мицухи».

— Надеюсь, ты не за неприятностями? — сканируя пальто и подозрительно хмурясь на помехи, пробасил охранник.

— Вот как ты такое можешь предполагать?! — нарочито фыркнул я, предусмотрительно распахивая полы и позволяя заглянуть под экранирующую подкладку. — Хочу шары покатать, все будет мирно.

Охранник кивком оценил мой акт доброй воли, но недобро улыбнулся. А стоящий за ним брат-близнец неразборчиво пробурчал, что таким как я свои шары катать лучше дома. И никому об этом не трепать, а то еще извращенцем сочтут, хотя и так хуже некуда… Поигрывая маской, я улыбался и терпеливо игнорировал эту вопиющую нетерпимость.

— Турнир сегодня, Ланс, — предупредил меня безымянный знакомый, изучая содержимое рюкзака. Усы и влажный нос чу-ха мелко подрагивали, и я был готов ставить деньги, что в хряще прячется анализатор, имплантированный бойцу еще в бытность службы в кубба. — Свободных столов не будет… Или ты участвовать надумал?

— Какой из меня чемпион! — беззаботно отмахнулся я и сделал шаг к дверям. — Ну, значит, в другой раз катану, а сейчас глотну чего погорячее и сделаю пару ставок.

— Куо-куо, Ланс, — мускулистая лапа вышибалы протянулась к дверям в вежливом приглашающем жесте. — Только спокойно.

Разумеется, спокойно. Когда же было иначе?

п.2; г.2; ч.2

Напоследок кивнув всем троим, я вошел в «Перпекто». Пошептался с совсем юной чу-ха за стойкой приема гостей, сдал любимый «Молот» в специальный сейф; спрятал маску и оружейный номерок в рюкзак, который сдавать отказался, как и пальто.

Правда, сверившись с отчетом от привратной стражи, ушлая малышка тут же потребовала сдать еще и выкидной нож, который я по ужасной небрежности почти забыл упомянуть. Но вот про кастет не зашло ни слова — его сплав и экранирующее покрытие обеспечивали надежную защиту от любопытной электроники.

Внеся на клубный депозит необходимую для прохода сумму, я толкнул еще одни двустворчатые двери и через мгновение оказался в шумной роскоши популярного тайчо-клуба. Добро пожаловать, Ланс фер Скичира, отдыхай и делай свою работу, но ни на миг не забывай, среди какой публики находишься!

Кубический колодец «Перпекто» был огромен и проваливался на несколько этажей ниже уровня улицы. По его периметру располагались широкие галереи с приватными кабинетами для выпивки, а все внутреннее пространство занимали игровые столы.

Больше всего их стояло на дне, не меньше двадцати, но часть «парила» в воздухе — десяток открытых площадок из прочного стекла висели на потолочных цепях, разбросанный в системе упорядоченного хаоса (соединенные столь же беспорядочными мостками-переходами), и на них тоже виднелись столы под черным сукном.

С учетом того, насколько чу-ха боялись высоты, на «парящих» плитах играли самые смелые, самые дерзкие, или те, кто хотел вывести из равновесия менее стрессоустойчивого соперника. Между цепями лавировали крохотные летательные аппараты с подвешенными полотнами-экранами, куда выводились трансляции от игровых столов.

Основным цветом «Перпекто» был матово-золотой, без малейшей отражающей способности, будь то декоративные вазоны на лестницах, оковка широких люстр или позолоченные перила. Тяжелые шторы балконных кабинетов манили алым шелком.

Несмотря на ранний час, народу в клубе было немало — зал гудел, шипел и хохотал, звучала музыка, звенели бокалы. В основном сегодня здесь собрались участники предстоящего турнира, но хватало и зрителей, и болельщиков, и желающих сделать выгодные ставки.

Десятки небедно одетых чу-ха регистрировались на стойках судейства, гуляли, разогревались вином, флиртовали и подначивали будущих соперников. Слетевшиеся на мероприятия онсэн щеголяли интригующими вуалями и тяжелыми серебристыми кольцами на хвостах; многие преуспевающие самцы красовались тюрбанами, тоже входившими в сезонную моду. В воздухе висели сладковатые ароматы выпивки и самой качественной дайзу.

Убирая перчатки в карман пальто, я улыбался.

Мне было радостно находиться в «Перпекто», снова видеть суету и настороженное дружелюбие обитателей гнезда. Каждый раз перед вылазкой из норы я с ужасом ожидал, как ухну в этот несмолкающий омут из сотен хвостатых чудовищ, но каждый раз предвкушал событие с томящей болью в груди. Перстни, красавчик, низкий поклон тебе, что придумал нанять меня на это несложное дело!

Не откидывая капюшона, я двинулся по балкону входного уровня, внимательно поглядывая по сторонам. Хоть за прошедший день в деталях изучил морду объекта, все же активировал «болтушку» и еще раз слепил над запястьем изображение Скрота Мокки. Интуиция подсказывала, что слибу уже в клубе, и я совершенно точно найду его среди толпы любителей тайчо.

Предчувствия не обманули — совсем скоро я заметил компаньона Перстней одним уровнем ниже, возле бара на балконе напротив, в окружении пары юных приятелей и фигуристой официантки, которую Скрот по-хозяйски лапал за зад.

Как я и предполагал даже по безжизненному слепку, Скрот Мокки оказался холеным колючеглазым обмылком средних лет, при одном взгляде на которого хотелось проверить наличие кошелька за пазухой. Я видел детские волчки-бегунки с траекторией куда более предсказуемой, чем ход мыслей такого проныры…

Мимо продефилировала серошкурая официантка в форменном переднике «Перпекто». Я остановил ее жестом, провел пальцем по сенсорному подносу и купил выпивку.

— Детка, у тебя найдется клочок бумаги? — с улыбкой спросил я.

Чу-ха с пугающим интересом изучала мои бледные безволосые щеки, брови, нос и губы, так непохожие на ее собственные. Обреченно вздохнув, я пощелкал пальцами и только тогда вывел ее из непреднамеренного транса.

— Что? А… да, вот! — продолжая неприкрыто пялиться мне в

лицо, официантка протянула старомодный блокнотик с логотипом клуба на каждой странице.

— Умничка… — пробормотал я, торопливо набрасывая пару строк и заворачивая записку в однорупиевую купюру. — А теперь, сладенькая, будь добра, отнеси это послание вон тому пегому господину в пиджаке с зеленым воротом. Видишь его, он сейчас усиленно разминает филейную часть твоей коллеги?

Сотруднице «Перпекто» стоило немало усилий вырвать взгляд из-под моего капюшона, но хруст рупии в тонких когтистых пальцах помог ее мыслям вернуться в реальность. Она подтвердила, что заметила Мокки, спрятала деньги и кивнула.

— Когда сделаешь, принеси заказ в кабинку сорок два, сисадда? — Я ткнул пальцем в выбранную приватную кабину за ее спиной, с не задернутой шторой. — Умничка, беги!

Не переставая ошарашено оглядываться на странного и пугающего клиента, она заспешила прочь. Дождавшись, пока моя посланница спустится ярусом ниже и подойдет к компании Скрота, я зашел в кабину 42 и задернул за собой блестящий красный полог.

Мокки взял записку. Прочитал, нахмурился, подвигал бровями, что-то сказал приятелям и начал искать взглядом названный кабинет.

Он заинтересовался.

Значит, скоро будет здесь…

Заказанную пайму принесли чуточку раньше. Но не успел я даже пригубить, как полог осторожно сдвинули, и в полутемный кабинет заглянул нужный мне слибу. Повел носом, прищурился, настороженно осмотрел пустые кресла, узкий стол с двумя стаканами и миской льда, неодобрительно покривился на мое пальто и рюкзак, а затем соизволил вальяжно бросить через порог:

— Хмех… а ты еще кто такой?

— Тот, с кем можно поговорить о деньгах, господин Мокки. Вы присядете?

Огромная крыса в пиджаке с зеленым воротом не спешила входить. Усы его подрагивали, а уши трепетали, выдавая раздумья. Он оглянулся, что-то прошипел приятелям, затем наконец сказал:

— Мы про тебя слышали, точно же. Хмех, ты вроде дорогого зверька у одного из местных рвачей, так?

Я вздохнул, дружелюбно улыбнулся, оправил капюшон на плечах и расстегнул пальто. Не спеша поднял широкий стакан для паймы, самую малость отпил и только после этого терпеливо ответил:

— Сделаю вид, что не обиделся на ваш тон и намеки, господин Мокки. — Глотнул еще. — Потому что у меня к вам важное дело. И я уверен, что оно может показаться таковым и вам, но только если вы отбросите предрассудки и уделите мне несколько минут.

Один светлый глаз слибу стал чуть больше другого. Они все удивляются, да. Будто с ними говорит не человек, а обряженная в смешной костюмчик мышь. Впрочем, Скрот довольно быстро совладал с эмоциями, тут же вернув себе напускное презрение.

— И чем же меня может заинтересовать бандитский питомец? — протянул он, все еще не выпуская алый полог из лапы; сделал вид, что не заметил черно-желтого жилета. — Надеюсь, ты приперся в это уважаемое заведение не для того, чтобы угрожать мне от имени своего владельца?

Я снова вздохнул. Покрутил на левом безымянном пальце колечко, подаренное Аммой. Задумчиво постучал ногтем по темно-коричневой столешнице.

— Господин Мокки, я снова не обижусь на ваш тон, — негромко и убедительно пообещал я, приподнимая в его сторону стакан, — но если это произойдет в третий раз, со своим уникальным коммерческим предложением я уйду к другому. К тому, кто по-настоящему ценит деньги и умеет их зарабатывать. Сисадда?!

Глаза Скрота превратились в щелки. Я буквально физически ощущал его жар, порожденный борьбой инстинктов и алчности, слышал скрежет мыслительных жерновов, улавливал растущую жадность и подстегивающий азарт. Как, впрочем, с большинством чу-ха этого удивительного города…

— Хмех, ладно, — протянул Мокки и будто бы перетек порог кабинета. Быстро, но плотно задернул красную штору, так же текуче оказался в кресле по другую сторону стола. — Валяй, Бледношкурый, рассказывай. Но времени у меня в обрез — через полчаса начинается турнир, который я твердо намерен выиграть.

— Разумеется, — кивнул я, умоляя себя раньше времени не упиваться сработавшим блефом. — Я слышу.

Дробный перестук костяных шаров от десятков столов, где разминались участники состязаний, временами даже заглушал музыку.

— Осмелился угостить вас добротной паймой, — я аккуратно придвинул к нему второй стакан и лед.

— Ценю, — Скрот дернул жесткими усами и потер узкие пятнистые кисти, — но перед турниром не пью.

Я с улыбкой перелил его порцию в собственный стакан, лед отодвинул прочь. Вообще-то расчет был на то, что слибу сделает

хотя бы глоток, но мы справимся и без того… В кабинете было достаточно жарко, плюс Скрота возбуждали предстоящие игры, а еще он был взволнован необычным предложением очень странного существа в жилете «Детей заполночи».

Отсалютовав клиенту паймой, я быстро оценил его состояние — размер зрачков, вздыбленность шерсти, темп дыхания и моторику ухоженных пальцев. Кажется, Мокки был слегка обкурен легкой «карамелью», но в остальном моим союзником должен был стать старый добрый адреналин. Который, к слову, сейчас начинал поджаривать и меня самого…

— У нас мало времени, господин Мокки, — понизив голос, начал я и слегка подался вперед, — поэтому, прошу, слушайте меня очень внимательно, повторять дважды станет расточительством…

Слибу кивнул. Насторожился в ожидании выгодного. Тоже наклонился над столом. И тогда я негромко, распевно и уверенно сказал ему:

— Девять крохотных мышат,
Сговорились не дышать…
Один вдруг затих не шурша,
Осталось лишь восемь мышат.

Зрачки Скрота мгновенно расширились, словно он увидел что-то очень приятное. Зубы, наоборот, обнажились в недобром оскале; по-змеиному мелькнул розовый язык. Пальцы чу-ха вздрогнули, схватились за край стола, хвост тоже дернулся и щелкнул по ножке стола.

Он не ожидал. Но попался. Как все они…

Признаться откровенно, в какой-то момент после того злосчастного разговора с Песчаным Карпом я до поноса перепугался, что *разучился*. Что мой удивительный дар улетучился утренним туманом, что сказка и всевластие покинули жизнь Бесхвостого Джадуга… Я боялся до такой степени, что даже не хотел думать об этом и был просто обязан проверить, да вот только не представлялось момента. Не на Зикро же мне было тестировать?

Удержав довольную улыбку, я придвинулся еще ближе к пегому чу-ха, и негромко зачитал следующую пару двустиший. Скрот издал свое странное *«хмех»*, его будто кольнули коротким электрическим разрядом, а затем он обмяк, откинулся на спинку удобного клубного кресла и приоткрыл слюнявую пасть. Не спеша обманываться, я продолжил говорить, окончательно убедившись в его подконтрольности лишь на:

— Четвертой не устоять,
И вот уж мышей только пять.

Быстро проверив, что штора в кабинет закрыта достаточно плотно, я придвинулся еще ближе к Мокки, и, почти улегшись на стол, вколотил в него:

— Отречение.

Скрот сонно повторил.

— Бесцветная относительность переплывает горизонт радости.

Скрот пробормотал и это.

Сделав крохотный глоток паймы, я едва не расхохотался. Впрочем, тут же взяв себя в руки.

— Несколько месяцев назад ты принял щедрые инвестиции чу-ха, известного тебе, как Галло Ш'Икитари, и передал их своему деловому партнеру по имени Фиррикра фер Приш.

— Верно, — кивнул слибу, преданно глядя мне в глаза.

— Почему твой компаньон не хочет встретиться с нашим общим уважаемым знакомым? — спросил я, прислушиваясь к смеху снаружи и рокоту ударяющихся друг о друга шаров.

— Это невозможно, — вдруг ответил Мокки с плаксивыми нотками. — Он ни с кем никогда не встречается…

Я нахмурился и поскреб щеку. Становилось все жарче, азарт допроса захлестывал и мешал мыслить здраво. Конспирация и тайны были неотъемлемыми частями общества Смиренных Прислужников, но для этого меня и наняли, разве нет? Крутанув колечко, я решил попробовать иначе.

— Ты устроишь мне встречу с фер Пришом, Мокки. Сегодня же.

Чу-ха сфокусировал сонный взгляд на бледном овале моего лица. И разом разрушил весь триумф от возвращения таланта, который я чуть было не посчитал утраченным.

— Нет, — пропищал он и скривил морду, будто хотел в туалет. — Это невозможно.

Я обмер. Похолодел и облился п **о** том одновременно. В красках вспомнил разговор с Шири-Кегаретой, его снисходительный тон и умение *противостоять*. Придвинулся к Скроту еще ближе в попытке уловить малейшие мимические реакции.

Это было невозможно! Отказать мне под «низким писком»?!

— Слушай меня внимательно, Скрот, — играя голосом, приказал я, стараясь не заводиться, — и пойми просьбу правильно: ты устроишь эту встречу. Мне нужно увидеть твоего партнера и понять, куда ушли отданные вам деньги Галло.

— Ты не сможешь, — уже не сдерживая гримасы, выдавил из себя слибу, будто бы пережевывая невероятно кислое. — Деньги в работе… мы их запустили, отдать не сможем.

Он морщился, кривил нос и дергал усами. Он был под действием дайзу, и это облегчало мою работу. Он был тупым, и это ее усложняло. Я мысленно выругался, проклиная небрежный подход к составлению опросника…

— Фер Приш покинул Юдайна-Сити? — осенило меня.

Ответ заставил нахмуриться еще сильнее:

— Технически, он еще здесь…

Скрот едва не словил яростную пощечину.

Бред, которым он потчевал меня вопреки давлению «писка», начинал раздражать. Но бить его я, конечно, не стал. Вместо этого задумался и параллельно прикинул, каким временем располагаю. Буду честен, такого количества отказов и туманных увиливаний я никак не ожидал, даже от профессионального слибу.

— Мокки, а вы вообще собирались отдавать Ш'Икитари его деньги? — спросил я в лоб, надеясь хоть таким вопросом проверить крепость ментального силка.

Но узнать не довелось.

Едва Скрот открыл пасть, чтобы снова процедить нечто жалостливое и писклявое, как штора кабинета отдернулась резким рывком, а на пороге нарисовались двое приятелей будущего чемпиона по тайчо.

Несмотря на общее сходство с Мокки, его собутыльники неуловимо отличались возрастом, статью и одеждой, что безошибочно выдавали в них молодых отпрысков обеспеченных торговых семейств. Тех самых, что в какой-то момент решают, что заработанное богатым папашкой можно легко спустить на ставках и рисковых сделках со скользкими порождениями Бонжура.

Справа стоял элегантный франт с широким галстуком-бантом. Слева в кабину заглядывал рыхлый толстяк с драгоценными камнями в ушах и веках. И если пузан молча уставился на допрос приятеля, его напарник оказался удивительно догадлив.

Тяжелая блестящая штора еще колыхалась, а тот уже разглядел затянутые поволокой глаза Скрота и рявкнул развязно громко, как это умеют делать те, кто живет исключительно под покровительством всесильных родителей:

— Какого *уя тут вообще происходит?! — Бант скривился, повел носом и уставился на меня так, будто увидел гадкое насекомое. — Ты еще что за ублюдок?!

Увы, слибу сразу вздрогнул. Всем телом до кончика хвоста; когти его скрежетнули по столу, едва не опрокинув миску с подтаявшим льдом. Через секунду Мокки закрыл глаза и схватился за виски.

Ох, до чего же я не люблю, когда мне прерывают сеанс… Но еще хуже, врать не буду, в такие моменты приходится моим «подопечным» — всем, кто вывалился из «писка» без предварительной подготовки или мягкого пробуждения гарантируется тяжелейшее похмелье и многодневные головные боли…

— Что случилось?.. — роняя слюни на зеленые лацканы, прохрипел Скрот, лихорадочно осматривая кабинет и всех присутствующих. Капилляры в его глазах полопались, на шее вздулись вены. — Байши… ай, голова… Ты кто?

Повторно отвечать на этот вечный вопрос я был не готов. Подхватив рюкзак, ловко покинул кресло и попытался мягко выскользнуть по другую сторону алой шторы.

— Пора мне, парни… — как можно непринужденнее сказал я, улыбаясь Банту и Толстому. — А у вас турнир, скоро начало, желаю удачи!

Но Бант не был настроен так спешно прекращать разговор. Сдвинувшись в сторону, он фактически перекрыл мне выход, оскалился и прошипел толстому приятелю, будто тот вообще о чем-то спрашивал:

— Ты чего, слепой?! Эта змея что-то подсыпала Мокки! Тварь! Тебя Свишшу послал?! Ублюдок решил выиграть грязно и использует бесхвостого борфа! Стоять!

Надменный тон. Небрежные фразы чу-ха, уверенного во всезнании. Ах, до чего же я люблю богатых детишек! Кстати, последнее его слово, ясное дело, было брошено мне в лицо, когда я предпринял еще одну попытку выбраться из кабинета.

Глаза Банта сверкали, из пасти приторно несло дайзу. Примирительно подняв ладони, я быстро накинул рюкзак, а затем все же убрал его лапу со своего пути и решительно выбрался на балкон.

Тот охнул, но не от боли, а от наглости моего поступка. Зашипел. Выругался. И схватил меня за рукав. Сильно причем, и если бы не металлизированная подкладка, острые когти наверняка бы оставили в пальто новые дыры…

— Никуда ты не пойдешь, членосос ублюдочный, кишка сучарская, я тебе за Скрота лысую жопу твою борфовскую порву так, что Свишшу рыдать станет!

Я мог бы сказать, что знать не знаю никакого Свишшу, а моя задница имеет-таки определенный волосяной покров. И что все эти детские интриги вокруг любительского турнира по тайчо меня вообще не касаются. И что наш разговор с Мокки вообще был сугубо приватным, и если бы не вмешательство невоспитанных болванов…

Конечно, ничего этого сказано не было. Более того, я вырвался из захвата, причем грубо и быстро. Но клянусь, ничуть не желая случившегося дальше!

Правой ладонью я хлопнул Банта по уху. Метко и сильно, заставив разжать когти и отшатнуться. И едва успел улизнуть, как тут очнулся Толстяк. Оскалив зубы, он бросился на меня с раскинутыми лапами, как штормбольный нападающий, словно хотел врезаться и сбить с ног.

Я ухватил его за усы. Знаю-знаю, это очень грязный и болезненный прием, особенно если рвануть и выдрать. Но я не собирался никого калечить, поэтому просто вцепился в жесткий пучок, потянул вниз и в сторону, в это время правой рукой нащупав в кармане кастет.

Толстяку хватило одного точного удара в челюсть.

Убедившись, что чу-ха «поплыл» и уже не держит равновесия, я навалился на его плечо и затолкнул в кабинет. Запутавшись в алой шторе и сорвав ее с крючков, тот со стоном завалился внутрь, чуть не свернув стол.

Бант, однако же, от туши приятеля увернулся. Скользнул в сторону, набросился на меня, и с неожиданным для такого засранца умением провел несколько грамотных ударов верхними лапами.

От первого и второго я вовремя уклонился, на третий подставил кастет. Кулак Банта прямехонько встретился с легким сплавом, смачно хрустнули костяшки, чу-ха яростно заверещал, отскочил и прижал к груди больную руку.

— Сука! — завопил он так, что проходившая неподалеку официантка уронила поднос. — Ты труп, ублюдок, дерьма вонючего кусок! Конец тебе и твоему хозяину!

— Не шипи, пунчи, — снова раскрыв ладони, попросил я. — Зря вы вмешались. Тайчо тут ни при чем, как и некий Свишшу… За кулак, конечно, прости, но ты сам стукнулся.

Бант снова ринулся в атаку. С безрассудной яростью, которую подстегивали горячая кровь чу-ха, качественная «карамель» и привычная безнаказанность богатого горожанина. Но уже через мгновение его обхватили сзади, потянули в сторону, а между нами как из-под земли выросли двое вышибал в безупречных стильных костюмах и массивных очках.

— Вы, ребятки, неверно оценили ситуацию! — прокричал я Банту через плечо ближайшего охранника. Спешно и путано, но понимая, что именно это сейчас приходящий в себя слибу и запомнит. — Вы помешали очень серьезной сделке! Так что сами теперь перед господином Мокки и объясняйтесь!

Меня ударили в живот.

Не очень-то сильно, но показательно и с предупреждением. Застонав, я отступил, успел скинуть кастет в карман, и только после этого болезненно втянул воздух. Надо мной возвышался все тот же безымянный вышибала от крыльца.

— Ланс? — он с укором покачал головой и ласково погладил отбитый о пряжку кулак. — Ведь я же просил…

— Пунчи… — просипел я, поднимая руки над собой. — Клянусь, это недоразумение. Я не делал ничего такого… мы обсуждали честную сделку, как тут заявились эти двое и начали меня задирать! А затем еще и бить!

— Ланс…

— Можешь спросить господина Мокки, он подтвердит…

— Ланс!

— Ладно-ладно, заткнулся…

Отступив на пару шагов, я заглянул в кабинку через плечо охранника. Банта увели вглубь и осматривали его сломанные пальцы, тот шипел, ругался и обещал, что его мамочка сравняет это сраное заведение с землей; Толстяка привели в чувство и усадили в кресло; Скрот Мокки все еще держался за виски и тоненько подвывал.

С балконов снизу и «парящих» площадок на нас с любопытством поглядывали участники турнира. Кто-то из онсэн попытался заснять происходящее на «болтушку», но ей мягко намекнули на последствия, и она торопливо спрятала устройство.

— Тебе лучше уйти, терюнаши…

— Да, конечно, — я вздохнул, всем видом демонстрируя попранную невинность. — Без проблем, пунчи, я ведь обещал не создавать неприятностей.

Сопровождаемый угрюмым вышибалой, двинулся к выходу. Напоследок украдкой показал Банту оттопыренный мизинец и победно ухмыльнулся, когда тот вспыхнул от злобы; надел капюшон, вдруг с сожалением вспомнив, что не допил пайму, а она в «Перпекто», мягко скажем, стоила вовсе не пяток юнов…

На нас косились, уступали дорогу. Из кабинки с сорванной шторой все еще неслись бессвязные проклятья искалеченного.

Охранник не стал прощаться, молча закрыл за мной двери. Самочка на стойке смотрела с откровенным любопытством, но расспрашивать не решилась. Вернув ей жетон на хранение «Молота», я размышлял, что дело Перстней неожиданно усложнилось и теперь выйти на фер Приша станет немного труднее.

Это было невесело, да. Как сказали бы профессиональные игроки в тайчо, этим вечером я попробовал сделать «перескок», но вместо этого со всей дури вжарил по маскирующему шару…

Забрав башер и спрятав в кобуре, я попрощался с привратницей и вышел в вечернюю прохладу. Ничего, я обязательно придумаю, как подобраться к Фиррикре Пришу и деньгам Перстней. А вот Скроту Мокки в сегодняшнем турнире хорошо сыграть явно не доведется…

praeteritum

Мой статус колеблется между «домашним питомцем» и «бесполезным, но весьма забавным невольником». Это угнетает, жжет, раскрашивает будущее не самыми яркими красками, но одновременно наделяет подобием ленивой и бесцельной свободы. Со злосчастного торга в Витрине Милашек испаряется две трети года, хотя время в моей новой обители не так-то просто отмерить…

Выкупившего меня небедного чу-ха зовут Нискирич Скичира, и для подчеркивания присущего среди сородичей уважения перед фамилией принято добавлять приставку «фер». Он лидер этой странной общины, в которую я попал в вонючем багажнике фаэтона, будто вещь или предмет интерьера.

Все мы — сотни чу-ха самого разного возраста, по большей части агрессивные самцы, и один бледношкурый мутант из диких земель вокруг Юдайна-Сити, — обитаем в страшном и некрасивом здании на краю недостроенного моста. Самок в запутанной крепости почти не встречается, и лишь раз в месяц на потеху рядовым трудягам общины внутрь привозят разношерстную стаю потрепанных жизнью онсэн.

Я почти свободен. Точнее, так: мне дозволено почти беспрепятственно перемещаться по нагромождению блоков и крыльев укрепленного общежития, но настрого запрещено покидать его пределы. Большой красочный город остается столь же далеким, как и в пустынях кочевых племен, позволяя любоваться собой из окна, но не позволяя ни вкусить, ни пощупать.

Время от времени меня гоняют и даже швыряются вещами. Частенько на меня шипят, скалят огромные крысиные зубы и даже пытаются ущипнуть или ударить, но втайне, исподтишка, так как хорошо знают — я личная (и дорогая) собственность господина Скичиры, и по-настоящему навредить мне будет чревато для любого смельчака.

Меня вполне добротно и сытно кормят, хотя и не позволяя обжираться; мне шьют одежду и мягкую обувку, почти удобную и даже теплую; а еще выделяют крохотную комнатку в крыле вожака, чтобы в любой момент тот мог призвать меня на потеху высоким гостям.

За стремительно прошедшее время я даже впервые пробую пайму, причем не совсем по собственной воле — троица когтистых шутников зажимает меня в дальнем коридоре общинной цитадели. Едва ли не силой они заставляют меня выпить половину бутылки обжигающей горло отравы.

Я плююсь, хрипло борюсь с тошнотой, напрочь обжигаю губы и язык, но все же подчиняюсь угрозам и пью. А после еще долго развлекаю троицу подвыпивших чу-ха ужимками и нелепыми плясками, наутро вознагражденный мощнейшей головной болью и осознанием необычайной привязанности к этому чудесному крысиному напитку…

Почти не помышляю о побеге, но мысли о его кабальной необходимости все же возвращаются, особенно тоскливыми ночами, особенно во время дождя или ветра. Они терзают, заставляют взвешивать, сравнивать и представлять жизнь за стенами коморки… одинокую и опасную жизнь беглеца и объекта постоянной охоты.

Относительная свобода перемещения позволяет мне в деталях изучить жизнь общины и обшарить почти все закутки бетонного лабиринта, которым умело управляет Нискирич. За проведенные в холодных коридорах недели я медленно постигаю, чем в действительности занимаются их суровые обитатели.

Я с интересом изучаю, как они шустро потрошат на запчасти угнанные летательные аппараты, которыми в невообразимом множестве пользуются городские жители; наблюдаю за промышленными объемами фасовки самого разного зелья, к которому меня предусмотрительно не подпускают.

Ниоткуда меня толком не гонят, но и ничего не разжевывают. Чаще всего умилительно восхищаются неожиданным любопытством, визгливо смеются или сюсюкают, будто с парой старых дворовых псов, издавна прижившихся при цитадели.

Сам казоку-хетто перестает уделять мне повышенное внимание уже через пару-тройку недель после азартного торга и покупки. Изучение диковинного манкса быстро наскучивает ему, в том числе из-за вынужденного молчания этого самого манкса — новый хозяин не способен узнать обо мне почти ничего полезного или интересного, потому что и сам я не способен рассказать о себе и двух слов…

Сперва Нискирич злится и даже исподволь угрожает развязать мой короткий уродливый язык, подозревая утаивание и ложь. Мне приходится потратить немало усилий, чтобы убедить покрытого шрамами чу-ха, что о притворстве не идет и речи. В итоге он верит или делает вид. А спустя непродолжительное время почти не вызывает меня в кабинет для заумных разговоров и пустопорожних бесед.

Я все лучше говорю и понимаю на языке Тиама. Диалекты нихонинди большого гнезда во многом отличаются от распространенных в пустыне, но я улавливаю разницу на лету, стремясь препарировать каждое слово из окружающих меня

разговоров.

О жарких песчаных просторах, кстати, я почти не вспоминаю.

Какое-то время после доставки из Витрины в голове еще возникают размытые образы завяленного солнцем Джу-бир-Амрата, всего угрюмого племени Стиб-Уиирта или раскаленных песков вокруг редких прохладных оазисов. Но их медленно и верно вытесняют звуки перенаселенного города, туши ветростатов в небе и ярчайшие рекламные полотна, которые я изучаю с балконов общинного дома…

Постепенно я позна ***ю*** *суть «Детей заполночи» и имена всех старших крыс, помогающих Нискиричу фер Скичире управлять общиной — шумным стайным микрогнездом, из-под маски которого для меня теперь все явственнее проступает добротно спаянная банда.*

Несколько раз со мной пытается общаться еще один из ее негласных лидеров — Открытое Око стаи. Пожилого знахаря и служителя непонятного мне пока культа зовут Ункац-Аран, и он выглядит всерьез настроенным узнать обо мне как можно больше (из-под его интереса так и просвечивают личные устремления и амбиции).

Впрочем, как и Нискирич до него, седошкурый гадатель быстро оставляет бесплодные попытки. И внезапно начинает внушать окружающим, что купленный у грязных глупых чу-ха-хойя мутант — лишь необычное животное, случайная отрыжка зараженной пустыни, и только кажется разумным с расстояния, как это происходит с мышами.

Впрочем, Ункац переубеждает прочих обитателей крепости при обязательном отсутствии Нискирича или его ближников, при самом вожаке продолжая заводить заумные речи про удачу, которую безволосый экзотический пленник способен принести их растущему сообществу. Уже в те дни Открытое Око представляется мне жалким, тщеславным и трусливым, особенно на фоне моего нового хозяина — сильного, жестокого, властного и по-своему харизматичного…

Мне не нравится Нискирич. Да и реальное положение дел и свои статусы я оцениваю с предельной объективностью. Но я признаю силу и характер этого косоглазого чу-ха, стараюсь чутко улавливать правила крепости и не нарушать их, и не нарываться на повторение единственной порки, которой меня наказали за случайный вход в крыло детей вожака.

Кстати, их оказывается довольного много, не меньше десятка, настоящий разновозрастной выводок. Но все сопляки и соплячки — за исключением одной тихони-подростка, — пользуются вниманием и расположением сурового отца не больше, чем я сам

после месяца пребывания в доме «Детей заполночи».

Чуть позже я все же по-настоящему знакомлюсь с Аммой фер Скичира, детеныш сама находит меня в шумном ремонтном цеху. Она любознательна, в меру многословна, застенчиво смешлива, и совсем не боится подхватить от терюнаши заразу, о чем ее неоднократно предупреждает папенька.

Она совершенно не похожа на злобный молодняк пустынного племени, беззаботно взрослея в окружении сотни вооруженных головорезов. И пусть в ее поведении даже сейчас уже нет-нет, да и проскочат родовая стать и жесткость, присущие лидеру банды, ум юной Аммы подвижен, голоден и текуч, и мне непросто представить ее во главе бандитского клана…

Никто из нас двоих не способен даже помыслить, какие события случатся совсем скоро и как многое изменят в наших жизнях. Но девчонка будто предчувствует. И потому тянется к уродливому пленнику в любую свободную минутку, только и дожидаясь момента ускользнуть из-под присмотра и начать новый этап бомбардировки бесхвостого питомца наивными, но очень меткими вопросами.

Я не очень-то знаю, что отвечать малышке о своей прошлой жизни. И поэтому рассказываю исключительно про чу-ха-хойя и опасную пустыню, про затяжные пыльные бури, гулко сотрясающие землю миграции лысых туров, чудовищные металлические конструкции, тонущие в песках, и странные обычаи кочевых племен.

Девчонка, конечно же, слушает с открытой пастью, свесив розовый язычок и восторженно сверкая глазенками. А затем нас находят охранники, ворчат на нее и отвешивают демонстративный тумак мне и утаскивают Амму прочь, чтобы через день-другой-третий все повторилось вновь.

А затем в неуютный, но ставший почти родным Нарост пробирается опасный враг, и в моей жизни перелистывается новая страница…

Глава 3
ЦАРИЦА ПЕРЕДЕЛОК

Одним из главных недостатков района, в котором располагался «Перпекто», являлось почти полное отсутствие стоянок с рикшами — публика местных заведений предпочитала разъезжаться по домам более респектабельным образом.

Впрочем, пройдясь по улице буквально сотню шагов, я решил, что так даже лучше. Мне не мешало прогуляться, проветрить голову и решить, что делать дальше.

Темнело, холодало.

Работяги спешили по норам, навстречу им лился поток праздных гуляк, только и ждавших вечернего часа. Улицы заполнялись нарядными прохожими в светящихся прозрачных дождевиках, почти из каждого проулка лилась музыка расслабляющихся компаний.

Юдайна-Сити вновь начинал свой вечный праздник под присмотром Смиренных Прислужников, весьма строгих, но много дозволяющих и при этом незаметных. Публика радовалась, пила вино и восхваляла идеально-невидимых поводырей…

Избегая шума и давки, я свернул на менее заполненную улицу, сверился с картой и зашагал к станции транзита. Разумеется, не забывая поглядывать по сторонам — лично для меня, как и для любого другого «Дитя», граница Ишель-фава с недавних пор стала не самым спокойным местом. Хвала Нискиричу фер Скичире, разумеется, и его гениальному плану. А также прокламаторам, из которых о начинающихся распрях между «Детьми» и «Верткими прыгунами» не написал только самый ленивый.

Несмотря на тревожный статус пограничного района, я не испытывал ни капли страха. Во многом благодаря верному башеру под мышкой, но и не без помощи паймы в желудке.

Вспомнив ее божественно-обволакивающий вкус, я многозначительно хмыкнул, остановился, вынул из пальто фляжку и глотнул еще. Конечно, мои жидкие припасы оказались не такими шикарными, как в «Перпекто», но для прохладной вечерней улицы — самое то! Глубоко втянув воздух опаленной глоткой, я двинулся дальше.

Почти сразу заподозрив, что за мной следят…

Поменяв улицу на параллельную и несколько минут прождав в тенях, я убедился, что это всего лишь подала свой скрипучий голос моя профессиональная деформация, подогретая

случившейся в клубе потасовкой. Приказав себе не нагнетать, я покинул глухое крыльцо закрытой букмекерской лавки и продолжил прогулку.

Неизвестная мне извилистая улица была образована модульными домами, причем даже не комплеблоками, а нагромождениями отслуживших контейнеров. Нужно было отдать должное архитекторам, они отработали на славу — среди пятиэтажных пирамид не встречалось ни одной одинаковой, а цветные панели и сверкающие рекламные полотна придавали кварталу вполне интригующий вид. Особенно в полумраке, когда в глаза не бросались ни потеки ржавчины, ни пятна плесени на стенах бывших хранилищ…

Над головой, чуть выше стандартной полетной высоты, небо перечеркивала настоящая паутина проводов, растяжек и рекламных лент. Конторы помельче довольствовались флажками и люминесцентными наклейками; фирмы среднего звена позволяли себе светящиеся короба и полотна; корпорации Уробороса крыли размахом и дороговизной, натягивая над улицей гигантские свето-струнные «потолки», на которых расхваливались напитки, чемпионаты и крупные тотализаторы, украшения, «болтушки», новые модели фаэтонов или лекарства от всех болячек.

Несмотря на яркость и пестроту, особо продвинутым этот квартал назвать было нельзя. Нервно-деловую суету рабочего дня сменяли праздность, приветственные возгласы и пение подвыпившей молодежи. Вышки полетных коридоров здесь отсутствовали вовсе, поэтому редкие встречные фаэтоны смиренно катили по гладкой проезжей части. Поток гендо тоже выглядел вовсе не полноводным.

Я беззаботно шел вперед, намеренно забывая поглядывать в карту, и жадно упивался легкой атмосферой вечернего города. Голову чуть кружило, мышцы приятно гудели после короткой стычки с дружками Мокки. Будущее представлялось непростым, но интересным, и даже пронзительный визг ссорящихся в модульных пирамидах семейств не вызывал раздражения.

Однако безжалостная история подтвердит, что именно такими славными вечерами и случаются самые гнусные неприятности. Даже когда к ним, казалось бы, всецело готов…

Крепкий черношкурый чу-ха материализовался на моем пути из темного проулка, будто ожившая тень. И с первого взгляда было очевидно, что он не просто желает вручить рекламную листовку.

Более того, он выглядел классическим мордоворотом, а широкие плечи и отсутствовавшее левое ухо лишь усиливали

грозный вид. Глядя мне под капюшон, он неспешно направился навстречу, держа лапы в карманах плотной куртки без малейших опознавательных знаков какой-либо казоку или уличной банды.

Я сбавил шаг и быстро расстегнул пальто. Неужели Мокки успел так оперативно подсуетиться и организовать комитет по встрече? Это казалось маловероятным, но я огляделся и сразу наметил путь, по которому уйду на другую сторону улицы.

Не успел…

Второй чу-ха оказался за моей спиной бесшумно и умело, вероятнее всего, мягко спрыгнув с пожарной лестницы на стене контейнерного дома. И не успел я обернуться и даже потянуться за башером, как ощутил на шее что-то прохладное, эластичное и опасное. А уже через мгновение наброшенная ублюдком электронная самозатягивающаяся удавка издала протяжное *«фьюить»* и превратила мой капюшон в крепко завязанный мусорный мешок.

— Байши!..

Я захрипел и рванулся через улицу, пальцами левой рукой лихорадочно пытаясь подцепить край сжимающейся петли. Все же выхватил «Молот», но нападавший с фронта оказался близко — схватил за плечи, отбросил обратно на тротуар, затем отвел оружие и грубо вырвал. В глазах начало темнеть, воздух с неприятным свистом вырывался из моих легких, обратно входить отказываясь.

Слабый удар кулака громила отбил с прежней небрежностью. А когда я поднял гаппи к стекленеющим глазам и попробовал активировать экстренный вызов, его подельник навалился сзади и заломил мне руки.

Зарычав, я рванулся, попробовал пнуть безухого, но меня дернули за рюкзак и чуть не опрокинули. Темнота становилась все гуще, дыхание оборвалось.

Скрипя зубами, я снова попробовал ухватиться за удавку, но крысиные лапы держали крепко. Пульсация в груди стала нестерпимой, в ушах зазвенело, а голову будто замотали одеялом. Последним, что я увидел перед тем, как окончательно отключиться, стал неприметный черный фаэтон с открытым багажником, подкативший к тротуару в паре шагов от безухого…

Невероятно сложно рассчитывать время, проведенное без сознания, но помочь в этом, как ни странно, лично мне обычно помогает выпитая пайма. Когда я вновь научился различать звуки и видеть размытые силуэты через приоткрытые веки, состояние иссушающего отрезвления подсказало, что с момента нападения прошло не меньше получаса.

Не спеша выдавать возвращения в мир бодрствующих, я

осторожно пошевелил руками и первым делом обнаружил, что нахожусь уже не в багажнике фаэтона. Под задницей ощущался крепкий стул, руки были заведены за его спинку, причем связанными оказались не запястья, а предплечья в районе локтей. На ногах пут не чувствовалось, но в существующей позе я не мог бы даже нормально встать.

Сквозь тончайший прищур мне удалось рассмотреть массивный ящик в нескольких метрах справа. На нем я заметил лежащий поверх пальто рюкзак, а еще нож, кастет и скрученную кобуру с «Молотом» и запасными кассетами.

От безысходности и нелепости случившегося я чуть не взвыл. Потому что когда кто-то вляпывается *вот так вот*, добра не жди ни при каких раскладах…

Стараясь не вертеть головой, я попробовал осмотреться. Увидел просторный зал то ли склада, то ли старого ангара, узкие окна под высоким потолком, две тусклые лампы на длинных шнурах, в круге света одной из которых и стоял злосчастный стул.

Воздух пронизывали кислые химические запахи, звучала жизнерадостная музыка нового хита «8-Ра». Судя по прочим звукам, мои похитители находились неподалеку, то ли двое, то ли трое, но пока не спешили покидать полумрак и выходить в световое пятно.

Умная удавка с моей распухшей шеи исчезла (уже достижение!). Очевидно, ее запрограммировали лишь на лишение сознания, и я с нервным смешком подумал, что эту интереснейшую игрушку наверняка любят использовать почитатели жесткого секса…

Поворочав языком, я обнаружил, что ни о каком «низком писке» речи пока быть не может. Однако я все еще был жив, а это означало, что если потянуть время и восстановить тембр голоса…

Пальцы внезапно нащупали «болтушку», которую даже не удосужились срезать с моего левого запястья. Похолодев от открытия, я заставил себя не совершать лишних движений, и осторожно заскользил пальцами по ее сенсорному экрану. Почти сразу же услышав в заушнике приятный синтетический голос, сообщивший, что устройство находится вне зоны устойчивого приема.

— Даже не пробуй, — хрипло посоветовали слева, и я понял, что притворяться дальше резона нет. — Связь тута контролирую я.

Подняв голову, я открыл глаза и еще раз осмотрел похитителей, теперь снизошедших до появления на свету. Безухий крепыш смотрел в сторону и лениво пережевывал пучок

«бодрячка».

Его напарником, тоже черношкурым, оказался не шибко-то широкоплечий чу-ха, но ростом превосходивший даже меня; его щеку разрывала зигзагообразная молния застарелого шрама, в широкой розовой щели которого виднелась сегментированная полоска имплантата. Перехватив мой понимающий взгляд, говнюк оскалил гигантские резцы и легко постучал себя когтем по вживленному устройству. Его черные зрачки опасно мерцали, выдавая постоянного потребителя геромета.

Вот значит, как? Ходячий купол тишины со вживленной глушилкой. Интересно, как он связывается с любимой мамочкой, когда после тяжелой работы заходит в лавку за продуктами?

— Ну и какого же *уя тут происходит? — с трудом проталкивая слова через пересохшую глотку, поинтересовался я.

— Захлопни пасть, — все еще глядя в сторону и не переставая жевать, посоветовал Безухий.

— Мне не нравится твой тон, пунчи… — кривясь и поудобнее (это было практически нереально) устраиваясь на стуле, ухмыльнулся я. Если смогу вернуть нормальную речь, а один из выродков отвлечется, то… Мышки-мышки, спешите Лансу на помощь… — Грубость в наши дни еще никому не помогала, сисадда?

— Захлопни пасть, — меланхолично повторил Безухий, сплюнув жеваным «бодрячком», — пока я тебя не заставил.

— О, смельчак! — я хохотнул, пытаясь справиться с запершившим горлом и продолжая ерзать. — Кха… Так ты попробуй, здоровяк, чего ждешь?!

Чу-ха медленно перевел на меня выпученные, ничего не выражающие глаза. Челюсть его застыла. Я был почти уверен, что сейчас тот шагнет к стулу и врежет мне в ухо, но вместо этого он снова уставился в пустоту старого склада.

— А вы милая парочка, — еще раз попробовав путы на крепость, искренне поделился я, — вот ты, длинный, наверняка актив. Угадал?

Провокация не удалась. Глушилка продолжал хищно, но неподвижно изучать мое бледное лицо, Безухий столь же отстраненно созерцал пустоту будущих перерождений.

Байши, да кто они?!

Ни нашивок, ни татуировок, ни особых ароматических меток, ни колец, ни клановых украшений… Неужели меня схватили «Прыгуны» или нанятые ими поденщики? Благодетельная Когане, до чего же некстати сейчас оказалась бы эта нелепая месть за развязанную Нискиричем войну! А уж что до него самого, то он будет очень, очень недоволен…

Я облизнул губы и осторожно осмотрел заброшенный склад. Безрадостное мертвое место, способное оказаться любой точкой Юдайна-Сити от Такакханы до Пиркивелля. И если не начать действовать, я рискую задержаться здесь надолго. А то и навсегда…

п.2; г.3; ч.2

— Послушайте, парни, — чуть спокойнее начал я, громким многозначительным вздохом показав, что раскаиваюсь за глупые нападки и готов приступать к настоящим переговорам, — не могу знать, что вы задумали и кто за этим стоит. Но вот что нужно знать *вам* — выкуп за меня платить не станут. А еще моя смерть ничуть не остановит Нискирича. Более того, приведет его в ярость… Ах, да, и еще момент: работать на вас по доброй воле я не намерен ни при каких условиях. А против воли специалист из меня говно, вы уж простите…

Всю минуту моего проникновенного монолога чу-ха не меняли поз. Разве что Безухий что-то негромко бубнил, наверняка запуганный страшилками про чудовищный дар Бледношкурого. Стоило мне закончить, он снова сфокусировал на мне не самый осмысленный взгляд и равнодушно повторил:

— Я же велел захлопнуть пасть.

А затем все же подошел к стулу и с добротного размаха влепил мне широченной ладонью по правому уху. Голова моя мотнулась, зубы клацнули. Удар получился не очень сильным, но весьма болезненным и наполнил череп длинным глухим звоном.

Охнув, я закусил губу и зажмурился, пытаясь избавиться от этого противного гула. А когда тот медленно сошел на нет, услышал еще один голос.

— Ох, терюнаши, — негромко раздалось из-за спины, и я оцепенел, — все такой же несдержанный, самоуверенный, самовлюбленный… Думает, что священное колесо мироздания вертится исключительно вокруг оси, имя которой Ланс Скичира…

Я знал этот голос. Не так давно услышав впервые, я совершенно точно знал его, хотя многое бы отдал, чтобы было иначе…

— Дружище, ты упорно не желаешь слушать других, особенно когда речь идет о мудрецах.

При первых же словах третьего подельника Глушилка тут же убавил громкость музыки, и теперь по складу, будто ядовитый туман, разносился лишь этот вкрадчивый, чуть вибрирующий голос:

— Тебя просили. Ты наплевал на предостережение, а затем еще и нагло наследил на Гариб-базаре… Затем тебя попросили еще раз. Но и тогда ты оказался глух, ведя себя с недопустимой грубостью…

Он с хрустом камешков под подошвами дорогих ботинок прогулялся вокруг меня, наконец вышел в световой круг и

остановился напротив стула. Недобро улыбнулся в своей гадкой манере, почти не обнажая зубов, и скрестил на груди крепкие лапы с матово-серыми когтями.

Пепельно-серая ткань костюма, казалась, поглощала свет потолочной лампы; лакированная челка, аккуратно уложенная к правому виску, напротив — поблескивала.

Специалист по решению незаурядных задач, господин фер Сакага, больше известный под именем Пыльного, выглядел так, будто выпил эликсира непомерной блистательности. Или искупался в нем при рождении. Да что там! Он наверняка мочился им по утрам!

Я выдавил жалкую улыбку. Чу-ха, стоявшие вокруг меня, были отнюдь не «Верткими прыгунами», и это обстоятельство делало ситуацию куда более грустной…

— Добрейшего вечерочка, — как можно более уверенно кивнул я.

Выходит, Песчаный Карп остался недоволен. А это в свою очередь могло означать, что Перстни так и не узнает, на что были потрачены тысячи его кровных.

— Ланс, дружище, — Пыльный наклонился ко мне и облизнул губы, на секунду продемонстрировав изогнутые выдвижные клыки-имплантаты, — я вынужден констатировать, что моему казоку-хетто не понравилось, как ты с ним разговаривал. А ты ведь помнишь, что я пообещал тебе, если он останется недоволен?

Разумеется, я помнил.

Но вместо того, чтобы задрожать или повинно опустить голову, я до боли в плечах распрямился и взглянул Сакаге прямо в холеную морду. Страх (а его наличие было бы глупо отрицать) внезапно ушел. Его сменила злость. От безысходности, от глупости, от недобрых ожиданий — противников было трое, «низкий писк» против них не сработает, я связан, а верный башер лежит совсем рядом, но с таким же успехом мог покоиться на дне Вишаль.

Ожидание скорой конечной остановки подстегнуло меня, обозлило и открыло рот. Да, это очевидно, ярость не лучший союзник в откровенно патовой ситуации… но что я мог поделать?

А поэтому подкопил слюны, метко сплюнул Пыльному под лапы, и в красках предложил, что тот может сделать со своей мамкой. И с папкой, если не побрезгует. А еще с сестрами и свиньями местных ферм. И даже с капризным казоку-хетто, если тот хорошенечко нагнется.

Глушилка и Безухий угрожающе двинулись вперед, но Сакага остановил их легким движением хвоста. Слушал внимательно и

терпеливо, не перебивая и не меняя взгляда, будто и правда получал некую ценную информацию или запоминал.

Глядя на эту непрошибаемость, я запнулся. Нервно сглотнул, а затем поток оскорблений и вовсе иссяк.

Запоздало спохватившись, что такой подход к вопросу, пожалуй, в самом деле не является лучшим решением проблемы, я торопливо перевел дух; с усилием поменялся в лице, натянул протокольную улыбку и как ни в чем не бывало поинтересовался:

— А теперь, когда формальности соблюдены, могу я узнать, что тут делаю? Кулона у меня нет, и если речь пойдет о повторном предложении твоего господина, то я могу лишь с сожалением повторить, что вынужден отказаться, потому что трезво оцениваю свои силы и могу со всей ответственностью заявить, что, несмотря на заманчивые перспективы оплаты и выказанное мне внимание с его стороны…

Фер Сакага покивал, словно соглашался с собственными мыслями, но медленно поднял лапу и все же остановил поток моего дипломатического красноречия.

— О каком еще кулоне ты говоришь? — хмыкнул он, заставив меня мгновенно заткнуться.

Отступил на шаг, задумчиво оперся на хвост, расправил на сером рукаве невидимую складку. Казалось, мой недавний демонстративно-злобный выпад ничуть его не задел.

— Дело в том, Ланс, — все тем же бархатистым голосом сказал чу-ха, — что ты играешься не с теми ребятишками. И продолжаешь совать свой крохотный уродливый носик, куда не следует.

У меня екнуло сердце.

Серьезно?! Весь этот балаган с удушением, похищением и транспортировкой в заброшенный склад оказался связан не с отказом от поисков кулона и невольным оскорблением господина Киликили, а с делом фер Приша? Мысли понеслись лихорадочной иноходью, в горле пересохло еще сильнее.

Мне и в голову не могло прийти, что некая вшивая «Репутация» оказалась фигурой такого жуткого масштаба, что привлекала внимание «Уроборос-гуми»… Неужели Перстни, сам того не зная, ненароком заскочил в сферу чужих интересов, а затем еще и меня за собой потащил? Это казалось невероятным, но скованные за спиной руки намекали на обратное.

— Вообще-то, господин Сакага, — проскрипел я, стараясь не выказывать удивления, — я уже взрослый. Мне даже дорогу переходить самому разрешают и в лифте ездить. Так что до этого момента считал, что сам решаю, с кем и когда общаться.

— Ох, Ланс, — вздохнул Пыльный, и колкий страх вернулся

ко мне в десятикратном размере, — теперь уже нет…

Он отошел к ящику, лениво перебрал мои сокровища, выщелкнул и снова закрыл клинок выкидного ножа. Затем задумчиво помычал, искоса взглянул на меня, и устало покачал головой. Блеснула лакированная челка.

— Все же ты прав, не стоило пренебрегать предложением моего господина, — с легкой грустью посетовал Сакага.

А я осознал, что скрученного хвоста все же не избежать…

В груди похолодело, стало трудно дышать. Вместо того, чтобы разрабатывать дерзновенные планы решительных побегов, я вдруг задумался, что последнее успел сказать своим близким? Отцу, Амме, Магде, Сапфир, Щупу и Зикро, другим немногочисленным друзьям и знакомцам. Да и просто любым чу-ха, которые видели меня в последний раз. А, точно: *«я обещал не создавать неприятностей»*. Грустно осознавать, что твое последнее публичное заявление — неприкрытая ложь…

Собравшись с мыслями, я постарался выбросить из головы все лишнее и сосредоточиться на искусстве переговоров. Причем настоящих, а не основанных на яростных плевках и кабацкой ругани.

— Надумали меня ликвидировать? — глядя в темноту склада, спросил я Пыльного. — Не уверен, что это лучшее решение. Наша казоку, разумеется, отнюдь не уважаемая «Уроборос-гуми», но в управляющих эшелонах все равно должны осознавать, к чему приведет такое скоропалительное решение.

Фер Сакага оглянулся на меня с таким видом, будто хотел попросить не смешить его подобными сравнениями. Оттопыренным мизинцем неспешно пригладил густую бровь, тронул челку, задумчиво фыркнул, бросил короткий многозначительный взгляд на подельников, и вдруг направился прочь.

Минуя стул, он задержался на пару секунд, по-отечески похлопал меня по затекающему плечу, чуть нагнулся и негромко произнес.

— Я обещал, Ланс, помнишь? А слово нужно держать… так что теперь придется применить к тебе методы, чуть более действенные, чем простые предостережения.

А затем его опасные титановые когти исчезли с моего черно-желтого плеча, и Пыльный бесшумно растворился во мраке преданного забвению зала. Эффектно, что уж скрывать…

Я облизнул губы и уставился на оставшихся чу-ха. В голове крутились прощальные слова Сакаги, и ничего доброго они не сулили. Кипящая в груди злость пока еще сдерживала растущие волны страха, но мне казалось, что это совсем ненадолго…

А затем Глушилка и его крепкий приятель подступили ко мне, и дали понять, что любые переговоры окончены.

Сперва меня ударили в живот, начав с безобидного и наименее кровавого. Я издал протяжное *«бхооо»*, попытался сложиться пополам, но надежно связанные руки не позволили.

Хрипя, я задергался на стуле, а лапа Глушилки придерживала за спинку, не позволяя тому упасть или опрокинуться. Через минуту (сущая ерунда) дыхание почти вернулось. Все это время палачи молча изучали меня, терпеливо дожидаясь нужного момента.

Когда я со стоном втянул воздух и попробовал что-то спросить, этот момент наступил — меня рубанули по левому уху, затем еще раз туда же, а сразу после двинули в челюсть. Голова мотнулась, еще раз, клацнули зубы, а один из них опасно хрустнул. Рот наполнился теплым и соленым, неожиданно приятным на вкус.

В глазах искрились молнии, отбитое ухо опухло, но это не помешало мелькнуть четкой и шальной мысли — только бы ублюдки не повредили голосовые связки.

Ага, точно. Как будто бы когда я совсем скоро предстану перед Благодетельной Когане Но или Двоепервой Стаей (в зависимости от того, кто там первым заявит права на душонку жалкого мутанта), мне понадобится «низкий писк»! Или все же понадобится? Наверное, будет даже забавно испытать чудесный талант на божестве…

Кулак Безухого снова впечатался в мои ребра.

Это было больно, причем весьма. Что не говори, а бить эти ребятки умели профессионально… Задумавшись, будто художник перед мольбертом, чу-ха легонько почесал кончик носа и еще раз ударил меня в челюсть.

С влажным треском открылась едва поджившая правая скула, рассеченная в лавке слепого мешочника; хрустнувший до этого зуб зашатался с новой силой, грозясь вот-вот выпасть… впрочем, тогда им можно будет метко плюнуть в глаз ближайшего истязателя…

Я попробовал поговорить. Капая кровью на клетчатый жилет казоку, попробовал предложить парням выслушать одну важную и очень интересную историю. Разумеется, вместо «низкого писка» или вообще хоть сколько-нибудь связных слов с моих губ сорвались только стоны и скомканное лепетание.

Отступив на несколько шагов, Безухий и его приятель с удовлетворением оценили проделанную работу. Решили сделать перерыв. Сквозь розовый туман я рассмотрел, как они вынимают из сумки пару банок эля, и по пустынному складу прокатилось

приятное шипение пузырящегося напитка.

Глушилка сделал погромче музыку, приглушенную при Сакаге, и аккомпанементом моему убиванию стала очередная беззаботная песня «8-Ра». Коллектив энергичных юнцов распевал о том, что если ты подкрасишь кончик хвоста и махнешь мне, я пойду за тобой за край мира, а еще нам обязательно нужно прогулять уроки и обязательно увидеть город на рассвете.

Было очевидно — обоим бойцам Пыльного происходящее в радость. А еще им явно приказали не спешить… Я попытался собрать в одну стаю остатки утекающего здравомыслия и взвесить шансы на выживание.

Палачи были умелыми. Но при этом увлекающимися. Так что даже если предположить, что Сакага велел не убивать бледношкурого мутанта, а лишь проучить, эти двое могли и перестараться…

А еще я снова ничего не понимал. Даже на пороге смерти, на котором, как поговаривают, умирающим являются самые искренние и чудные откровения.

Какого *уя Сакага так мутно обрисовал мою вину? Неужели мне действительно не стоило встречаться со слибу Мокки и копать под некого фер Приша? Или все же причина, по которой крепкий стул с высокой спинкой становился моим смертным ложем, крылась в оскорблении, которое я нанес фер Ширi-Кегарете?

Удивительно, но когда ты связан и ежесекундно глотаешь собственную кровь, в голову подчас приходит так много интересных вопросов…

По затекшим запястьям внезапно побежало жгучее тепло.

Будто бы очнувшись по щелчку пальцев, я вдруг сообразил, что услышанный секунду назад звук был коротким чиркающим прикосновением ножа. Пошевелив тяжелыми кистями, я обнаружил, что путы разрезаны. Пьяно подняв голову, хотел было обернуться, но на плечо предостерегающе легла узкая лапа, а в ноздри ударил запах свежепережеванного «бодрячка».

— Мой гендо у западной стены, брат, — прошипел в ухо знакомый голос, а затем в световой круг ворвалась вертлявая тень.

Глушилка звонко вскрикнул и выронил почти полную банку эля; его приятель недоверчиво обернулся, а затем в воздухе сверкнул метательный нож. Зачарованный и еще не поверивший в случившееся, я бесконечный миг провожал его серебристое вертящееся тело затуманенным взглядом.

С протяжным свистом клинок сделал еще пару проворотов, после чего врезался точно в висок Безухого, чуть ниже

безобразного рваного ошметка… правда, врезался короткой рукояткой, в лучшем случае оставив синяк…

Боец Пыльного взвыл и отшатнулся, оторопело рассматривая отскочивший от башки нож. Его тощий напарник с подавляющим имплантом в морде оказался чуть сообразительнее — отскочил, рванул на груди куртку и потянулся за башером.

Неудачливый метатель с отчаянным воем кинулся на парочку головорезов в клинч, хлестнул хвостом Безухого, заставив отскочить еще дальше, затем крутанулся волчком и набросился на Глушилку.

Хлопнул затвор башера, ему вторил крик боли, а затем невысокий босолапый чу-ха в стареньком плаще навалился на стрелка и я услышал, как звонко клацают его челюсти. Боец Сакаги зарычал, пискнул и завалился на спину, увлекая противника за собой.

— Беги! — заверещал мой спаситель, и теперь я окончательно убедился, что мне не померещилось…

Я поднялся со стула, приложив примерно столько же усилий, как если бы пытался приподнять фаэтон. Покачнулся, устоял, с зубовным скрежетом пошевелил опухшими пальцами.

Мне казалось, все происходит очень и очень медленно, предательски медленно для полноценного спасения… но на деле я оказался возле ящика с трофеями весьма быстро для затекших ног.

Безухий уже кидался ко мне с нацеленными в лицо когтями, когда «Молот» привычно наполнил мою ладонь, уставился в морду бандита и дважды харкнул фанга прямо в оскаленную пасть. Мой истязатель взвыл и схватился за окровавленную голову, из-под него будто вышибли нижние лапы, и он с размаху опрокинулся на спину.

Глушилка с рычанием продолжал борьбу, но вцепившийся в него неприятель оказался слишком цепким, вертким и необычайно сильным для своей комплекции, не позволяя ни встать, ни отползти.

Чужой башер хлопнул еще раз, другой, и через секунду палач Сакаги сбросил с себя хрипящее и подвывающее тело. Попробовал выбраться, поднимая оружие в мою сторону, но я уже перехватывал свое отяжелевшее запястье второй рукой, целился и стрелял.

С сочным шлепком фанга пробила левый глаз Глушилки, вышла чуть ниже правого уха и царапнула по бетону. Вздрогнув всем телом, долговязый чу-ха опрокинулся, его хвост судорожно хлестал из стороны в сторону.

При экранизациях манга в таких случаях обычно наступает

полная тяжелая тишина. В действительности все происходит совершенно иначе — несмотря на окончание скоротечной схватки, многочисленные звуки и не думали покидать склад: беззаботно подпевали ребятки из «ВЦР», шумно шипели уроненные банки с элем, хвост Глушилки продолжал скоблить бетон в посмертных судорогах.

А лежащий на животе молодой чу-ха, перерезавший мои путы, но так и не научившийся толково метать ножи, надрывно хрипел и силился встать из расползающейся красной лужи.

Я попытался сфокусировать расплывающийся взгляд. Повел стволом «Молота», будто во мраке могли прятаться другие головорезы Пыльного. Покачнулся, подошел к раненому, присел и осторожно перевернул на бок. Грудь черно-желтой жилетки без нашивок и значков слишком быстро перекрашивалась в темно-красный.

Прогиб умирал — первая фанга Глушилки лишь навылет прошила ему правый бок, а вот последующие вошли в грудь и горло, не оставляя ни единого шанса. Глаза парнишки закатились, сверкая ослепительными белками, когти отчаянно хватали пустоту, в пасти пузырилась коричневая слюна.

— Байши… — простонал я, в отчаянии схватившись за измочаленную голову и даже не заметив боли. — Проги… да как же так?!

Дебил! Малолетний кретин, болван, недоношенный придурок! У юного «Дитя» хватило крохотных мозгов увязаться за мной от самой «Сдержанной благодати», терпеливо дождаться у «Перпекто» и даже проследить за фаэтоном Пыльного в стремлении любой ценой угодить и помочь.

Но я был готов спорить, что вместо того, чтобы вызвать полноценную подмогу, парнишка с жаром поцеловал клинок ножа и отважно бросился в драку, уцелеть в которой не смог бы и более толковый боец…

— Байши… — повторил я, осторожно приподнимая край жилета и ощупав края ран. Нашел исчезающий пульс Прогиба, взъерошил слипшийся от крови мех на горле и не без стона изучил входное отверстие от третьей фанга Глушилки. — Да как же так?..

Самый бесполезный казоку-йодда «Детей заполночи», так и не заслуживший ни одной регалии, любивший «бодрячок» и жалевший денег на обувь, издал последний хриплый вздох, цепко ухватился когтями за пустоту, и умер у моих ног.

Он спас меня. От пыток и избиений, от подступающей смерти, от позора и возможного использования в грязных играх «Уроборос-гуми». Спас ценой собственной жизни, словив сразу

три фанга, но не переставая драться и отвлекать противника, пока я вооружался…

Байши, байши, байши… Байши!

Я поднялся на ноги, застонав от судороги в оживающих конечностях. Осмотрелся, лихорадочно выстраивая план дальнейших действий. Подступил к палачам и убедился, что они тоже мертвы.

Машинально потер «Молотом» щеку, вскрикнув от боли в разбитом лице. Тяжело оперся на ящик. Подняв брошенную банку с элем, жадно опрокинул его остатки в рот; кривился, стонал от огня в разбитых зубах, но выпил все до капли.

Труп Прогиба пялился на своего убийцу. Тот изучал высокий потолок склада. Третий мертвец запрокинул голову и смотрел в темноту. Меня окружали тела двоих бойцов одного из крупнейших криминальных синдикатов гнезда, а также пустая бренная оболочка собственного собрата по казоку.

Все это представало тревожной, навевающей самые недобрые мысли картиной, которую можно было охарактеризовать единственным метким словом.

— **здец, — пробормотал я, отставляя пустую жестянку на ящик.

Да, он самый. Потому что убивать подельников самого фер Сакаги, это отнюдь не стрелять вонючее безродное отребье в подвалах Гариб-базара…

Я поймал себя на том, что теперь брожу по границе светового круга, невидящим взглядом рассматривая тела и брошенное оружие. Забыв о боли, моя левая ладонь растирала лицо, превратив его в маску из запекшейся крови.

Спохватившись, я уставился на заляпанный багровым гаппи — сигнал был устойчивым и четким, вероятно, со смертью Глушилки его блок-устройство тоже отключилось. Вернувшись на стул, на котором чуть не погиб, я еще минуту посидел в тяжелых и неприятных раздумьях, постукивая стволом башера по лбу. Затем решился и вызвал Сапфир. Без свето-струнного слепка, конечно же…

— Привет, детка, — как можно спокойнее сказал я, стараясь не шепелявить и не морщиться.

— Малыш? — тут же вскинулась она, и я воочию представил ее за барной стойкой чингайны, с полотенцем в руке, вдруг застывшую с невидящим взглядом перед собой. — Что-то случилось?

— Все в порядке, детка, — я попробовал улыбнуться, но губы будто смазали кислотой. — Просто все мои заказы перенеси на следующую среду, хорошо?

В заушнике наступила тишина, не нарушаемая даже дыханием синеволосой чу-ха на обратном конце соединения. Разумеется, моя помощница прекрасно знала, что значит *такая* просьба о переносе заказов. Более того, однажды она уже слышала ее через «болтушку», а позже мы выпили не одну бутылку паймы за то, чтобы подобное не повторилось.

Тишина продолжала давить.

Я нахмурился, даже заподозрив очередную потерю сигнала, но через пару секунд Сапфир все же подала голос. Спокойная и приветливая, как лучший официант на свете.

— Я разогрею тебе чингу с сиропом, — сказала она.

В тот раз Сапфир немного запаниковала. Сейчас говорила уверенно и негромко, хотя я отлично представлял, как сейчас ей давит в груди… Она у меня была просто умничкой, и я до самой смерти (возможно, весьма скорой) не перестану этого повторять…

Разорвав сеанс, я тяжко поднялся со стула.

Собрал в рюкзак обрывки пластиковой удавки, которой мне стягивали руки, пустую банку из-под эля с моими отпечатками; порылся в запасах и нашел нужный бутылек ароматического масла, причем не для повседневного использования, а самый едкий, от которого лично у меня непрерывно слезились глаза. Щедро обрызгав стул, ящик и пол, я натянул кобуру, пальто и рюкзак. Еще раз осмотрелся.

Поздравляю, Ланс! Ты встретил царицу переделок и она вознаградила тебя своим царственным прикосновением! Как там сказала старуха-кочевница? *Над тобой копится буря близкого ненастья…* Вот уж точнее и не скажешь.

Первым делом нужно уходить. Как можно быстрее и как можно глубже. Нужно залечь на дно и подумать, взвесить, оценить. Именно для этого в подвале «Угля» у меня и имелась резервная нора, за которую я тоже исправно платил. А своим ответом на кодовую фразу Сапфир только что обещала оперативно подготовить ее к моему возвращению…

Задержавшись на границе светового круга, я оглянулся и еще раз взглянул на скрючившегося Разрушителя.

— Прости меня, пунчи, — пробормотал я, проклиная едкий маскирующий секрет, наполнявший мои глаза предательскими слезами. — Прости…

И неловко заковылял в темноту склада, направляясь к западной стене.

Глава 4
ПЛЕШИВАЯ ЛАПА

Как можно догадаться, этой ночью мне почти не довелось поспать, даже после позорного бегства в скромную микронору. Раны, взвинченность, страх, чувство вины, тревожные мысли и адреналин исправно выполняли свою работу, подстегивая организм эффективнее самой забористой чинги.

Первую половину ночи я вовсе помнил смутно. Как искал гендо Проги, который тот совершенно точно угнал неподалеку от «Сдержанной благодати»; как пытался темными неухоженными дворами срезать путь мимо оживленных перекрестков, усыпанных гроздьями смирповских камер; как за пару кварталов от дома бросил краденый двухколесник и проулками, будто жалкий жулик, проскользнул в «Кусок угля»…

Первым четким воспоминанием после бегства из склада неожиданно оказалась собака. Тощая уличная псина, дремавшая на крыльце служебного спуска в подвал «Комплеблока-4/49».

Разбуженная внезапным вторжением бесхвостого уродца в глухом капюшоне, она казалась недовольной, но даже не попыталась огрызнуться. Изможденная голодом и побоями, она кое-кого напоминала. А косилась при этом до того уныло, будто сумела проникнуть в мое будущее, и увиденная там картина удручила ее еще сильней…

Сапфир уже дожидалась в подвальной норе. Разумеется, не находя себе места. Несмотря на тревогу и нетерпение, она старательно проделала необходимые приготовления, быстро и незаметно перетаскав сверху необходимые вещи, содержимое тайника, и даже пополнив запас продуктов крохотного холодильника.

Увидев меня в дверях, синеволосая помощница ахнула. Осела на хвост, прижав дрожащие пальцы к губам и будто удерживая вопль, но очень быстро пришла в себя и сразу окружила деловито-суетливой заботой. Именно она помогла мне залатать дыры, благо аптечка в резервной норе была заготовлена объемная и добротная.

Но едва кровь была смыта (а зуб зафиксирован сцепляющим гелем, на грудь и ребра нанесена сетка застывающей каркасом мази, раны обработаны «нифотехом», а разошедшийся шрам на правой скуле повторно ухвачен биоклеем), я искренне обнял свою незаменимую помощницу и сразу отослал наверх. Без возражений.

Если за «Углем» станут следить, то неладное не должен заподозрить даже отец Сапфир, управлявший перенаселенным комплеблоком. И именно по той же причине я ничего ей не рассказал.

Одна половина Ланса Скичиры при этом была уверена, что это разумно, правильно и вообще хорошо; что только так Сапфир не будет подвергнута возможной опасности… Вторая при этом сомневалась и без умолку корила себя за ненужную скрытность — верная девчонка так многое делала для меня вот уже не первый год, что была достойна знать хотя бы чуть-чуть.

Победила в итоге молчаливо-заботливая и неблагодарная половина. Поэтому я ничего не сказал. К тому же выставил Сапфир в технические коридоры чуть более грубо, чем вообще требовалось.

Оставшись один, я несколько минут неподвижно стоял посреди крохотной комнаты и прислушивался к череде однообразных техногенных звуков, наполнявших подвалы комплеблока вокруг моей каморки. И только после этого окончательно уверовал в чудовищность случившегося минувшим вечером…

Окровавленный жилет и штаны отправились в стиральный аппарат, не новый и дребезжащий, зато доставшийся бесплатно. Выставив на нем долгий и мощный режим, я плеснул себе паймы в старый треснувший стакан, сдернул с дивана полиэтиленовый кожух и завалился на его продавленную тушу.

Напротив, на расстоянии, едва превышавшем дистанцию вытянутой руки, серела скучная бетонная стена. При желании на нее можно было спроецировать яркие динамические свето-струнные обои, но я даже не прикоснулся к консоли. Сидел напротив пустой серой стенки и смотрел внутрь себя. Вспоминал и взвешивал.

Перед бегством я все-таки связался с «Детьми заполночи», иначе быть не могло. С разбитой уличной консоли, поминутно принимавшей мелочь. Буквально в ста шагах от склада, где навсегда остался Проги. Замотав платком рот, чтобы исказить голос, хотя с моим изжеванным лицом и распухшей скулой в этом не было никакой необходимости.

Я не знал, кто ответил на «горячей линии» казоку, но уточнять не стал. Просто оставил короткое сообщение, что один из парней в приметном черно-желтом жилете лежит в старом складе у Черноводного канала, на самой границе Бонжура и *геджеконду*[1] Сина-Дина. А затем немедля укатил прочь, напоследок безжалостно опрыскав консольную будку вонючим маслом.

«Дети» заберут своего. И сожгут с причитающимися почестями. И это было правильно. Что при этом подумает Нискирич, обнаружив рядом еще двух жмуриков, которых можно без лишнего труда увязать с «Уроборос-гуми», мне представлять не хотелось…

Как и рассказывать о случившемся отчиму. Потому что (вот так очередной сюрприз!) ситуация осложнялась местом схватки. Чуть конкретнее: полуразрушенный склад, по совместительству подработавший местом моего истязания, находился на границе жалкой геджеконду, по-прежнему контролируемой «Верткими прыгунами». И входившей (быть такого не может!) в сферу интересов моего хищного отчима.

Не сводя застывшего взгляда с унылой пыльной стены, я пытался угадать, намеренно ли убийцы Пыльного привезли меня на окраину именно этих трущоб, или подходящее для пыток местечко удачно подвернулось на пути их фаэтона?

Я покачал пайму в стакане, сделал осторожный глоток и скривился от жгучей боли в разбитых деснах. И вообще, тяжелая голова помешает здраво мыслить… Встал, безжалостно вылил остатки в приемное отверстие крохотного пищевого комбайна, притулившегося возле узкой кабины химического туалета.

«Уроборос» будут меня искать. Почти наверняка.

Я грохнул двоих казоку-йодда, причем не самых последних, и это уже не казалось ненарочным оскорблением главы клана в ненавязчивой беседе. Значит, наша новая встреча — лишь вопрос времени…

Катая такие вот жутковатые мысли по гулким просторам утомленного сознания, я провел почти три часа. Почти не меняя позы и не ощущая впивающихся в задницу диванных пружин. Изобретая и тут же отбрасывая стратегии собственного выживания.

Магда? Только в самую последнюю очередь. Держу пари, что для начала Красная Сучка вдосталь поиздевается над моей неудачливостью, а затем просто откажет в защите. К тому же таким поступком я вскроюсь на весь Бонжур, и тогда улица охотно поможет ищейкам Сакаги без следа похоронить предателя и стукача…

Нискирич? Нельзя. Во всяком случае, сейчас. Он будет в ярости. А когда ее буря отступит, обязательно встанет на мою сторону. Ну, скорее всего. Но даже если хотя бы ненадолго предположить именно такой исход, хвостатый отчим станет активно защищать пасынка, а новый враг «Детям заполночи» сейчас ох как некстати. Особенно такой…

Галло Ш'Икитари, которого я привык называть Перстнями?

Что он ответит мне, даже близко не подступившемуся к решению его вопроса? И как на все это повлияет протекция, которую отныне оказывают «Желтым котелкам»? Лично я на месте Перстней, узнав о неприятностях с Сакагой, наверняка бы дал задний ход. И отрицал любое соучастие, лишь бы невольно не столкнуть лбами «Диктат» и его не менее мощного собрата из центральных районов гнезда…

«Диктат Колберга», конечно, можно попробовать привлечь независимыми судьями. Но будут ли они действительно выдерживать нейтралитет и объективность, а не отдадут молочношкурого равной по силе казоку в качестве жеста добрых намерений?

Я перебрал припасы, открыл банку супа, измельчил в комбайне и выпил через трубочку. Зубы уже не ныли, но челюсть еще побаливала, требуя покоя хотя бы в течение нескольких часов. Но дальше точно будет проще, это я знал на собственном опыте, дорогая медицина Тиама подчас творила настоящее волшебство…

Закончив с едой, я какое-то время бесцельно бродил по тесной норе. От стены к стене, от дивана к пищевому углу, от туалета к дивану. Впервые за долгое время радуясь, что вокруг нет зеркал — я прекрасно представлял, как выгляжу, и этот вид вряд ли вселял бы в меня уверенность в завтрашнем дне…

Магда, Перстни, Нискирич — все мимо…

Иные варианты тоже были, но казались еще ненадежнее отринутых. А это означало одно (и к этой мысли я склонялся все сильнее) — из случившегося мне придется выпутываться самостоятельно.

А это, в свою очередь, означало…

Опершись на корпус пищевого конструктора, я закрыл глаза и вспомнил одну полузабытую сценку из пустынной жизни. Совсем далекой, почти чужой, будто происходившей с кем-то другим.

Кажется, я наблюдал ее во время одного из переходов Стиб-Уиирта… а может быть, на многодневной стоянке… запамятовав обстоятельства, я при этом в малейших деталях помнил драку птицы и ящера, до того мощное впечатление она на меня в то время произвела.

Неподалеку от лагеря, где я срезал и складывал в ухабистую вязанку колючие ветки кустарника, бескрылая птица шем загнала под плоский камень двухвостую алмазную ящерицу. Выбить добычу из надежного укрытия пернатому не позволяла короткая шея, но шем отличались невероятным терпением и могли выжидать сутками.

Если бы спрятавшаяся ящерица ничего не предприняла, рано

или поздно ей пришлось бы покинуть последнее убежище, и тогда удар острого тяжелого клюва решил бы ее дальнейшую судьбу. Поэтому через какое-то время ящерица приняла единственное решение, не гарантировавшее ее гибели. Оно удивило меня, по-своему напугало и заставило проникнуться к рептилии настоящим уважением — она атаковала.

Алмазка была многим меньше шем. Не обладала ни ядовитыми зубами, ни еще каким-либо опасным для птицы оружием. Но она бросилась вперед.

Пернатая оторопела, явно не ожидая такого поворота. Более того — напуганная внезапной отвагой несостоявшейся добычи, она едва не удрала в пустыню… но ящерица не позволила. Она молча набросилась на шем, обвила ее шею обоими хвостами и терпела удары опасных когтистых лап до тех пор, пока не задушила незадачливого охотника.

Тогда, давным-давно, в далекой и душной пустыне, жалкий потерянный человечек по кличке Ланс был поражен храбростью двухвостки, ее стремлением выжить и отважным рискованным выбором. Сейчас тот же самый человек, уже обретший семейное имя, немало добившийся и нашедший уникальное место в новом опасном мире, понимал, что сам стал такой алмазкой…

Я развесил вычищенную одежду проветриваться, сварил себе не самой крепкой чинги, разложил крохотный столик, вынул из сумок Сапфир набор и уселся чистить оружие. Это умиротворяло, приводило мысли в стройность, позволяло отвлечься и еще раз все взвесить.

Я не смогу вечно отсиживаться под плоским камнем.

Значит, я должен ударить. Первым.

Об этом мне говорила дикая природа почти безжизненной пустыни вокруг гигантского гнезда. Об этом мне говорила улица и ее дикие справедливые заповеди. И даже сааду из храма «Благочинного Выжидательного Созерцания», почтенный и столь же забавный Пикири не так давно тоже намекнул мне на это, в одной из посиделок за бутылкой вдруг вспомнив старинную мудрость: *даже самая плешивая лапа оканчивается острыми когтями.*

Даже если моя атака на бескрылую птицу шем окажется неудачной, я не подставлю под удар или бесчестие ни «Детей заполночи», ни кого-либо еще. Но говорить о Лансе фер Скичире после его поминальной попойки в крематории будут еще долго и уважительно!

Смазав ассолтер, я отложил тяжелое оружие на пол и взялся за «Молот». Принятое решение все еще пульсировало в голове, напоминая о крови Проги-Разрушителя, покидавшей тело

умиравшего парнишки. Страх уходил, ему больше не было места в моем сознании. А еще я окончательно смирился с мыслью, что должен в самые короткие сроки отрастить ядовитые клыки…

Закончив со стволами, я бережно уложил основной арсенал в брезентовую сумку и поставил в угол. «Молот» отправился под подушку, кастет — в карман халата.

Выставив на столик плоский ящик из тайника основной норы, я взялся за подсчеты наличности. Активировал консоль, обходными путями заглянув на собственные счета. Что тут у нас? Немного сбережений на черный день, оплата за дело Подверни Штанину, щедрый гонорар «Котелков» за поиск кулона, аванс Галло… Я свел цифры и с нервным смешком признал неотвратимое: чуть больше пяти тысяч имеющихся у меня рупий на задумку определенно не хватит.

Значит, все же придется искать помощи. И даже на свой страх запустить пальцы в карман одного небезызвестного казоку-хетто…

Оставшиеся до рассвета часы я провел в окончательной шлифовке своего плана и тайном изучении просторов «мицухи». А еще я оптимистично вернулся к изучению дела Перстней, потому что прошлый заказ наглядно показал, что не стоит откладывать изучение нужной информации в долгий ящик. Время позволяло, голову было необходимо хоть ненадолго отвлечь от тревожных мыслей, поэтому…

Кривыми дорожками пробравшись в Мицелиум и убедившись, что входной профиль надежно прикрыт от слежения, я двинулся по невидимым проспектам электронно-иллюзорного Юдайна-Сити.

Читал, входил на станции, аккумулировал информацию и искал мицелиумные представительства нужных мне фирм. Почти сразу убедившись, что на искомую «Репутацию» так просто не выйти — таинственную контору Фиррикру Приша окружал пыльный ореол недосказанности и столь ленивого присутствия в инфопространстве, что присущи или откровенным бездельникам, или предприятиям под очень мощным прикрытием свыше.

Хмм… я видел жуков-невидимок, менее напоминавших камешки, чем «Репутация» походила на бесполезный мицелиумный хлам…

Собрав все данные в отдельную (небогатую) подборку, я задумчиво перечитывал похожие, словно новорожденные крысята, прокламационные релизы и рекламные статьи. Параллельно вспоминал неудачный взлом Скрота Мокки. И все отчетливее понимал, что если выберусь живым и целым из передряги с Пыльным, в поиске Приша мне предстоит использовать совсем

другую стратегию выуживания…

Когда таймер на консоли показал восемь утра, я заварил еще чинги, открыл экранируемый футляр (где с полуночи покоился и мой «родной» гаппи), и вынул запасной браслет — незапятнанный, перепрошитый на давно погибшего чу-ха и старательно вычищенный Зикро из смирповских баз.

Синхронизировав «болтушку» с консолью, я еще раз крутанулся по знакомым ресурсам Мицелиума, без труда отыскав в нужном месте не самый афишируемый профиль.

Бросил слепой вызов. Его, разумеется, отклонили. Я мигнул маяком повышенной важности в невидимых недрах «миц-блица», переслал слепок серебряного кольца на пальце и повторил вызов. После бесконечной минуты настойчивого царапанья в заднюю дверь мне все же ответили, и я осознал, что все это время удерживал дыхание.

— Что это значит?! — резко и недовольно спросила она, тоже подключившись к разговору в «слепом режиме». Как всегда торопливая, напористая, прямолинейная и знающая цену каждому слову. — Откуда у тебя этот слепок, борф?! Если с моим…

— Куо-куо, Хвостик, — мягко прервал ее я, не дав потратить ценное время на вполне реальные и опасные, но сейчас уж точно неуместные угрозы. — Это *я*, захожу с чужого профиля… И включи, пожалуйста, защиту.

Я не мог видеть собеседницу, но даже по голосу сразу ощутил, как поменялось ее настроение. Как она улыбнулась, причем искренне и тепло, как едва ли не подскочила от удивления.

— Яри-яри, старший брат, куо-куо! — воскликнула Амма фер Скичира, и гаппи отсигналил, что канал прикрыли дополнительным шифрованием. — Всемилосердная Благодетельная Когане Но, как твои дела?! Ты так давно не писал мне, что я уже подумывала всерьез на тебя рассердиться!

Она наконец включила камеру, и я увидел названную сестру в комнате закрытого университетского кампуса. Кровать за ее спиной была аккуратно застелена, учебная консоль на столе пестрела текстами и графиками.

— Прости меня, — совершенно честно попросил я, — слишком много дел навалилось, не разгрести. Послушай, Хвостик, я свой слепок делать не стану, тут сигнал очень слабый… Расскажи мне лучше, как твои дела?

Она кивнула и пересела так, чтобы нам не мешал утренний свет из окна — подвижная худенькая крыска, так не похожая на своего тяжеловесного папашу. По последней уличной моде левый

висок Аммы был выбрит полосками, в брови я заметил легкомысленную серебристую спираль, не совсем вязавшуюся с высочайшим уровнем успеваемости студентки Скичиры.

Из-под ворота легкой кофты к подбородку змеился тонкий шрам, расставаться с которым дочь бандита не желала принципиально.

— Да хорошо все, не переживай, — мелко кивая и тараторя в забавляющей меня манере, принялась рассказывать она. — Готовлюсь к экзамену по философии и социальной значимости индекса благочинности…

Она вдруг прищурилась, будто хотела рассмотреть на своем гаппи мой отключенный слепок:

— Впрочем, старший братец, давай-ка не ври, что ты нашел меня в восемь утра с чужого профиля только для того, чтобы на самом деле узнать, как продвигается учеба! — Она звонко рассмеялась и оскалила белоснежные зубки. — Ты ведь не просто так меня вызвал, сисадда? Давай, конспиратор, сознавайся, чем я могу помочь?

Я улыбнулся, хоть Амма и не могла увидеть, тоже кивнул.

— Раскусила-раскусила, — признал с легкой усмешкой, осторожно попивая через трубочку теплую чингу. — А от своей вины за долгое молчание отрекаться не стану и обязательно заглажу, клянусь тебе!

— Ох уж все эти твои клятвы, — с веселым упреком склонив голову набок, сказала сестра. Подернула ушами. — Говори, старший брат. Ты прекрасно знаешь, что если я могу тебе чем-то помочь, так и произойдет.

Я отставил кружку на столик и угрюмо уставился в бетонную стену. Желание все отменить и прямо сейчас оборвать связь стало таким сильным, что вынудило переплести пальцы.

— Деньги, Хвостик, — произнесли мои губы, проклинаемые сознанием. — Мне нужны деньги. И достаточно немалые.

— Ойкоо… — вздохнула Амма и повела плечом, чем сразу напомнила Нискирича. — Прекрасное желание подавляющего большинства обитателей нашего меркантильного общества, до ушей погрязшего в пучине потребления. — А затем мгновенно стала серьезной и откровенно поинтересовалась: — Все совсем нехорошо, старший брат?

— Да что ты?! — умело соврал я.

Но заметил, что Амма нахмурилась. И все же она поверит, ее я не обманывал ни разу в жизни. До этого дня, разумеется…

— И вообще, прекрати записывать меня в пропащие, Хвостик. Просто появилась идея проинвестировать один интересный проект. Но проект рискованный, поэтому я и не иду «сама знаешь

к кому»… А еще для меня это очень важно, да. — Я позволил себе умелый драматический хохоток. — Не совру, Хвостик, если скажу, что это вопрос жизни и смерти!

Забавно, как много правды подчас проскальзывает в нашей лжи…

— Та-ак, — протянула Амма, откидываясь на спинку кресла и поигрывая кончиком хвоста. — Ясно. Но я хочу задать тебе два вопроса, хао?

— Хао, Хвостик, конечно спрашивай.

— Папа в курсе? Ты уже намекнул, но я хочу услышать прямой ответ.

Я помолчал. Конечно, она бы все равно догадалась, причем и вовсе без намеков, в конце концов, она была чистокровной Скичира…

— Нет, — негромко ответил я, испытав укол непрошенной вины.

— Ясненько… — снова протянула Амма, с хитринкой глядя в камеру своего гаппи. Почесала бровь, пригладила серебристую спираль, и вдруг кивнула. — Хорошо, старший брат. Я постараюсь тебе помочь. И даже не скажу отцу.

— О, Хвостик… — выдохнул я, ощущая, как с груди падает увесистый камень. Конечно, я рассчитывал на ее поддержку, но ведь Амма имела полное право отказать, особенно в условиях напущенного мной тумана. — Благодарю тебя, сестренка! А что за второй вопрос?

— Сколько тебе нужно? — деловито поинтересовалась она, снова до боли в сердце напомнив своего непростого отца и моего не менее непростого отчима.

Я назвал сумму. Честно, почти без запаса.

Амма присвистнула, машинально пощелкав пальцами для изгнания злых духов Бансури, что могли заявиться на призывной свист. Потрогала коготком кончик носа, задумчиво покачала головой.

— Хорошо, — наконец решилась она после короткого раздумья. — Думаю, что смогу помочь. Но ты должен помнить, старший братец, что *он* регулярно проверяет состояние моих счетов и станет задавать вопросы.

— Старший братец понимает, — честно подтвердил я, отправляя ей координаты резервного незасвеченного счета. — И как только спросит, ты все расскажешь, врать я тебя не заставлю.

— Ах, как великодушно! — рассмеялась Амма.

— К вашим услугам, — я закрепил шутку невольной улыбкой, отдававшейся болью в скуле. — Папеньку беру на себя, клянусь.

— И снова он клянется… — Названная сестра

неодобрительно погрозила мне пальцем. — Ладно, старший брат, дай мне пару часов. И вот еще… — Она снова стала серьезной, и я неожиданно понял, что если малышка захочет продолжать семейное дело, после смерти Нискирича «Дети заполночи» останутся в надежных лапах. — Надеюсь, Ланс, ты не вляпался в неприятности?

— Нет, Хвостик, все в норме. Клянусь.

Снова. Правдоруб в моем сознании исходил на говно в приступах нервного хохота. Какая же ты сволочь, Ланс Скичира… Но Амме совершенно точно нельзя знать подробностей. Особенно, если мой план сорвется.

— Обнимаю тебя, старший брат! — искренне попрощалась она и послала в камеру воздушный поцелуй. — Береги себя, пожалуйста!

— И ты себя, Хвостик, — сказал я, ощущая, как по-настоящему правдивые слова наполняют душу теплом. — Обнимаю в ответ.

Связь оборвалась, я расстегнул гаппи и спрятал в защитном футляре.

Вот и все, первый шаг сделан. Дальше мне остается лишь продолжать движение по канату над пропастью и молиться всем покровителям Тиама, чтобы не соскользнула нога.

И я продолжу идти.

Мой противник силен, могущественен и очень богат. Он имеет свиту, и даже небольшую армию, но он не непобедим. Если уж на то пошло, он способен истечь кровью, как и я сам.

Если верить Пикири, во времена древности Явандра (а одноименную субстанцию в какой-то степени можно считать еще одним из моих многочисленных отцов) свергал с престолов даже зазнавшихся божеств. А Данав фер Шири-Кегарета вовсе не был божеством…

Я снова умостил на коленях портативный клавиатон и взял со столика чистые хаси. Пользуясь палочками, как когтями, начал клевать отверстия с символами, медленно и вдумчиво набирая нужное сообщение.

Когда закончил и трижды перечитал, вернулся в «мицуху», с превеликой осторожностью пробежался по примеченным ранее местам и опубликовал объявление на нескольких общественных станциях.

Когда невинный запрос о поиске профессиональных мастеров ландшафтного дизайна интегрировался в единый информационный туман Юдайна-Сити, мне стало неожиданно легко и свободно.

Да, уже этим днем я мог отправиться к праотцам, кем бы они

вообще ни были. Но будь я проклят, если когда-либо за последние пару лет чувствовал себя настолько живым, как этим утром в подвале огромного комплеблока…

Убедившись, что объявление начало набирать просмотры, я погасил консоль и отложил клавиатон. До ответа у меня есть минимум пара часов, и вот теперь их можно с чистой совестью потратить на сон и настоящий отдых.

[1] Трущобные районы гнезда, возникшие в результате взрывной урбанизации.

praeteritum

Все случается, когда Нискирича и большинства его бойцов в крепости нет. Буквально через час-другой после того, как «Дети» собираются в три мощных отряда и выдвигаются в сторону южных трущоб-геджеконду на решение «важных вопросов» семейства.

Коридоры и залы общинной крепости почти пусты, и я без труда пробираюсь в крыло старших «Детей», где обитают Когти от Первого до Восьмого. Наверняка впоследствии чу-ха обнаружат мой запах, и, быть может, даже пожалуются вожаку, но я точно знаю, что сейчас фер Скичира лишь отмахнется — его питомцу можно ходить там, где заблагорассудится, лишь бы не гадил…

Двери в личные спальни привилегированных йодда заперты, их скромный общий холл пуст, консоли погашены. Но слуги еще не успели убрать с большого стола остатки недурственного ужина, которым Когти клана подкреплялись перед военным походом.

Я включаю свет, неспешно наливаю себе паймы из полупустой бутылки, а затем задумчиво прогуливаюсь вдоль длинного стола и таскаю с тарелок пластинки жареного мяса и прессованных водорослей.

Кроме еды и выпивки я также замечаю наркоту. Брезгливо трогаю пальцем желтоватые пылевые «дорожки», оставленные на обсидиановом глянце специального церемониального столика.

*Почти за год пребывания среди «Детей заполночи» я ни разу не пробую эту дрянь. Хотя смеха ради меня даже пытаются заставить вдохнуть нечто подобное оставленному на черном столике. Это случается почти сразу после прибытия в Нарост. Но я дерусь до того яростно, что ломаю «шутнику» ухо, на шум сбегаются другие казоку-йодда и дают экспериментаторам таких смачных п**дюлей, что это отбивает у них всякую охоту ставить опыты над зверушкой вожака…*

Вытерев жирный палец о скатерть и потянувшись за новой порцией паймы, я почти сразу улавливаю, что больше не нахожусь в одиночестве.

Из небольшой комнаты, где в прохладе и чистоте хранятся банки накопителей от консолей крыла и даже всего этажа, слышится странный шум. Покачивая напитком в керамической пиале, я открываю злосчастную дверь и вхожу — безнаказанность свободы передвижения неразумного питомца стирает в моем сознании любые границы и запреты (наверное, я мог бы ворваться и в спальню Нискирича, когда тот дерет продажных самок, и он бы максимум запустил в меня башмаком).

Как выясняется через мгновение, иногда границы нужны.

Потому что я застаю их обоих, таких непохожих друг на друга, но еще более определенно не похожих на «Детей заполночи». Один из них жилист, подвижен и вертляв, как седой барханный полоз; одет во все темное и облегающее, прячет морду под глухой маской, а за спиной носит кожаную портупею-седло и массу приспособлений для лазанья по стенам.

Второй совсем кроха, и сперва я принимаю его за детеныша. Но уже через секунду морок рассеивается, и я смотрю на уродца-карлика, сморщенного и во многом жутковатого, чья башка гладко выбрита, но в тот момент это мне еще ни о чем не сообщает.

Как становится известно позже, парочка незаметно поднялась по опорам моста, на котором воздвигнут Нарост. Разумеется, в нужный момент, когда ни вожака, ни Когтей, ни большинства казоку-йодда нет дома. Но это многим позже — а в данный момент я в недоумении осматриваю незнакомых чу-ха, так и не донеся пиалу до губ.

Тощий и опасно-дерганный щурится на меня из-под маски. Он недоумевает, как кто-то вообще сумел подкрасться к нему так близко. Чу-ха ведет носом, кривится, и я понимаю, что он просто не в состоянии связать мой запах с какой-либо угрозой. Его гадко-мелкий напарник деловито возится с банками данных казоку, нахально подключая к ним портативную консоль и раскладывая на полу переносной клавиатон.

Разумеется, через два вздоха сухощавый со сбруей на спине бросается в атаку. Никаких тебе «пшшел вон!», «фу!», «плохой мальчик!»… если бы на моем месте оказался наростовский пес из мастерских, ему бы тоже свернули шею. Просто чтобы не успел тявкнуть.

Однако в мои планы тявкать вообще не входит. Во всяком случае, именно в этом я постараюсь убедить себя следующим утром. Как и буду вынужден признать факт, что неуместная отвага, подогретый паймой азарт и излишнее возмущение незваными гостями свою роль сыграли на отлично…

Поэтому я тоже бросаюсь вперед. Даже не задумавшись, а что вообще буду делать дальше. Конечно же, лазутчик встречает меня профессионально и без сантиментов: прокрутившись в спрессованном сальто, он впечатывает свои пятки в мою грудину, а шею, будто ударом кнута, в это время обжигает оплетенный проволокой хвост.

Меня уносит в пустой холл и болезненно распластывает по остаткам ужина. Стон вырывается из моей груди толчками, урывками. Слышно, как звенят раскатившиеся бутылки, на пол летят недоеденные закуски.

Несмотря на боль и наконец-то пожаловавший инстинкт самосохранения (он умоляет бежать), я замечаю, что лысый карлик невозмутимо продолжает подготовку к взлому. Растирая отбитые ребра, пытаюсь вспомнить, как далеко от крыла в последний раз видел слуг…

А тощий чу-ха снова бросается вперед, пугающе быстрый и смертоносно-проворный, и я вижу в его лапе черный нож. Рывком ухожу в сторону, отшвыриваясь всем, что попадается под руку — тарелкой, соусником, подставками под хаси и сковороды. Нащупываю горлышко бутылки, пытаюсь ударить противника по голове.

Разумеется, в тот день мои навыки рукопашных схваток с огромными крысами неописуемо юны, и жилистый ублюдок без труда уклоняется от удара в ухо. Перетекает в другую сторону, легко машет ножом, едва не задев мое запястье, и мне приходится выпустить скользкое горлышко.

В голове проносится первая дельная мысль: почему я не побежал и зачем вообще ввязался в драку? Следующая мысль: смерть зверушки-Ланса из пустыни будет нелепой, а когда приближенные Нискирича найдут меня располосованного от жопы до уха, наверняка спишут все на местных недоброжелателей или завистливых слуг…

Я со всей возможной скоростью отскакиваю и лихорадочно осматриваюсь в поисках хоть какого-то оружия. И вдруг почти сразу, меньше чем через минуту, становлюсь таковым оружием сам…

Хвост лазутчика обвивает шею жаркой петлей. Тянет к черному клинку, на котором даже не будет заметно крови. От рывка я проворачиваюсь вокруг собственной оси, а затем всем весом обрушиваюсь на черный церемониальный столик старших йодда. Лицо со всего маху впечатывается в блестящую столешницу, но стекло выдерживает, в отличие от хрящей носа.

Шумно втягиваю хлынувшую кровь и с ужасом осознаю, что весь измазан в желтоватом порошке. Он на разбитых губах, на разбитом носу и в нем же, на разодранной шее и волосах.

Со всхлипом, бульканьем и стоном я скатываюсь на пол. Карлик хладнокровно штурмует консоль Нароста, а тощий уже стелется ко мне над паркетом, чтобы одним ударом клинка окончить нелепую и совершенно неравную драку…

Вообще-то «Явандру» принимают очень осторожно.

Вводят себя в полутрансовое состояние сверхмалыми дозами, в течение пары часов готовят организм дополнительными препаратами и только непосредственно перед боем вынюхивают полноценную дозу. Тогда тезка героя древности наделяет

принявшего многократно ускоренными рефлексами, ощутимым снижением болевого порога, возросшей скоростью принятия решений, безумным мышечным тонусом и кристальностью восприятия окружающего.

В тот день в общем холле Когтей «Детей заполночи» я непроизвольно вмазываюсь как минимум пятикратной дозой дряни. Причем без подготовки, уже взвинченный, напуганный, подраненный и до бровей накачанный адреналином.

«Явандра» редким пустынным ливнем охотно впитывается в эту благодатную почву. И последующие несколько минут я помню исключительно сквозь багряную дымку боевого транса…

Худосочный чу-ха быстр, и наверняка тоже накачан препаратами. Но я становлюсь быстрее, многим быстрее этого вонючего крысюка. И пусть не до конца понимаю, что именно делать, отчаянно отдаю свое тело и разум в краткосрочную аренду опасного зелья.

Я больше не пытаюсь убежать от убийцы. Огибаю его одним протяжным броском, словно тот приклеен к полу и неподвижен, затем без особого труда ломаю хрупкое запястье и забираю черный нож.

Впервые мой противник подает голос, взвыв тонко и внезапно, а его уродливый напарник (я вижу его, причем совершенно непостижимым образом, хотя нахожусь к комнате с банками данных почти спиной) вздрагивает и даже тревожно прерывает работу.

Лишившийся оружия лазутчик еще пытается сражаться — силится ударить, пнуть, оцарапать, удушить хвостом и выцарапать глаза. Но я не позволяю, с легкостью уклоняясь от его неуклюжих выпадов. А затем небрежно чиркаю ножом и разом отсекаю ублюдку пару пальцев и кусок хвоста.

Он смекает очень быстро. Я бы даже сказал — молниеносно.

Больше не вопит, старательно разрывает дистанцию и ныряет в одну из вскрытых спален, через окно которой и пробрался в дом Нискирича Скичиры. Его напарник что-то шипит вслед компаньону, вскакивает на крохотные лапки, но мне сейчас не до него. Они оба кажутся мне медленными, сонными, до смешного заторможенными.

Я настигаю ездового лазутчика, подсекаю и наваливаюсь поверх кожаной сбруи на спине. Вонзаю нож в правую ключицу, подворачиваю, веду в сторону. Клинок послушно проваливается в тело чу-ха, скрежещет по кости.

Когда тело обмякает, я позволяю ему упасть к своим ногами. Бездонную секунду цепенею в раздумьях, задумчиво лохмачу перепачканные кровью и порошком волосы, и иду в хранилище

данных.

Бритый малыш отключает консоль и что-то бормочет. Он стоит на своих малюсеньких коленках и, вероятнее всего, умоляет его пощадить. Наверное, он даже клянется рассказать о заказчиках, но я нахожусь не совсем в том состоянии, чтобы слушать; на глазах все еще мерцает патина «Явандры», в уши словно набили ваты.

Я убиваю глабера быстро, одним движением, будто всю жизнь только и делал, что вскрывал глотки здоровенных (хоть и карликовых) прямоходящих крыс. А затем задумчиво прикладываю липкий нож к щеке и падаю в бездонную пропасть, где меня ждут изголодавшиеся демоны…

Вижу себя будто бы со стороны, бесцельно мечущегося по холлу и сметающего со стола остатки посуды и ужина. Бьющего рамы редких картин на стенах, срывающего занавески. Затем железная хватка наркотика слабеет, совсем незадолго до того, как на шумиху и мои бессвязные вопли в крыло сбегаются перепуганные слуги и парочка гарнизонных бойцов…

Похмелье, пророчимое чудовищной дозой «Явандры», способно убить самого крепкого чу-ха. Но не меня, хотя это я познаю многим позже, после нереально тяжелого и болезненно долгого отходняка.

Впрочем, он дотянется до меня только утром, а пока я сижу в углу, обхватив колени и подвывая, а рядом валяется окровавленный нож лазутчика. В таком виде меня и застают слуги и вооруженные «Дети», ворвавшиеся в холл.

Я покачиваюсь и напеваю, не замечая ни чу-ха, ни трупов, ни следов погрома. Перед глазами встают картины недавнего прошлого, такие родные и столь же далекие.

Как наяву я вижу сухие шершавые барханы и поросшие колючим мхом каньоны… А вот колонна самок Стиб-Уирта с напевами идет за водой к драгоценному роднику… Воины племени с молитвами свежуют тушу пятипалой антилопы… Детишки со смехом зашептывают плосконосого суслика, заставляя того плясать и кувыркаться…

Я немелодично мычу и выдуваю кровавые пузыри. Моя песенка проста и неуловимо похожа на стишки пустынных детенышей, бессознательно и нелепо в ней самым вульгарным образом рифмуются «кровь и любовь», «победа-беседа» или «тварь-фонарь»…

Надо мной склоняется самый отважный из слуг Нароста. Болезненно оттягивает веко, нащупывает пульс. Но я не вижу морды парня, я вижу лишь бескрайнюю жаркую степь и монотонные волны каменистых холмов.

Я что-то говорю слуге. Что-то обидное и властное, и конечно

же не замечаю, что перед этим он почти минуту вслушивался в мою дурацкую песенку в попытке разобрать слова… и глаза его остекленели…

Не успевают казоку-йодда среагировать, как парнишка подхватывает перепачканный запекающейся кровью нож и без лишних раздумий полосует себя по груди. Вскрикивает, пронзительно пищит от боли, но раскалывает оковы невольных чар и испуганно отшвыривает черное оружие.

После этот малый чуточку свихнется, увы. Но примерно то же я могу сказать и о себе…

Когда «Дети» разбираются в случившемся и восстанавливают картину схватки, а в крепость возвращается Нискирич и его ударный отряд, меня держат в запертой комнате, словно дикого зверя.

Размазанный «Явандрой» в бесформенный блин, с осознанием первого убийства обитателя Тиама, я даже не способен протестовать такому заточению. Но раз за разом прокручиваю в памяти произошедшее, берегу каждую крупицу искаженных боевой лихорадкой воспоминаний, и обещаю себе понять.

Глава 5
РАЗГОВОРОВ МАЛО

Пожалуй, впервые в моей новой жизни Нижний Город вызывал у меня меньше страха, чем распластавшийся над ним неохватный Юдайна-Сити.

Несмотря на грязь, безудержное старение Такакханы или сумятицу ее противоречивых и опасных правил, которые двое местных в споре станут трактовать сразу пятью способами, сейчас она казалась мне куда более надежным и безопасным местом, чем закутки родного Бонжура.

Не сказать, что приличные ребятки из «Уроборос-гуми» совсем не захаживали в Нижний. Но я был уверен, что шансы встретить их здесь стремились к нулю. Да и камер слежения тут встречалось куда меньше, чем на поверхности. Ну, то есть, они конечно были, причем немало, но на тотальную поверку любая оказывалась или разбитой, или закрашенной из баллона.

Фаэтон полз по грязным улицам Такакханы, терпеливо дожидаясь, пока с проезжей части уберутся переходившие ее пьяницы и попрошайки, самых настырных или тупых разгоняя пронзительным гудком. В голове скрипел «джаз», предвестник нескучных событий. Настороженно поглядывая по сторонам и ежеминутно проверяя, не принес ли кого на хвосте, я двигался к месту встречи на стареньком «Барру» Сапфир…

Конечно, полуанархия Нижнего Города заставляла держаться настороже. Особенно с учетом того, что ребра еще не до конца зажили после восстанавливающего гелевого корсета. Однако, несмотря на легкую боль в боку и лежащий на приборной доске башер, дышалось мне легче. Метафорически, разумеется, потому что воняло на улицах Такакханы все же знатно — ее глубинные канализационные системы не ремонтировались со времен, когда верхнюю часть гнезда еще только проектировали.

Вонь, к слову, была не единственной проблемой Подпола Дна, как минимум потому что сюда не хотел брать заказ ни один здравомыслящий гендорикша. Возможно, моя недавняя знакомая-изгнанница из кочевой стаи и рискнула бы доставить пассажира в нужную точку, но выискивать старуху на улицах Бонжура было бы излишне опрометчивой идеей. Так что я снова выпросил транспорт у Сапфир. Как обычно не отказавшей своему «Малышу».

Именно на этой скрипучей, но все еще надежной колымаге я и притащился в жилой район Такакханы под названием Малый

Фурай, через четверть часа блужданий по улицам-тоннелям загнав фаэтон в защитно-парковочный короб напротив заведения с кричащей вывеской «БОЙЦОВСКАЯ СТОЙКА».

Над головой, в мире сытых чу-ха и тетронских патрулей, где тянулись к облакам высотные здания, а на невидимых потоках парили пузатые ветростаты, сгущался вечер. Но Нижний Город его не видел — мрак, разгоняемый лишь мутным светом дорожных фонарей и болезненными вспышками свето-струнной рекламы, царил здесь круглосуточно, в итоге ломая психику даже самых стойких…

На утреннее сообщение ответили, причем уже к обеду.

Без ложной скромности отмечу, что случилось это во многом благодаря моей виртуозности в составлении скрытого послания, мимо которого проскочил бы только полный глупец. Впрочем, когда играешь на тщеславии чу-ха, их нестерпимом азарте и зудящем стремлении сокрушать ослабевших, особых сложностей не возникает. Ну и не станем забывать намеки на щедрую оплату, разумеется.

Поэтому, когда немногим после полудня я вернулся в Мицелиум и проверил наживку, меня уже ждал лаконичный ответ. Место, время, правила безопасности и условия переговоров.

Последний пункт, к слову, я все же нарушил, оставив в подвальной норе подробную запись о том, куда, зачем и как надолго собираюсь отправиться. Впрочем, моим новым друзьям об этом знать совсем не полагалось, и оставалось надеяться, что до моего благополучного возвращения милая Сапфир не станет совать свой очаровательный носик куда не следует, чтобы не наводить пустую панику…

Плотная сеть проводов (чаще всего по ним текло ворованное электричество) над узкими улицами Фурая была покрыта густым слоем бледно-зеленого мха и липкого вьюнообразного ила.

Старые рекламные щиты на стенах домов никто и не думал демонтировать, новые навешивая поверх и превращая в многослойные наросты. Коровами даже не пахло, потому что случайное появление кармического животного мгновенно пробуждало в такакханцах гастрономический, а вовсе не религиозный интерес.

Полетные энергетические коридоры, ясное дело, в Такакхане тоже отсутствовали, поэтому фаэтоны послушно катили по дерьмовому покрытию местных «проспектов». Впрочем, если сравнивать с поверхностью, здесь таковых было совсем немного, даже самых дряхлых. Гендо тоже виднелось существенно меньше, а имеющиеся переобулись в массивные покрышки и обзавелись

нелегально усиленными двигателями, чтобы не буксовать на выбоинах, ямах или грязевых заносах проезжей части.

По улицам шлялось немало чу-ха, как одиноких, так и группками. Убогих, болезненных и неопрятных, не идущих в сравнение даже с населением верхних геджеконду. Не спорю, в кварталах-трущобах Юдайна-Сити тоже жили явно не богачи, но они сохраняли хотя бы крупицы собственного достоинства. Местные же совершенно не заботились о внешнем виде, передавая эту неопрятность потомству, из которого выживало не более десяти процентов…

А еще в Такакхану приходили умирать. В грязных наслаждениях, пороке и диких фантазиях, змеиной кожей сбрасывая остатки благопристойности еще на спуске в Нижний Город… Ах, да, и, разумеется, приезжали на экскурсии из изнеженного Пиркивелля, изредка разъезжающие по Подполу Дна в сопровождении бронированных транспортов ракшак.

Не спеша покидать фаэтон, я осмотрелся.

По Малому Фураю сонно бродили призраки умных и хитрых обитателей Тиама. В невообразимом тряпье, с пустыми рукавами на месте пропитых имплантов, терзаемые грязной дурью и чистой злостью, многие с язвами тоннельных хворей и безобразными шишками горлового полоза, они жадно вынюхивали и столь же жадно высматривали.

Вероятнее всего, именно их собратья, редкими стаями решавшиеся на алчно-безрассудные вылазки, совсем недавно пытались напасть на нас с девиантом Симайной…

Увы, но все прошлые экспедиции в Такакхану заставили меня твердо считать, что здесь обитали только безработные жулики, вся жизнь которых заключалась в попытке украсть у другого жулика, продать третьему и мгновенно купить дозу. Ну, и еще самые ублюдочные головорезы с налаженными связями на поверхности и крепким иммунитетом к помоечной вони.

А также мои новые друзья, разумеется…

Правды ради стоило отметить, что власти гнезда не оставляли попыток социализировать простых жителей Нижнего Города. И активно поддерживать, регулярно подкармливая и даже одевая. Если бы не помощь Смиренных Прислужников с их караванами грошовой (а подчас и вовсе бесплатной) жратвы, Такакхана уже давным-давно превратилась бы в безжизненные руины.

Смирпы давали местным несложную работу на улицах и нанимали на ремонт построек, многие из которых имели для Юдайна-Сити историческое значение; заманивали в храмы Двоепервой Стаи и всеми силами пытались снять с

наркотического крючка. Но лично в моих глазах все это больше напоминало драку с ветром…

Открыв окно, я бросил горсть мелочи в приемник парковочного короба, оплатив сразу час стоянки. Сунул «Молот» в кобуру, но застегивать не стал; внимательно осмотрел убогий фасад и входы-выходы «Бойцовской стойки».

Питейная, спору нет, была дрянной и жалкой, но имела одно неоспоримое преимущество — буквально в паре перекрестков на восток я мог наблюдать широкую эстакаду, уводившую в нормальный город.

Повертев на пальце колечко Аммы, я натянул и расправил перчатки. Нащупал в кармане кастет, сунул рюкзак под переднее пассажирское сиденье. Решившись, выбрался наружу, придирчиво проверил замки дверей и поплотнее запахнул легкую бесформенную хламиду, в которую был закутан поверх зеленого пальто.

Канализационная вонь, смешанная с ароматами готовящейся в норах суррогатной еды, развеяла последние нотки иллюзорной свободы после бегства из тесного подвального убежища…

Тяжелая дверь с неохотой подалась навстречу, и через пару мгновений я уже перешагивал порог «Стойки». В очередной раз убеждаясь, что если куча отбросов выглядит кучей отбросов, то и шансов найти в ее гуще серебряный слиток почти нет.

В «Стойке» оказалось сыро и мрачно настолько, что я даже подумал вернуться в фаэтон за «Сачирато». Слишком тесным кабак назвать было нельзя, но планировка стен, столиков и кабинок казалась неуютной до того, что вызывала к жизни первые аккорды клаустрофобии.

Пахло прокисшим элем, резким дешевым парфюмом, пригоревшим жиром и «карамелью». На верхнем свете откровенно сэкономили, освещая заведение исключительно неоновыми рекламными стендами. Из музыкальной консоли негромко неслась (о, чудо, вовсе не «8-Ра»!) скрипучая национальная дрянь.

Контингент «Стойки» тоже оказался ожидаем — невзрачные хмурые чу-ха (чей счет еще позволял выпить кружку-другую жиденького эля) да мутные шрамированные личности, торгующие информацией, краденым, профилями «мицухи» или наркотой.

Впрочем, и таких было не очень много: по углам притаились несколько одиночек, и только у стойки восседали сразу трое молодых крыс. Одетые с вычурной крикливостью Такакханы, они явно почитали себя хозяевами подземного мира и наверняка принадлежали к многочисленным недоказоку с громкими устрашающими именами вроде «Алая пасть», «Ядовитые клыки» или «Бездонная жопа». Все трое сосали дрянной эль, прогоняя

напиток через питьевые мембраны с нагретой дайзу.

На меня почти не посмотрели, лишь с интересом покосился скуластый бармен за стойкой. Ничего удивительного — внизу к чужим делам столь же безразличны, как и в нормальном подлунном мире. Однако… запах неизменно вышагивает впереди своего владельца, верно? Даже если основательно обработать хламиду ароматической маскировкой…

Именно поэтому троица развернулась на высоких стульях, повела носами, а затем нахально вытаращилась на меня, от удивления и неожиданности вывалив влажные языки.

Самый тощий пьяно заморгал, пригладил плешивое ухо и даже помотал башкой:

— Байши… а это еще чо за страшила?! Скажите, что тоже это видите!

Я быстро огляделся, высматривая своих друзей по переписке. И уже почти был готов уточнить у бармена, как приятель юного пьяницы тоже просипел:

— Видим, братишка… Вот так номер. Ты откуда выполз, уродец?

Мне не хотелось тратить время на пустые злые перебранки. А потому и не стал, продолжая высматривать в темноте за столиками. Но троица оказалась непредусмотрительно настырной — двое медленно сползли со стульев, подобрали хвосты и приблизились, рассматривая с гадкими ухмылками и нескрываемым презрением.

И только их третий дружок, смекнув чуть быстрее прочих, неуверенно пробормотал что-то вроде:

— Пунчи, не нужно, я про него дурное слышал…

Однако (как обычно в таких ситуациях и бывает) подобное лишь раззадорило его чуть менее сообразительных товарищей. Встав так, что почти перекрыли мне дорогу в глубину «Стойки», они переглянулись, а затем укоризненно и пискляво захихикали.

— Ты чо, братишка, зассал перед этим выродком?! — спросил первый. — В мамкины сказки веришь, хох?

— Кстати, она тут заходила недавно, — поддакнул второй, осмелев настолько, что протянул лапу и кончиками когтей приподнял покрывало на моей голове, — говорила, ты яйца дома оставил.

И хохотнул сам себе. Однако самый умный из тройки юнцов не стал ни спорить, ни обижаться. Вместо этого тоже стек со стула и торопливо двинулся к запасному выходу, напоследок бросив:

— Ну вас на *уй, долб**бы…

Его шустрое отступление осталось незамеченным — молодые

чу-ха цепко изучали меня, словно взвешивая, с чего именно начать поток оскорблений, способный вылиться в добрую зубастую драку. Которой я, будем откровенны, вовсе не искал. Как и бармен, который отложил дела и застыл за стойкой с очень выразительным взглядом.

— Ты какого *уя тут забыл, борф?! — спросил меня первый самоубийца.

— Заплутал, ублюдок?! — подхватил второй, выразительно помахивая когтями возле моего лица. — Ваще фарш в башке? Могу на роже карту начертить…

Я мог их измочалить. В хлам и тряпки, из которых дурачков спасет только лучшая медицина. Или издырявить, причем быстрее, чем бармен выхватит из-под стойки припрятанное там оружие.

Но важные дела… разбитая, в перспективе, мебель и посуда… мгновенно разлетевшиеся по Фураю слухи… Все это сейчас было совсем, совсем ни к чему.

А потому я чуть отдернул капюшон и позволил соплякам увидеть свою улыбку. Прилив сил и адреналина, переполнявших меня сейчас, был таким сокрушительным, что ситуацию было можно решить совершенно иначе.

— Слушай меня внимательно, крыса, — негромко и уверенно сказал я первому, от неожиданности потерявшему дар речи, — даю тебе ровно десять секунд. А затем скажу заветное слово, после которого ты чиркнешь своего дружка по горлу выкидухой, что сейчас сжимаешь в кармане.

Я усилил напор голоса, не позволяя чу-ха опомниться или взвиться от ярости:

— А затем пойдешь домой и выпотрошишь сучку, что ловит кайф на твоем вонючем матрасе. После этого, еще слыша мой голос в ушах, ты вырежешь себе оба глаза.

Убедившись, что оглоушенный моим напором крысеныш пока не представляет угрозы, я чуть подвернулся к его дружку. И добавил с показным равнодушием:

— Тебе, бедолага, я ничего приказывать не буду. Ты уже будешь мертвым…

Сказать, что оба оторопели — это немного поскромничать. Дыхание обоих чу-ха участилось, они подались назад, глазки забегали, а хвосты поджались. Вероятно, в моем голосе и правда проскользнули случайные нотки «низкого писка», но больший эффект оказали угрюмая уверенность и ювелирный нажим. Несмотря на всю показную браваду, парочка тоже слышала «мамкины сказки».

Первый спохватился и торопливо вытянул лапу из кармана

штанов, словно и правда боялся против собственной воли ударить приятеля спрятанным там ножом. Второй покосился на его пустую ладонь с ужасом, как если бы на самом деле заметил в ней сверкнувший клинок.

— Десять, — спокойно сказал я. — Девять…

Юнцы снова переглянулись, отшатнулись сильнее; глянули на бармена в поисках поддержки, но тот оставался беспристрастен.

Тот, кому было напророчено умереть через несколько секунд, вздрогнул и почти приподнял лапы в боевой стойке; он отчаянно боролся с желанием броситься на меня, и жутким первобытным страхом, который этому мешал.

Приготовившись к атаке, я незаметно расставил ноги, сунул руку в карман и украсил пальцы кастетом, одновременно продолжая считать.

— Восемь, семь…

Парочка с шипением рванула в обход бара к служебному выходу, уже поглотившему их третьего собутыльника. Забыв про недопитый эль, они щелкали пальцами, чертили на мордах охранные знаки и целовали бабушкины амулеты, что тайно от собратьев по банде носили под грязными мешковатыми куртками.

Бармен хмыкнул, вынул лапы из-под стойки и оскалился, всем видом давая понять, что оценивает мой блеф на самый высший балл. Я посмотрел ему в заплывшие глазки и демонстративно сжал губы в узкую полоску. Оскал виночерпия мгновенно потух, когда тот вдруг сообразил, что бледношкурый наглец и в самом деле мог говорить правду…

Положив на стойку две рупии, я ткнул пальцем в кран с темным элем и уверенно двинулся в дальний угол «Бойцовской стойки». Именно там (я заметил их точно перед запугиванием сопливой шпаны) расположились двое чу-ха, чьей маскировке бы позавидовал профессиональный агент «Голубого лотоса». Между полупустыми кружками лежали блестящие садовые ножницы для обрезки веток.

Один мой новый знакомый оказался безносым, носящим на лице вживленную маску-протез-респиратор, наверняка приобретенный после неудачной хирургической операции при вступлении в тетроны. Безносый выглядел жилистым, крепким и малоподвижным, и сойтись в рукопашной схватке с ним я бы не пожелал.

Его напарник тоже был мускулист и обладал цепким взглядом профессионального мясника. Под вычурно-яркими татуировками на висках проглядывались старые символы подразделения кубба; левая нижняя лапа отсутствовала ниже

колена и вместо нее под укороченной штаниной виднелся массивный боевой протез.

Придвинув стул и не дожидаясь приглашения, я сел напротив и расстегнул пальто. За спиной шипел льющийся в кружку эль, пить который я не стал бы даже задарма, но был обязан заказать для поддержания компанейского духа.

— Мда… — хрипло протянул Безносый, изучая мое лицо под капюшоном. — А улица-то не врет…

— Любопытно, — я передвинулся так, чтобы видеть чуть больше кабацкого зала и одновременно удерживать парочку в поле зрения. — И что же она говорит?

— Что ты страшнее, чем самый неудачный эксперимент манджафоко, — запросто ответил Безносый, не отводя неприятного клейкого взгляда, — в лоскуты обдолбавшегося опианином и запившего литром паймы…

— О, господа, — мне удалось поклониться с иронией, но без особой насмешки, — я действительно польщен слышать это от таких красавцев, как вы!

Оба головореза тут же окаменели.

Нет, ни один не поменял позы, а на мордах не дрогнул ни единый мускул, но вокруг них будто затвердел спертый воздух «Стойки», и мои новые друзья стали похожи на башеры, которые вдруг сняли с предохранителей.

Мысленно прокляв свой расчудесный план, я не переставал улыбаться и размышлял, носят ли эти двое под плащами броню… А затем они рассмеялись. Негромко, но надолго и искренне, разом избавившись от образов взведенного оружия.

— Да уж, — еще посмеиваясь, Безносый отпил эля и утер пасть рукавом плаща, — мы слышали, что ты еще тот юморист…

— Верно, — все еще чуть более скованно, чем хотел бы, ответил я. — Улица вообще редко врет… Ты ведь Прикус, так?

Тот кивнул и издал утробный звук, который в разных обстоятельствах можно было бы трактовать, как хмык согласия или рык угрозы.

— А это Ханжа, — безносый Прикус коротко кивнул на напарника, до сих пор держащего верхние лапы на коленях.

И не успел добавить еще хоть что-то, как тот немного наклонился вперед и безмятежно поделился очень важной новостью.

— Предупрежу тебя сразу, *бледный*, — негромким и даже приятным голосом произнес Ханжа, — под столом сейчас башер. И он нацелен на твои яйца, если они у тебя вообще расположены там, где у всех нормальных чу-ха. Если только заподозрю, что ты вздумал применить свои *штучки*, стреляю.

Я хмыкнул, показал раскрытые ладони и чуть отодвинулся, с театральным ужасом заглядывая под стол. Затем легко махнул рукой и столь же вкрадчиво ответил:

— Пунчи, ты хоть в штаны мне его запихай. Я так дела не веду, и вы должны были об этом слышать.

— Слышали, — подтвердил Прикус, глядя в пустоту за моим плечом. И вдруг снова впился в глаза цепким взглядом: — А это правда? Про *штучки*?

Я вздохнул. Выдержал непростой взгляд и медленно покачал головой.

— Господа… мне казалось, мы собрались здесь обсудить кое-что другое…

Прикус кивнул, но было заметно, что он на самом деле терзаем неподдельным интересом. Ханжа же сразу спросил:

— Ну и чего ты задумал, бледный?

— Другой разговор, — моя самая лучшая деловая улыбка расшиблась о непроницаемость его морды. — Хочу навалить на клык одной солидной организации. Плотно так навалить, со вкусом. Дело, как я уже упоминал, рисковое, но и денег плачу достаточно. В стае не меньше семи бойцов, снаряга ваша, доставка и мицелиумное прикрытие с меня.

В образовавшуюся паузу нерешительно вклинился бармен, с легкой боязливостью поставивший передо мной кружку эля. Легко встряхнул сдачей в кулаке, но я жестом отказался, и тот мгновенно испарился обратно за стойку.

Я ощущал, что работник (а, быть может, и хозяин) «Бойцовской стойки» не очень-то одобряет моего присутствия в заведении, даже несмотря на чаевые. Но эти двое мрачных напротив меня, похоже, являлись завсегдатаями, так что интерес к угловому столику был окончательно потерян.

— Да, пунчи, мы читали твое объявление, — дождавшись, пока бармен исчезнет, подтвердил Прикус. — Щедрое, все верно. Не боишься переплатить?

Я пригубил мутный эль, вдруг оказавшийся куда вкуснее, чем выглядел или пах. Спохватился чуть запоздало, но тут же с приятным удивлением осознал, что пить почти не больно, а волшебные препараты основательно подлатали мою челюсть за последние сутки. В отличие от ребер, которые все еще ныли…

— Когда узнаете, о ком идет речь, поймете, что оплата вполне оправдана.

Боевики напротив меня обменялись короткими, как выстрел, взглядами.

— Степень риска? — негромко спросил безносый.

— Высокая, — не стал лукавить я. — Но все продумано.

Зайдем, ударим и уйдем. Потери будут минимальными, клянусь.

Ханжа среагировал моментально:

— Зайдем?

— Да, верно, — я сделал еще один крохотный глоток. — Чуть не забыл сказать, что я пойду с вами.

— Ты псих, сисадда? — прищурился бывший кубба, чья правая верхняя лапа все еще скрывалась под столом и целила мне между ног стволом башера.

— А что об этом говорит улица?

Я улыбался, иначе было нельзя. И ничем не демонстрировал круговорот мыслей, опасений и воспоминаний, бурлящий в моей голове. Хотя, признаю честно, с улыбкой подобные дела на самом деле ведутся легче…

— Улица говорит, — снова взял слово Прикус, хрипло сопя через матовую железную полумаску, — что ты «Дитя заполночи». А потому я задам еще один важный вопрос: Нискирич замазан в этом деле?

— А ты видишь на мне жилет? — почти без вопросительной интонации парировал я, осторожно приоткрывая хламиду и пальто на груди. Бойцы снова напряглись, но буквально на мгновение. — Нет, пунчи, это сугубо личное. Меня ударили по щеке, и в ответ я хочу вмазать по яйцам. Иначе нельзя и не спрашивайте, почему.

Конечно же, они бы и не спросили. Но с пониманием покосились на повторно заживающий на скуле шрам в ореоле сине-желтушной кожи.

— И ты все хорошенько взвесил? — легко царапая когтем край столешницы, осведомился Прикус.

— Более чем. Мне просто нужны добротные стволы и чу-ха, умеющие ими пользоваться. Для этого мы здесь! — И, словно сказал настоящий тост, я приподнял кружку эля в сторону грозной парочки «Добродетельных Садовников».

Прикус и Ханжа не оценили, продолжая оставаться сосредоточенными и серьезными. Да что там? Я видел бетонные блоки, выглядящие куда более легкомысленными, чем эти двое…

— Мы должны знать, с кем предстоит иметь дело, — после короткого молчания сказал второй, не меняя неудобной позы.

— Скажу, обязательно скажу, — честно признал я, отпивая эля. — Но только когда буду точно уверен, что вы не допустите протечки.

— Резонно, — прокомментировал Прикус, — даю тебе слово «Садовника». Но ты расскажешь здесь и сейчас.

Осторожно, чтобы не спровоцировать чу-ха, держащего меня на прицеле, я задрал хламиду, провел пальцем по запястной

«болтушке» и пересыпал обоим простенькую визитку фер Сакаги, полученную от того в уютном доме Заботливой Лоло.

Они взглянули. Поочередно выругались, длинно и витиевато, а брови безносого удивленно приподнялись.

— Вийо?! — хрипло процедил он. — Ты снова шутишь, должно быть?

— А похоже? — вздохнул я, не позволяя себе и намека на улыбку.

— Ты больной, — вынес свой вердикт Ханжа.

— Не вижу ничего сумасшедшего. — Я пожал плечами, маскируя откровенную, гнусную и очень неприятную ложь — конечно же, я видел… — Не на смирпов же налет вам предлагают.

«Садовники» переглянулись. Было заметно, они в сомнениях. И еще боятся. Не как смирпов, пожалуй (потому что вот их-то теневой организации на самом деле стоило опасаться), но почти.

— Сумма должна быть увеличена, — наконец решился Прикус, сворачивая визитку и удаляя с гаппи малейшее напоминание о ней. — Слишком большой риск.

— Господа, больше денег не будет, — я отодвинул кружку, подался вперед и положил ладони на стол перед собой. — Я четко обозначил уровень риска в своем мицелиумном сообщении и сразу сделал все ставки реальными, не предполагая торга. Если вы отказываетесь, я уже к утру найду ваших коллег, чуть более нуждающихся в качественной репутации и обозначенной сумме.

Под столом широкая лапа наемника поудобнее перехватила рукоять башера. Ханжа медленно покачал головой и прищурился:

— Ты чего это, бледный, на слабенького нас прощупать пытаешься?

— Ты мне скажи, пунчи, — не меняя позы и при этом глядя на Прикуса (он явно был старшим в паре), ответил я. — Девиз про цветок и корчевание сорняков выдуман не мной… А вообще, друзья, советую отнестись к предложению чуть проще. Вам действительно есть разница, в кого целиться? Я предоставляю информацию о предполагаемом сопротивлении и уровне встречного огня. Как уже упоминал, доставка и мицелиумная поддержка — тоже с меня. «Садовники» просто взвешивают шансы, набирают команду и вперед. Что улица говорит о моем умении держать слово?

Чу-ха не ответили, но по выражению морд я видел, что они знают ответ.

— Так вот, — продолжил я с нажимом, — если после стрижки сада меня вдруг зацепит последствиями, о вас никто не узнает. Никогда.

За столом снова наступило молчание.

«Садовники» думали, взвешивали и, вероятно, обменивались невидимыми постороннему взгляду невербальными сигналами. Страх бросить вызов «Уроборос-гуми» боролся с преимуществами заказа. С деньгами, причем немалыми, которые я опрометчиво предлагал. Деньгами Нискирича, отданными мне Аммой. Как именно я стану оправдываться перед отчимом за их кражу, я собирался придумать многим позже. Если, конечно, вообще уцелею…

— Ты вроде непростой крысюк, — наконец заговорил Ханжа, а по характерному щелчку я догадался, что он поставил башер на предохранитель и положил на колено. — Не смог придумать, как отомстить лично?

Я позволил себе едва заметную улыбку. Да, по сути наемник был прав, но…

— Я мастер поговорить, — откровенно признался я обоим собеседникам, — но иногда простых разговоров мало. Ну, так что скажут уважаемые «Садовники»?

Ханжа и Прикус снова обменялись взглядами. Затем первый притянул ополовиненную кружку и глотнул, а второй откинулся на спинку скрипучего стула и шумно втянул вонючий воздух через фильтры зловещего имплантата.

— Ладно, терюнаши, — негромко сказал он, вынимая из кармана портативную консоль и готовясь делать пометки, — давай корчевать сорняки. Выкладывай свой план.

Глава 6
ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

Я ощущал себя… странно. Во многих проявлениях этого слова.

Во-первых, в Мицелиуме так и не находилось ничего толкового о таинственной организации «Репутация», и даже подключенный (за обещание отдельной платы) Зикро не сумел раздобыть для меня ничего интересного.

Во-вторых, идея доковырять дело Перстней становилась для меня все более азартной. Даже здесь и сейчас — на крыше полупустого комплеблока, в окружении вооруженных до зубов убийц по найму.

Наверное, одержимость расследованием по-своему отвлекала меня от мыслей, что я затеял самое дорогостоящее самоубийство во всей истории Юдайна-Сити? Да еще и потянул за собой этих обаятельных ребят… Подчас с нервным смешком я думал, что было бы куда дешевле отправиться на мост Тобу и сделать один решительный шаг за перила…

Фиррикру Приш все больше напоминал призрака.

Неуловимого, и оттого очень опасного. А я (намеренно игнорируя тот факт, что через считанные часы жизнь Ланса фер Скичиры могла закончиться дисквалификацией) продолжал искать его следы и связь с Мокки. И это при том, что шансы вообще не довести расследование Перстней до логического финала сейчас были высоки, как никогда.

Выяснить удалось совсем ничего.

Да, я узнал, что слибу Мокки уже вел дела с «Репутацией», об этом глаберу удалось вытянуть пару почти затертых хвостов, но без подробностей. Сам же фер Приш публичность уважал даже меньше Нискирича или любого другого казоку-хетто.

Счета компаний Фиррикру постоянно меняли профили и станции мицелиумного базирования. Налоги с них отчислялись, но нерегулярно, а лишь когда службы-мздоимцы смирпов подступали до опасного близко.

Ни благотворительностью, ни открытыми инвестициями или научными разработками Приш тоже не занимался; на званных вечерах и прочих гламурных мероприятиях замечен не был.

Если в Юдайна-Сити и существовал далекий от криминала делец, более прочих заинтересованный в конфиденциальности своей работы, то Скрот его точно нашел…

Время от времени я задумывался, могло ли быть так, чтобы

Приш вообще жил за пределами Юдайна-Сити? Теоретически это было возможным, но и Ченчу-Гар, и Аркидополис существовали крепко-обособленными анклавами, контакты между жителями которых не очень-то поощрялись Смиренными Прислужниками, так что эту версию я отмел, как наименее вероятную. К тому же, Скрот Мокки лично признал, что Фиррикру еще здесь. Правда, сообщил об этом несколько странно, но тогда в «Перпекто» наперекосяк пошла вообще вся беседа…

— Бледный, ты вообще чем занят?!

Несмотря на протез и армированный ботинок, Ханжа умудрился подкрасться совершенно бесшумно и застыл надо мной, закрывая солнечный свет.

Его вопрос вывел меня из задумчивости, вернул в Опасную Безжалостную Реальность и даже заставил вздрогнуть. А действительно, чем я занят? Меня окружал отряд вооруженных наемников, готовых выполнять мои приказы, а я уединился в сторонке и пытаюсь распутать грошовое дело «Желтого котелка» средней лапы…

Свернув документы и выключив гаппи, я поднялся на ноги и сладко потянулся, разминая затекшую спину. Ханжа продолжал буравить подозрительным взглядом, который я встретил наиболее дружелюбной из своих улыбок. Разминая руки и плечи, я отошел к стене воздуховодной шахты, украшенной граффити очень смешного чу-ха, толстенького и ушастого, со свисающей из ноздри соплей.

Рисунок, кстати, был едва ли не единственным доказательством чьего-то пребывания на выбранной крыше — по углам и вдоль парапетов не валялось ни пустых коробок от лапши, ни упаковок из-под наркотиков. И это, с моей точки зрения, лишний раз доказывало, что доступ на вершину расселяемого комплеблока и правда имели очень немногие.

Полуденное солнце решило не на шутку разыграться, поливая нас из-за редких облачков. В воздухе вьюжила вездесущая городская пыль. Подвигавшись, я ощутил, что начинаю потеть. Особенно под безрукавной бронекурткой — подвижные пластины из вспененной стали и алюминия слишком хорошо сохраняли тепло.

— Терпение, пунчи, — ответил я наемнику, все еще маячившему поблизости. — Мы просто ждем, все по плану.

— Я тебе не пунчи, сисадда?! — сдвинув ассолтер на бедро, Ханжа по-змеиному облизал губы и отошел.

Я хотел было ляпнуть ему вслед, что не стоит так придираться к словам, особенно к устоявшимся вербальным конструктам, но не стал. Мне встречались камнедробилки, куда

более мягкосердечные и склонные к юмору, чем этот бывший кубба.

Заметив нашу беседу, от парапета отлепился Прикус и тоже направился ко мне.

Как и напарник, безносый «Садовник» был закован в удобную тактическую броню и носил ассолтер на хитроумной четырехточечной системе ремней; хвост его был спрятан под пластичную гелиевую чешую, на плечах и поясе крепились отвлекающие лазерные метки, сбивающие с толку любую наблюдательную электронику. Голову покрывал легкий шлем с особым забралом, модернизированным под искусственные нос и челюсть.

— Цена на подходе, — отчитался он, переводя взгляд с меня на напарника и обратно, и пытаясь угадать настроение разговора, — будет через пару минут.

— Превосходно! — я легко хлопнул в ладоши и с азартом потер пальцы. — Почти все в сборе, скоро приступим!

Во взгляде Прикуса появился нескрываемый скепсис.

Пожалуй, с этим можно было даже согласиться — в своем показном оптимизме я выглядел немалым дурачком. Но «Садовник» не мог знать, что если насильно не поддерживать этот бравурный кураж, то кое-кто мог спечься и прямо сейчас все отменить. Даже за считанные минуты до начала операции. А на это у меня не было никакого права. И то, что за прошедшие после заброшенного склада сутки меня еще не нашли, вовсе ничего не означало…

Вокруг высились глыбы комплеблоков — к западу схожие с нашим и чуть ниже ростом, к востоку и центру Юдайна-Сити постепенно возрастающие, с каждой новой линией застройки все более утонченные, пафосные и изящные. И так до самого «Слюдяного небесного моста», чье основание отжирало по доброму ломтю Уробороса и Пиркивелля, а макушка терялась в облаках.

Среди комплеблоков и прочих высоток чинно покачивались ветростаты, похожие на тучных пасущихся коров. Казалось, до них подать рукой, а на ближайший якорный щуп можно без труда допрыгнуть с края крыши.

Солнце грело все активнее, хотя музыка гнезда в моей голове требовала от момента куда более депрессивной и мрачной погоды, вроде затяжного моросящего дождя или назойливой пылевой бури.

А еще я жалел, что мы наступаем не поздней дождливой ночью, потому что тогда смог бы напоследок насладиться сверкающей геометрией гнезда, когда улицы становятся

пульсирующими ущельями раскаленной лавы, вверх бьют столбы ослепительного света, бесформенные кварталы наполняются мириадами светлячков-окон, а ни один сверкающий рекламой или миц-трансляцией ветростат не похож на соседний.

Тогда бы наслаждение видами рассеченного на безупречно-хаотичные ломти торта из когтей, хвостов, матового стекла, пенобетона и строительной стали было куда ярче, а сам узор бы безудержно пульсировал сотнями оттенков.

Но ночная вылазка была отметена сразу: очень многие в гнезде знали, где *он* работает и принимает просителей, и никто до сих пор не вызнал, где обитает. Во всяком случае, в живых таких не осталось… Потому достался унылый солнечный полдень, приторный и светлый, как семейное застолье на Ночь Переосмысления.

Убедившись, что Прикус занялся инспектированием экипировки, я стер улыбку с лица и внимательно осмотрел боевую стаю. В которую, кроме парочки известных мне с прошлого вечера «Добродетельных Садовников», теперь влились еще четверо толковых наемников.

Первого звали Миката. Он был суровым малым, прятавшим глаза за узким ободом электронных тактических очков. Миката оказался молчаливым, предпочитал общаться жестами и отметками на иллюзиумных картах внутри шлемов, ну а в крайнем случае — короткими фразами. Он напоминал мне честного работягу, какого можно найти на фабрике или в порту, и которому неважно, за какую работу браться, лишь бы сделать ее быстро, качественно и получить за это достойное вознаграждение.

Вторым «Садовником», пожаловавшим в точку встречи после Прикуса, Ханжи и Микаты, было Као-Ду. Худое и подвижное, оно старательно скрывало свой пол, которого не знали даже командиры группы. Прикус упоминал, что раньше Као-Ду выступало в экстремальном цирке, но в какой-то момент решило сменить род деятельности. Судя по всему, наш бесполый приятель (или подруга?) от рождения оказался манксом, но с отсутствием хвоста мириться не пожелал (или не пожелала?) и вживил себе весьма недешевый био-протез, которым управлял, как родной пятой лапой.

Следующего наемника звали Панго. В прошлом — профессиональный боец из «Клыкастой ямы», он вроде бы даже завоевывал какие-то звучные титулы, но сейчас тоже «выкорчевывал сорняки». Судя по фигуре, с раннего детства Панго держали на препаратах, потому что когда широкоплечий и здоровенный, как бронефаэтон чу-ха полностью распрямлял нижние лапы, то становился на целую башку (а то и больше)

выше меня. В отличие от коллег, Панго был вооружен двухдисковым супрессором, в каждой из барабанных кассет которого хранилось не меньше трех сотен фанга.

Четвертый отзывался на позывной Ребро или Ребрышко и, вероятно, принадлежал к числу бывших ракшак. Разумеется, к той их части, что сумели сохранить рассудок, память и конечности после участия в таинственных загородных операциях смирпов. Что еще более вероятно, Ребро был дезертиром, каковых в армии Юдайна-Сити вообще насчитывалось немало. Непримечательный, я бы даже сказал — «обычный» чу-ха выглядел так, что когда ты встречал его на улице, не мог даже предположить, что тот принадлежит к братству опасных наемников…

Ну а через минуту на крыше появился и седьмой, последний боец стаи, набранной Прикусом.

Перешагнув простенькую ловушку-растяжку, он аккуратно прикрыл за собой дверь энергонакопительной установки с приякоренным к ней ветростатом. Подошел, опустил на бетон тяжелую сумку и поочередно приблизился к остальным «Садовникам» — ему протягивали ладонь лодочкой, а тот с характерным перестуком легко проводил когтями о когти в особом приветствии.

Все что я знал о нем, тоже уместилось бы на клочке бумаги: позывной — Цена; по слухам — в прошлом бандит. Причем из крупной (под стать «Диктату» или «Уроборос-гуми») казоку «Ледяной ветер», ведущей дела в северных районах гнезда.

Как и большинство «Садовников», в какой-то момент Цена решил обмануть судьбу и выбрал новый путь. Или, что казалось более правдоподобным, был изгнан из семьи. На что, кстати, намекала постоянная боевая насадка на кончике его хвоста: под полым трехгранником вполне могло не хватать десятка сантиметров плоти после ритуального частичного купирования — поднося господину самолично оттяпанный кончик (при мелких провинностях властители кланов довольствовались обрезками усов), казоку-йодда всего Юдайна-Сити обычно вымаливали себе прощение. Или, как минимум, жизнь…

Когда Цена проходил мимо, я тоже протянул руку. Чу-ха покосился с презрительным недоверием. Но Прикус издал короткий горловой звук, и тот легонько тренькнул когтями по моим ногтевым пластинам, словно проверял струны новенькой лютни.

Я улыбнулся, надеясь, что гримаса не выглядит уж слишком безумной. Восемь сумасшедших наконец-то были в сборе, и это доброе число сулило удачу, которая нам сегодня очень-очень понадобится.

Девятый член отряда находился далеко и седлал канал связи, защищенный на самом пределе познаний Акс-Иушиппи — нашего незримого покровителя и защитника от мицелиумных бед.

Цена опустился на корточки, открыл объемную сумку и принялся раскладывать амуницию. Его нос недовольно подрагивал, уши чутко трепыхались.

— Здесь точно безопасно? — негромко спросил он у Прикуса, но тот не успел ответит наемнику:

— Как у Когане Но в тронном зале, — я уверенно повторил слова, услышанные от Зикро пару часов назад, когда тот блокировал крышу комплеблока от случайных любопытных взглядов и систем дистанционного слежения.

Цена недоверчиво покосился на командира, затем на выскочку-бледношкурого, снова на командира, но тот лишь хмыкнул, и бывший казоку-йодда криво ухмыльнулся. Начал переодеваться, умело подгоняя к телу элементы сложносоставного бронекостюма. Пристегнул к поясу необходимые устройства и подсумки, набросил ассолтерную перевязь, по примеру большинства членов группы бережно подвязал хвост и спрятал в забедренном отсеке брони.

— Все по графику? — Прикус нарисовался за моим плечом, словно тень.

— Конечно, — подтвердил я, стараясь не щуриться от яркого солнца. — По графику.

Конечно, «Садовникам», привыкшим к мраку ночных переулков, тоже было не совсем комфортно вести дела в столь беззаботный денек; но я мог гарантировать им, что именно так мы останемся наиболее незаметны. И совершенно точно застанем на месте того, к кому у меня назрело несколько важных вопросов…

Перевесив ассолтер на живот, я надел увесистый рюкзак, в котором кроме моего привычного снаряжения теперь покоились выкупленные у наемников четыре «Беспощадных ростка». Задрал голову, высматривая изменения в ленивом танце прикованных к крышам ветростатов.

Один из них сейчас выползал из-за соседнего комплеблока, на десяток этажей превосходящего наш — медленно, чинно, осторожно проталкивая полую тушу с ветрогенераторами внутри между пузатыми сородичами и стенами высоток. На борту, как меня и предупреждали, красовалась реклама «СОНО-ЧИ — ЛУЧШАЯ СУХАЯ ЗАКУСКА К ЭЛЮ».

— Мои часы идут точно, — негромко проскрипел из-под намордника Прикус, который, как оказалось, и не подумал отойти. — И они показывают почти условленное время…

— Ключевое слово: *почти*, — я подмигнул наемнику, на этот раз в самом деле ощущая уверенность.

— Может, все же расскажешь, что это будет за транспорт? — не унимался тот, впрочем, по счастью, больше никого в беседу не втягивая. — Пойми, терюнаши, если это вдруг окажется грузовой фаэтон, то мы сможем уйти лишь в один колодец для спуска в полетные коридоры. И ведет он, на секундочку, на Роки-Фор-магистраль, а это, поверь мне, не лучшая дорога для прорыва в Пир…

— Давай не станем торопить события, — мягко, но решительно оборвал его я, продолжая пялиться в небеса.

Ветростат с рекламой «Соно-Чи» начал снижение.

Поплыл в сторону нашей крыши, принялся разворачивать якорный щуп, до этого момента поджатый под брюхо летательной машины, словно трусливый хвост — массивный сегментированный кабельный кожух двух метров в диаметре с энергетической буксой на конце напоминал скорпионье жало. Им управляли десятки крошечных парковочных двигателей, расположенных по всей длине гибкой тридцатиметровой конструкции.

— Ребята начинают нервничать, — вздохнув, поделился Прикус. — И я, признаюсь честно, тоже. Сисадда? Мы далеко не всегда отдаем планирование в руки заказчика, и именно поэтому…

— Не понимаю причин вашего беспокойства, пунчи, — чуть более резко сказал я, и едва удержался, чтобы запанибратски похлопать чу-ха по бронированному плечу.

Я и правда не понимал. Подумаешь, сегодня им выпало поработать на уродца-терюнаши, но ведь половина денег уже и так осела в карманах приглашенных «Садовников»?

Прикус издал звук, который можно было расшифровать, как выражение недовольства или хмурого согласия. Подступил поближе, заглянул в глаза и еще сильнее понизил голос.

— Хао, Ланс, — едва слышно признал он. — Я уже доверился тебе и не собираюсь менять мнения, это не в наших правилах. Но обязан задать последний вопрос: ты точно не передумаешь отступить? Убийство такого крупного… такой весомой фигуры не останется незамеченным. Мы-то уйдем в тень еще до наступления темноты, а вот ты…

— Не передумаю, — сказал я, чуть не перейдя на «низкий писк».

Я не передумаю. Несмотря на мощный эмоциональный сумбур и настоящую пылевую бурю в мыслях.

Что ты задумал, Ланс фер Скичира? Зачем тебе это? Не

собрался же ты на самом деле собственноручно убивать главу одной из крупнейших казоку гнезда?

Мне было сложно ответить на эти вопросы даже самому себе.

Если угодно, я просто не умел планировать так далеко… Но ждать, когда мрази, подобные Глушилке и его приятелю, придут за мной повторно? Нет, благодарю. И если даже проиграю, то исключительно на своих условиях, алмазной ящерицей вцепившись в глотку врага. Впрочем, моим обреченным наемникам знать этого, разумеется, не полагалось…

Скрывая эмоции, я отвернулся и продолжил наблюдать за обманчиво-неспешными маневрами разъякоренного ветростата. Тот приблизился, навис, скрывая солнце и вызвав среди наемников легкую панику, и завис чуть южнее комплеблока. Изогнутый под днищем хвост нацелился на нас.

— Это еще что за дрянь?! — передвигая ассолтер на грудь, прошипел Прикус, а уже через секунду до него дошло. — Ты чего, Ланс, совсем рехнулся?!

— Вовсе нет, пунчи, — твердо ответил я и дал многократную отмашку вверх. — Дай-ка мне еще минутку уладить последнюю формальность…

Оставив взбудораженных «Садовников» за спиной, я подступил к краю крыши и взобрался на парапет. Отсюда было заметно, что на пластичном кожухе якорного щупа виднеется масса поручней, ступеней и страховочных петель, позволяющих самым отважным операторам и ремонтникам прямо в полете передвигаться по всей длине «хвоста». И вот сейчас как раз там прилипла, стараясь лишний раз не смотреть на бездну под лапами, фигурка одного такого отважного.

А еще я отметил, что ветростатом управляет действительно умелый дистант-пилот. Несмотря на наведенные Зикро помехи, он ловко остановил машину на нужном расстоянии от края, переключился на управление малыми моторами и подвел щуп точнехонько к парапету у моих ног.

Грузный немолодой чу-ха, оседлавший гибкую конструкцию, спешно перебрал лапами, спустился до самого «жала», я ухватил его протянутую кисть и рывком перетянул на надежную твердь комплеблока.

— Куо-куо, Подверни, — с почтительным кивком поздоровался я, скрещивая пальцы свободной руки.

— Пусть судьба будет доброй к вам, господин фер Скичира, — ответил механик, чей хвост еще оставался боязливо поджат после небесного путешествия.

К своей непрошенной печали я заметил, что за прошедшие пару недель Подверни Штанину постарел на добрую пару лет, а

на морде добавилось немало седых пятен. Что сказать, деньки и правда выдались непростыми…

Мне очень хотелось спросить его, как жизнь, семья, и смог ли механик раздобыть тело погибшего сына, да или хотя бы его прах? Но я молчал.

Ему наверняка тоже многое хотелось узнать. Например, не нашлась ли спятившая кукуга, располосовавшая его сынишку на мясные ленты? Но и он не спешил начинать опасного разговора. На наемников за моей спиной Подверни Штанину демонстративно не смотрел, опасаясь их ничуть не меньше высоты и предпочитая запомнить как можно меньше деталей.

— Все в силе? — зачем-то спросил я, как будто туша «Соно-Чи» над нами сама по себе не была ответом.

— Ну так ведь оно же как договаривались, господин фер Скичира, — послушно ответил чу-ха, теребя лямку комбинезона.

— Спасибо за услугу, пунчи, — искренне кивнул я.

— Обещание сделано, — негромко произнес механик, глядя в край парапета. — Я ж в долгу был, и это малое, что мог. Но теперь я больше ничего не должен!

— Разумеется.

— А еще Белохвост, — с нотками вины напомнил Подверни. — Он, значит ведь, еще раз просил про «вексель чести» сказать. Сисадда?

— Разумеется, — повторил я, покосившись в пилотные камеры ветростата. — Одолжение за одолжение. Это закон улицы.

Эх, пунчи Подверни, если мы вывернемся из этой передряги и не потеряем ушей вместе с частью тела для их носки, я буду готов решительно на все, ибо тогда и вовсе сочту себя всесильной инкарнацией кого-то из запутанных Тиамских пантеонов…

Заметив мой взгляд, пилот ветростата дробно просигналил маневровыми прожекторами. Да, он будет десятым участником нашего увлекательного путешествия. Подверни Штанину многое сделал по моей вчерашней просьбе, но он был всего лишь ремонтником, а пилотированием занимался его двоюродный брат Чихри Белохвост. Тот самый, которому я авансом выдал «вексель чести», это странное сакральное обещание, удачно сочетающее в себе бездонную меркантильность обитателей Тиама, помноженную на их же маниакальную заботу о чистоте кармы…

Подтверждая устную сделку, я махнул Белохвосту рукой, в ответ получив еще несколько вспышек. Ох, до чего же, наверное, этот невидимый Чихри доволен заполучить в должники такого, как Бледношкурый Джадуга! На том, что его «вексель» еще до обеда могут нашпиговать фанга вместе с потенциальным исполнителем, я акцентироваться не стал…

— Проблем не возникло? — непринужденно спросил я Подверни, краем глаза наблюдая за «Садовниками», все еще готовыми при малейшей угрозе открыть по ветростату шквальный огонь.

— Все тихо, господин фер Скичира, — сообщил механик, с хрустом оторвав от комбинезонной лямки длинную нить. — Мы путем и законно сняли малышку с базы стационарного накопления, точно так. Затем подсуетились и выбили местечко в очереди на точечную профилактику, а после потеряли ее во всех полетных листах. Когда, значит, кузен Белохвост возвернет машину в док, система вроде как посчитает работу завершенной, да. А уже завтра она зависнет на прежней точке.

И вдруг чу-ха спохватился, будто вспомнил важное:

— Агрегат ведь не пострадает?!

— Ни в коем случае, — твердо соврал я. — Клянусь тебе.

— Ладно, господин фер Скичира, мы вам, конечно, верим, да… — Подверни приподнял «болтушку» и пересыпал мне пакет. — Вот профиль Чихри, для связи, да… А теперь я пойду, ладно же?

— Конечно, Подверни, пойдешь, — я отступил с парапета, освобождая ему дорогу и параллельно добавляя Белохвоста в многопрофильную конференцию гаппи. — Тебя проводят, а то у нас на входе сигнализация…

Механик кивнул и ушел, не попрощавшись, шоркая подошвами знакомых грязных ботинок и упорно глядя вниз, чтобы ненароком не запомнить лишнего. Убедившись, что Ребрышко проводил Подверни Штанину, помог миновать растяжку и закрыл за ним дверь, я активировал общий канал.

— Куо-куо, Белохвост, как настроение?

— Лучше всех! — раздался в моем заушнике голос, больше подходящий подростку. — Вы готовы тама, а то долго висеть не самая мудрявая идея?

— Еще пара минут, — я махнул рукой в объективы ветростата. — Дам знать.

И направился к бойцам… почти уткнувшись в Прикуса, за секудну до этого материализовавшегося за моей спиной.

— Это… еще… что… за… кусок… летающего… говна? — процедил тот, оттирая меня от остальных, чтобы не слышали.

— Ты про ветростат? — с улыбкой уточнил я, и собирался еще пошутить, но заметил опасный прищур наемника и поспешил объясниться. — Слушай, Прикус… я нашел нам транспорт. Который не отследят, не станут останавливать, досматривать и даже преследовать. Транспорт, способный зайти прямо на точку без лишней пальбы. Лично я считаю, что это идеальный вариант и

попробуй это оспорить.

— Ты кое о чем забыл, терю… — стоя почти вплотную ко мне (что вызывало некоторый дискомфорт), продолжил «Садовник», барабаня пальцами по рукоятке ассолтера. — Мы собираемся подняться не на комплеблок в сорок метров, а значительно, значительно выше. И если парни за моей спиной готовы с одним ножом бросаться на тетронские «кастура» или в одиночку держать в тоннелях взвод ракшак, то…

— Не продолжай, — твердо произнес я, стараясь не морщиться от запаха его шкуры, перемешанного с оружейной смазкой. — Конечно, я помню о неприятностях, связанных с вашим ощущением высоты. Но для этого решение у меня тоже найдется.

— Никаких боевых препаратов, — грозно отрезал Прикус, — кроме тех, что парни принимают сами.

— Понимаю, — я кивнул, машинально взглянув на зубастые прищепки-инъекторы, прищелкнутые к ушам Панго, Микаты и Ханжи. — Речь не о наркоте.

— Гхмм, продолжай, — приказал наемник, но было заметно, что он заинтригован.

— Помнишь, пунчи, вчера в кабаке ты задал мне прямой вопрос? — понизив голос, поинтересовался *я*. — Про мои *штучки*.

В глазах наемника плеснулся страх. Он едва не подался назад, но заставил себя оставаться на месте.

— Байши… — прошептал он. — Ты чего, заколдовать нас надумал?

п.2; г.6; ч.2

— Ну… — я задумчиво взлохматил волосы и почесал лоб. — Я бы не стал использовать именно такой термин. Я вас зашепчу. И страх уйдет.

О том, что эксперимент станет дебютным, упоминать было лишним, не так ли?

— Навсегда?

— Сомневаюсь, — честно ответил я, вовсе не ожидая такого вопроса. — Но уверен, что для доставки нам хватит. А сейчас я хочу, чтобы ты рассказал остальным, Прикус. Мягко, но по-командирски.

— Ты же понимаешь, что они могут отказаться?

— Понимаю. А ты сам?

Чу-ха подвигал нижней челюстью, часть которой больше напоминала железный капкан. Он явно боялся предложенного, но никогда бы не показал этого, особенно такому как я. А еще ему на самом деле было *интересно*, такое я считывал и без «низкого писка».

— Ты ведь понимаешь, Ланс, — спросил он наконец, — что если твои штучки хоть частично обернутся против стаи, Ханжа снесет тебе башку?

— Прикус, — я позволил себе нажим, без которого в Юдайна-Сити не торгуют даже на рынках, — хватит меня запугивать. Я безмерно уважаю профессиональную паранойю, сам такой… но не стоит перебарщивать, особенно перед заказчиком.

Он услышал то, что хотел. И на том языке, что был привычен ему с малых лет. Медленно кивнул, отступил на шаг, сдвинул ассолтер на бок. И уже почти направился к остальной группе, как словно бы спохватился и вдруг вернул мне заботливо-колкое:

— Ланс, ты же помнишь, что не включен в наш тактический план? Я не хочу сказать, что ты будешь предоставлен сам себе, но…

Я жестом оборвал Прикуса. Конечно, я помнил. А «не включение в ТП» означало примерно: *не путайся у нас под ногами и сам спасай свою шкуру, если станет жарко.* Я не в обиде. И уже обязан «Садовникам» как минимум за профессиональную разведку и подтверждение местоположения цели.

Тем временем Прикус собрал бойцов вокруг себя и негромко делился моей расчудесной задумкой. Те (привыкшие узнавать все заранее, и я понимал их негодование) шипели, скалились, постоянно оглядывались в мою сторону, ругались, тыкали пальцами в ветростат и гудели не хуже спорящих кочевников.

Разумеется, самым недовольным выглядел Ханжа, с первых минут знакомства не питавший ко мне теплых братских чувств…

Через минуту спора Прикус поставил точку. Умело, по-командирски, как я и просил. Затем вся банда двинулась ко мне, на секунду заставив поверить, что сейчас я действительно отправлюсь в полет, но одиночный, и совсем не на ветростате.

Окружив полукольцом и почти прижав к парапету, наемники угрюмо изучали своего необычного заказчика. Прикус снова издал неопределенный глухой *«гхмм»*.

— Призна **ю**… — добавил он с неохотой, — план с ветростатом и правда недурен. Но Ханжа остается в сознании. И если что — сисадда, Ланс? — станет нашей гарантией.

— Понимаю, — кивнул я, бесстрашно взглянув Ханже в глаза. — Ценю вашу честность, парни. И твою смелость, пунчи…

— Да плевать, что ты ценишь, бледный, — скривившись, тихо пробормотал наемник с протезом вместо левой нижней лапы, хотя было заметно, каких невероятных усилий требует от него перспектива прокатиться над городом без помощи шаманских чар. — Давай-ка, начинай…

— Ла-адно, — протянул я и потер ладони, — если все готовы, то Ханжа должен отойти в сторонку… да, вот так достаточно. А теперь слушайте меня внимательно.

Взглянув в каждую из шести морд, окруживших меня, я вздрогнул и ощутил, какой от них несет звериной яростью, помноженной на профессионализм и холодный коммерческий расчет. Теперь главное сосредоточиться и все сделать верно, потому что (вот же сюрприз!), опробовать задуманное заранее я не имел ни малейшей возможности…

— Слушайте меня внимательно и не перебивайте, — настраивая голос, повторил я и медленно проскользил взглядом по каждому из бойцов. — Постарайтесь расслабиться, не отвлекайтесь, дышите ровно. До схватки еще есть время, и вернуть концентрацию вы успеете, а сейчас я хочу всецело завладеть вашим вниманием.

Солнце нагревало грозные тактические шлемы, легкий ветерок шевелил разноцветную шерсть шестерых чу-ха, послушно застывших перед чародословом-Джадуга. Они слушали, слышали и подчинялись.

Убедившись, что первая ступень успешно пройдена, я начал читать, медленно, с выражением, но без особого давления. Всматривался в хищные морды, читал по холодным глазам, следил за мозолистыми пальцами.

Силуэт Ханжи, маячившего сбоку с ассолтером наготове, немного отвлекал, но я умело абстрагировался от этого

неприятного фактора.

После первых четырех двустиший вздрогнул и «поплыл» Панго, следом за ним в уколы от булавок превратились зрачки Као-Ду. Я нарушил привычный ход «низкого писка», позволив себе все тем же голосом попросить «Садовников» не противиться и полностью впустить в сознание мои слова и советы. Затем прочитал еще несколько строк.

Прикус попробовал потрясти головой, но тут же осекся, дисциплинированно убеждая себя не сопротивляться. За ним не в себе оказался Ребро, чья пасть безвольно приоткрылась.

— *Шестая мышка сердцем вышла,*

Три упорных будто не слышат.

Я декламировал, внутренне ликуя от ощутимого эффекта, в который еще этим утром и сам-то не до конца верил. Но вместо того, чтобы закрепить полный контроль над чу-ха фонетическим фиксатором, повысил голос и произнес:

— Высота больше не вызывает в вас страха. Вы останетесь собранны и внимательны, будете надежно держаться за поручни и перила, но высота больше не напугает вас. Она добра, красива и покорна нашей воле.

Шестеро «Садовников» мелко покачивались в легком трансе, и я снова не без труда удержал волну гордости и превосходства. Да, приятные чувства, и нужно будет обязательно записать это достижение в свое резюме, но позже, многим позже… Неужели у меня действительно получилось?

— Прикус? — негромко позвал я, с замиранием сердца ожидая, что сейчас транс прервется.

Но командир отозвался кивком и характерным горловым звуком, при этом не утратив образа чуть подвыпившего гуляки.

— Командуй, мы загружаемся, — сказал я, отступая в сторону и давая дорогу к якорному «жалу» ветростатского щупа.

Опустив забрала, наемники один за другим вступили на парапет. Двигались они при этом по-прежнему уверенно и пружинисто, но словно находились под действием легкого наркотика. Через мгновение за плечом оказался Ханжа.

— Все в порядке? — напряженно спросил он, дыша мне в спину, но при этом вопрос был адресован вовсе не «бледному».

— В полном, дружище, — просипел Прикус, и я с удивлением расслышал в его голосе азарт, — это будет даже интересно… Вперед!

За моей спиной в ножны со знакомым звуком вернулся узкий обоюдоострый клинок. Затем Ханжа тоже вспрыгнул на парапет и, стараясь не смотреть за край комплеблока, полез на «хвост» вслед за остальными.

Крыша оставалась пустой, а о недавнем присутствии отряда напоминали лишь светошумовая растяжка и умный пластиковый короб, куда были сброшены ненужные вещи, упаковки и сумки — когда мы уйдем, он полностью выгорит изнутри.

Шустро перебирая лапами, «Садовники» занимали места на обеих сторонах «хвоста»; цеплялись за железные поручни и с осоловевшим бесстрашием изучали улицы внизу. Последним к их живой грозди присоединился я сам.

Нет, разумеется, я не огромная прямоходящая крыса, но высота меня тоже нервировала. И даже заставила задуматься, почему столь умненький Ланс Скичира не продумал, какое успокоительное средство применить на самого себя?

Ответ пришел через секунду: я вспомнил заброшенный склад, отмороженных палачей Пыльного, труп Разрушителя… сердце забилось быстрее, по затылку будто провели ледяной линзой, и страх ушел.

Я накинул капюшон, легко шагнул вперед по энергетической буксе, переступил на решетчатую площадку, дотянулся до поручня и почти без волнения примостился рядом с Прикусом.

— Зикро, мы выдвигаемся, — снова активировав общий канал, сообщил я глаберу, — готовься. — Перескочив на Белохвоста, распорядился: — Погнали, Чихри, все данные по маршруту, высотам и контрольным точкам у тебя есть.

Да, погнали, чем бы это ни закончилось…

Ведь все очень просто, так? В Юдайна-Сити обитали миллионы чу-ха, которые знать не знали, кому именно нужно дать по морде, чтобы их житейские неприятности закончились. Они жрали, срали, трахались, продавали и покупали, просиживали штаны в офисах и натирали мозоли на фабриках, ходили в цирк или на гонки, влезали в долги или годами копили на новый фаэтон, штамповали себе подобных и зажигали благовония в честь Когане Но, и все-таки не знали.

А я знал…

Ветростат Белохвоста медленно отчалил от полупустого комплеблока и начал набирать высоту. Мгновенно усилившийся ветер донес до меня бормотание Ханжи с противоположной стороны объемного кожуха; кажется, он тихонько молился…

«Ломкая горечь»

Куо-куо, мои чуткие и любознательные!

На всепроникающих потоках жестокой правды на верный курс снова встает неумолимый ветростат «Ломкая горечь» и его капитан — неподкупная Моноспектральная Чапати!

Добро пожаловать на борт всем, кто не спит и жаждет знать, чем живет родной Бонжур. Чапати расскажет правду, какой бы суровой она ни оказалась. Чапати не боится, не срезает углов и называет вещи своими именами. В путь, друзья!

Вы знаете, что «Горечь» пристально следит за разгулом бандитской вольницы, продолжающей змеиными кольцами сжимать хватку вокруг нашего района. Мы подмечаем, анализируем и предупреждаем вас, мои аппетитные, лишь бы уберечь от беды.

И новости у Чапати сегодня будут весьма тревожные и даже скорбные. Кто бы мог подумать, спросите вы?! Чапати ответит: этого мог ожидать любой внимательный слушатель станции нашего агентства.

История, которую сейчас поведает «Ломкая горечь», можно назвать настоящей трагедией, и она в очередной раз доказывает, что на наших улицах идет настоящая война, на которую тетроны и Смиренные Прислужники по лишь им ведомым причинам упорно закрывают глаза. И если сегодня на борту моего ветростата есть слушатели из числа смирпов, Чапати еще раз умоляет их прислушаться к фактам…

О какой ужасной истории ты говоришь, Чапати, изумитесь вы? Чапати ответит вам, мои обескураженные: вас ждет правда о бойне в Хатама-Крик. Если вы не только слушаете нашу станцию, то вот вам запись событий сразу с двух камер наблюдения. Ее для «Горечи» раздобыли глаберы, на добровольных началах помогающие Чапати собирать правдивые факты о кровавом урагане, грозящем превратить Бонжур в обгорелые руины. Низкий поклон, ребята, и пусть Благодетельная Когане Но оберегает вас на просторах «мицухи».

А для тех, кто только лишь слушает бархатистый голос Моноспектральной Чапати, управляет фаэтоном или закутался в одеяло в ожидании сна, Чапати все расскажет, подробно и без утайки.

На записи, о которой упомянуто, зафиксирована перестрелка, и случилась она прямо под вашими окнами, в Хатама-Крик, на пересечении 48-й улицы и Джюкаав. Чапати сказала «перестрелка»? О, мои встревоженные, это не совсем так, потому

что Чапати хотела сказать «сражение». И три дотла выгоревших фаэтона подтверждают это не хуже горы оставленных трупов.

Вы шокированы, мои ненаглядные?! Удивлены? Озадачены? А вот Моноспектральная Чапати не очень…

Все случилось вчерашним вечером, когда три неприметных легковых транспорта повернули на Джюкаав и едва въехали в Хатама-Крик. И (надо же!) внезапно угодили в засаду!

Вот здесь на записи Чапати хорошо видно, что припаркованные по обочинам якобы бесхозные фаэтоны загодя усилены бронелистами, по сути став настоящими огневыми точками… Итак, засада вскрывается и по колонне открывают пальбу из самого тяжелого оружия.

Прямо в это мгновение ваша покорная слуга в сотый раз пересматривает запись в замедленном режиме и хорошо видит трассирующие полосы ассолтеров. А вот первый из фаэтонов колонны подрывают дистанционным взрывом, потому что он притормозил прямо над спрятанной в дорожном пластобетоне бомбой… А сейчас на замыкающий транспорт падает начиненный взрывчаткой беспилотник.

Если бы не подтвержденная фактами реальность произошедшего, Чапати вместе с вами решила, что это снимают мощное шоу для платных миц-каналов. А еще Чапати почти могла бы подумать, что это началась спецоперация тетронов, созревших мощным ударом избавиться от очередной стаи опасных бандитов.

Да, мои хвостатенькие, такое вполне допустимо, особенно если разглядеть, что из подбитых фаэтонов вываливаются и открывают ответную стрельбу оглушенные казоку-йодда с клановыми значками Риробури и Раромари, а значит — входящие в семью «Вертких прыгунов».

О, воскликнете вы, неужели справедливость наконец-то пришла на улицы Бонжура и решила безжалостной метлой вымести из нашего района всю бандитскую падаль, травящую наших детей новыми видами опианина?!

Да-а, Чапати охотно признает — это было бы очень даже кстати. Но сейчас, мои любознательные, Чапати вас расстроит, потому что теперь на записях с камер заметно и атакующих. И это, мои заинтригованные, всего лишь головорезы в желто-черных жилетках, прислужники Нискирича Скичиры, известные вам, как «Дети заполночи».

Дальше мы вместе можем наблюдать, как ведется бой. И Моноспектральной Чапати не нужно проходить особую подготовку, чтобы сделать выводы: он ведется грамотно, яростно и без малейших намеков на жалость к врагу.

Скорость некоторых стрелков позволяет предположить, что

они накачались боевой наркотой, столь популярной в бандитских кругах. А выучка и хладнокровие отдельных чу-ха без труда выдает их прошлое в рядах ракшак.

О да, мои встревоженные, это явно не шпана!

Впрочем, «Прыгуны» тоже не намерены уступать, а из центрального и наиболее уцелевшего транспорта ведут ураганную пальбу. Кстати, вот с этой секунды заметно, что их простецкий с виду фаэтон усилен броней, и Чапати предположит, что именно поэтому его масса не позволила конвою на большой скорости проскочить Хатама-Крик по воздуху силовых коридоров…

Но вот ублюдки Нискирича усиливают натиск, подкрадываются к броневику в слепой зоне и минируют пассажирский отсек. Направленным взрывом фаэтону вышибает двери, и Чапати готова спорить, что выживших внутри не остается. А еще Чапати поведает вам, что «Дети заполночи» не просто атакуют конвой конкурирующей стаи, а зачищают его, старательно добивая раненых.

А что же это мы видим дальше, о, Чапати, изумитесь вы?! И Чапати охотно ответит вам: мы видим три портативных сейфа, которые многочисленные любовники господина Скичиры торопливо вытаскивают из броневика «Прыгунов» и волокут к собственным транспортам.

Увы, мои ушастенькие, мечтам о справедливости и твердой лапе тетронов на территории Бонжура пока не суждено сбыться… а мы с вами стали свидетелями всего лишь бана-а-ального налета на кассу Риробури и Риромари. Открыта еще одна страничка в войне двух крайне опасных казоку…

И, разумеется, Моноспектральная Чапати не может не упомянуть, что на перекрестке Джюкаав и 48-й улицы расположены две закусочные, пункт по срочному ремонту гаппи, частный детский сад, продуктовая лавка и три косметических салона.

К чему это ты ведешь, Чапати, осторожно спросите вы? И Чапати ответит вам сквозь слезы бессилия: как можно судить по украденным у тетронов отчетам (ничего удивительного, ведь «полосатые рубашки» с невиданной неохотой комментируют вчерашнее событие), «Верткие прыгуны» потеряли в сражении одиннадцать мордоворотов. Судя по надежным источникам «Горечи», убийцы Нискирича унесли с перекрестка тела троих товарищей, еще трое были ранены. А еще…

А еще, мои ошарашенные, бойня в Хатама-Крик отняла жизни тринадцати мирных, ни в чем неповинных чу-ха, простых обитателей Бонжура, двое из которых были совсем детенышами, и

еще двое — подростками.

Такова, мои подавленные, цена за власть Нискирича Скичиры, которую он силой оружия пытается навязать в Бонжуре. И когда в следующий раз кто-то из знакомых со знанием дела расскажет вам, что уважаемый фер Скичира когда-то помог с ремонтом школьной крыши или подарил ночлежке мешок мяса на обеды для бездомных, просто скажите ему — «Хатама-Крик», — и навсегда вычеркните глупца из своей жизни.

И пусть четырнадцать ублюдков-бандитов уже никогда не смогут топтать улицы Юдайна-Сити, цена за это была заплачена слишком большая… и ради чего, спросите вы вместе с Моноспектральной Чапати?! Ради трех ящиков с выручкой от поганой наркоторговли…

А теперь Чапати призывает своих несравненных слушателей — завтра днем обязательно сходите на церемонии прощания с убитыми. Одна из них пройдет в храме Двоепервой Стаи на транзитной станции «Аркада», а верующие в Благодетельную Когане Но смогут зажечь поминальные фонари под сводами «Благочинного Выжидательного Созерцания», где уже сегодня началась утомительная служба за легкое перерождение погибших.

Обязательно приходите в храмы. Чтобы показать ублюдкам наше единство и бесстрашие, чтобы взглянуть в глаза соседей, в глаза родителей погибших малышей, чтобы спросить себя еще раз: до сих пор ли вы верите в образ покровителя Бонжура, который много лет создавал в ваших умах безжалостный Нискирич Скичира?!

Простите за эту невольную грусть, мои ненаглядные, но Моноспектральная Чапати и вправду подавлена…

На сегодня агентство «Ломкая горечь» прощается с вами, желает мира и добра. Обязательно слушайте нашу станцию и новые выпуски, рассказывайте о них друзьям и коллегам. Навсегда остающаяся с вами, Моноспектральная Чапати.

Глава 7
ДВЕРЬ С ПЕРНАТЫМ ЗМЕЕМ

Иногда от решения самых гнетущих проблем отделяет всего один шаг. Например, с ветростата, плывущего над перенаселенным гнездом на высоте пары сотен метров.

Да уж, во время потрясений нас подчас посещают самые разные мысли. В том числе совершенно неожиданные, даже несмотря на мою неприязнь одобрительного отношения чу-ха к культуре самоубийств…

Сразу после отбытия Белохвост начал набирать высоту, за считанные минуты подняв нас на нужную крейсерскую. И двинулся на запад. Обманывая городские транспортные системы, ведомый Чихри и Зикро, ветростат парил по тайным воздушным тропам, удивительным образом выпав из всех полетных карт и умело огибая якорные рейды схожих пузатых конструкций.

От путешествия захватывало дух: внизу расстелился Юдайна-Сити, многослойный узор, безупречный блистающий фрактал, хитросложный петроглиф, созданный художниками-чу-ха. Уникальный в своей саморегуляции живой организм.

Потоки крохотных гендо были похожи на армии насекомых, бегущих по делам с приказами матки; фаэтоны проносились над ними, словно юркие рыбки, неугомонные и блестящие; а над всем этим плавно скользили мы — незаметные и опасные.

С высоты, на которую я еще не поднимался ни разу в новой жизни, все казалось игрушечным — мосты, тоннели, заводы, комплеблоки, офисные центры и развлекательные моллы, стадионы и гоночные трассы, площади, подстанции, ветряные вышки и ветки сквозного транзита. Отсюда даже окраинные геджеконду выглядели не грязными бесформенными проплешинами, а интригующим нагромождением уникальных домишек, где не найти пары одинаковых.

Вот под нами проплыл извилистый фрагмент клиновидного Колберга, затем похожая на моток спутанной пряжи Тысяча Дорог. Совсем скоро мы пересекли невидимую границу, и вот под подошвами прочертились дорогие проспекты и зеленые аллеи, один уход за деревьями на которых стоил целое состояние — район Уроборос. В его воздушное пространство мы заходили с севера, сделав необходимый волнительный крюк и пригладив овальной тенью ветростата сверкающие на солнце воды Ек-Вишаль-Кулхади-Утким-ек-Нишан.

На границе Холмов Инкамо (впервые так близко) я

рассмотрел сверкающий обод знаменитого «Пламенного колеса», настоящего архитектурного шедевра, будто бы парящего в воздухе почти на высоте нашего полета. Не приближаясь, мы оставили впечатляющий клуб для вистар за спиной…

Запоздало спохватившись, что нахожусь вовсе не на экскурсии, я со скрытой тревогой осмотрел подопечных.

Несмотря на мои опасения, транс исправно работал, притупив беспокойство наемников, сейчас поглядывавших вниз с легким страхом, но и не без азартного интереса. Для них высота стала иллюзорной, словно смоделированной в Мицелиуме. Кроме Ханжи, конечно, этот чу-ха вцепился в поручни якорного щупа так, что побелели костяшки. Глаза бывшего кубба были закрыты, он умело сражался с ужасом, хоть это и давалось нелегко.

Ветростат прошел очередную контрольную точку и обменялся блиц-маяками допуска с ближайшей вышкой полетного контроля. Полуавтоматическая, она даже не подозревала, что сейчас всецело подчиняется умничке-Зикро, не переставшему бубнить в мой заушник; параллельно глаберу мне отчитывался и дистант-пилот, и эта негромкая деловая сумятица голосов убеждала, что все идет по плану…

Мы затеяли форменное безумие, и оно переполняло жгучим азартом.

Вздрагивая от ударов теплого ветра, потея под бронезащитой и пальто, цепенея от скрипов и пронзительного скрежета «Соно-Чи» я ощущал себя крепко выпившим, хотя уже почти сутки не уронил в рот ни капли паймы…

Я встряхну этого самоуверенного мудака! Схвачу за лацканы дорогущего пиджака, прижму к стене и выдам «низкий писк» такой мощи, что у него задымятся мозги.

А когда дым развеется, ублюдок не просто забудет об опрометчивом приказе наказать Ланса Скичиру, он станет считать Ланса очень милым парнем и добрым приятелем, которого ни в коем случае нельзя трогать. Более того, нужно оберегать!

Ну, рыбонька, каково это, еще совсем недавно вальяжно величать Юдайна-Сити *своим* городом, а сегодня вдруг обмочиться от страха в капкане Бледношкурого Джадуга?!

Но все по порядку: с живой змеи, как говорится, шкуру не снять…

Впереди засверкал гранями «Слюдяной небесный мост». Величественная доминанта, драгоценность двух районов, царь высоток, физически не способный выпасть из нашего вида — его основание занимало целый квартал.

«Мост» был прекрасен, натуральный город в городе,

прибежище для сотен корпоративных штаб-квартир, технологических кухонь, парков отдыха или уютных элитных нор.

Сверкающий матовым стеклом обшивки, он вздымался выше прочих крыш, пряча в бликах нагромождение шикарных террас и обманчиво-хрупких балконов. В отличие от других зданий гнездового центра, на нем совсем не было рекламы и парковочных станций для летающих ветрогенераторов.

Он по праву считался символом нашего гнезда, и было даже странно, что его бездонные недра наполняли ушлые дельцы, а не хитромудрые смирпы. Впрочем, подчас я понимал их, сделавших выбор в пользу не сверкающего шпиля, а угрюмо-неприметных коробок Пиркивелля. Так их власть выглядела куда более строгой. Скромной, умеренной. И жесткой. Какой, впрочем, и являлась, несмотря на официальные заповеди Взаимопроникающего Невмешательства…

— Отметка пять, — доложил Зикро, наблюдающий нас трехмерной запятой на экранах своих консолей, — семь градусов южнее курса.

— Да, пунчи, вижу, — мгновенно ответил я. — Все по плану.

Потому что действительно видел, причем даже без увеличивающих мощностей «Сачирато» — к северному склону шпиля прилепилась изогнутая терраса *казоку-шин **[1]***, «сердца клана», откуда изволил вести дела сам Данав фер Шири-Кегарета, Господин Киликили, хетто С Шерстью Миллиона Запахов; таинственный вистар, чья засекреченная родословная терялась в уютных цитаделях Тинкернальта…

— Хао, Ланс, по плану, — с неуютным смешком прокомментировал глабер. — Знаешь, пунчи, при первом знакомстве с тобой я тебя жутко боялся. А потом узнал получше, выполнил пару твоих необычных заказов, и теперь… боюсь еще сильнее.

Что ж… Зикро рассуждал так, как многие из моих знакомых…

«Добродетельные Садовники» тоже заметили цель — просторный изгиб отважно выступающего от стены балкона, уставленного кадками, креслами и кальянными столами.

Прикус начал отдавать приказы; опускались забрала шлемов, тактические консоли проецировали на их внутренние дисплеи схематические карты и отмечали тепловые пятна предполагаемых противников. Ребрышко и Цена развернули маскировочные полотнища из тонкой и односторонне-прозрачной умной пленки, которыми тут же ловко прикрыли почти всю группу на «хвосте» ветростата.

Выбор Господина Киликили выглядел почти отшельничьим — ни вниз по шпилю «Моста», ни вверх на ближайшие десять этажей

не было заметно ни балконов, ни аналогичных террас. Определенно, этот тип не любил соседей.

Но зато я с грустью заметил выдвижные установки «земля-воздух», до поры дремавшие в серебристых настенных коробах. И пусть Зикро не одну минуту убеждал меня, что система примитивна и рассчитана исключительно на противодействие шпионским беспилотникам, мне стало не по себе.

Да, в теории на наш «транспорт» ракетометы среагировать не должны (иначе бы давно перебили половину энергетического небесного флота Юдайна-Сити), а если и попробуют, то глабер перехватит управление. Но это в теории. А если я чего-то не учел? Тогда мы отправимся к подножью «Моста» в задорно-полыхающей братской печке…

— Диспетчеры «Моста» на связи, — чавкающий Зикро оказался тут как тут, — предостерегают от случайного входа в персональное пространство объекта… Мои данные убедят их, что ветростат на самом деле огибает здание на дистанции в сорок метров. Белохвост, не дергайся.

— Да не потею я, веду ровно.

— Надеюсь, убедят… — пробурчал я, наблюдая за сосредоточенными приготовлениями наемников.

«Мост» и терраса приближались, ветростат будто бы невзначай наползал на высотку, планируя пройти чуть выше нужной нам точки.

— Сканирую, — бесполым голосом доложило Као-Ду на общем канале связи, — отсекаю лишнее по этажу, беру развертку. Вижу шестнадцать сигнатур, одиннадцать идентифицирую боевыми, перебрасываю на стаю.

Одиннадцать бойцов?!

Я недоверчиво покосился на наемника (или наемницу?), висевшего по другую сторону от Прикуса. Всего-то одиннадцать? Впрочем… Песчаный Карп по праву может считать «Слюдяной мост» своей неприступной крепостью и большая армия для обороны ему не нужна.

Вертикальных силовых каналов для фаэтонов по высотке вообще не проложено, от близкого соседства сверху апартаменты тоже отстранились, а любой пожелавший прорваться снизу должен будет пройти через отряды личной безопасности «Моста»…

— Двое снаружи, — доложило Као-Ду, и Прикус откликнулся привычным горловым рыком.

— Миката, работай, — хрипло приказал он.

Наемник на другой стороне энергощупа тут же подобрался повыше, почти лег на шершавый кожух. Уцепился хвостом за

ограждение, широко расставил лапы (снизу его придержал Панго), умостил на локтевом сгибе ассолтер, модифицированный под ведение снайперского огня, и бережно выдвинул ствол из-под маскировочной пленки.

— Готов работать. Одного сразу, второго на сбросе.

— Гхмм, принято.

Теперь я тоже видел боевиков «Уроборос-гуми». Один прогуливался по террасе вдоль стеклянных перил и лениво изучал потрясающий вид на улицы города (ему, как пить дать, давным-давно набивший оскомину). Второй чу-ха развалился в шезлонге на другом конце террасы, с которой в глубину этажа уводили две двери, разделенные зоной отдыха под полосатыми тентами.

Оба казоку-йодда были одеты в дорогие темные костюмы, под которыми, наверняка, носили защиту; на плечевых ремнях виднелись компактные укороченные ассолтеры.

Ветростат лениво подползал к склону «Моста», как будто прогуливающийся мимо толстячок. Охрана лениво косилась на его полую тушу, тем не менее, не проявляя ни капли подозрительности или тревоги: ловцы ветра регулярно барражировали вокруг «Слюдяного моста», меняли рейды или уходили на ремонт. Заподозрить, что на щупе кто-то засел было практически невозможно.

Мой план казался идеальным, и если бы я сейчас хоть на секунду разуверился в этом, то отдал бы истеричный приказ на отмену операции…

— Зикро, — прошептал я, временно отключив выход на общий канал, — *он* точно на месте?

— По данным моделирования активности, — задумчиво пробубнил глабер, снова что-то жуя, — а их у меня было не очень-то много, но все же удалось применить некоторое…

— Быстрее, байши!

— Ладно-ладно… в общем, 87 % вероятности тебя устроят?

Я промолчал.

Устроят ли? Скоро узнаем, потому что через мгновение Прикус скомандовал:

— Начинаем.

А Миката щелкнул предохранителем и нажал на спусковой крючок. Щелкнул затвор ассолтера, гулявший вдоль перил чу-ха брызнул красным из затылка и кулем упал на живот.

Его напарник видеть этого не мог, но все же числился отнюдь не босяцким дворовым головорезом — приподнялся из шезлонга, сдвинул оружие на живот и уставился на ветростат, по щупу которого сейчас переливалось нечеткое пятно маскировочной

пленки.

— Белохвост, тащи на сброс! — решился я, глотая сухой комок.

— Заметано, должничок, — с усмешкой отчитался дистант-пилот, чуть не заставив меня выругаться (яри-яри, вот же сучонок!).

Через мгновение ветростат заложил плавный вираж и поспешно надвинулся на террасу. Второй охранник вскочил и активировал «болтушку», вероятно, связываясь с диспетчерами башни. Ассолтер Микаты щелкнул еще раз, по лбу казоку-йодда влажно шлепнули, и он рухнул обратно в мягкие объятья шезлонга.

«Хвост» ветростата пришел в движение, отлепился от подбрюшья, выдвинулся вперед и завис над террасой; ненужную более пленку безжалостно сорвали с наших голов и отшвырнули в бездну.

— Сброс! — скомандовал Прикус.

«Садовники» расстались с энергетическим щупом, как рассыпавшиеся горошины, легко, умело, совсем не мешая друг другу и, казалось, даже в полете не переставая держать двери под прицелами.

Сиганул за ними и я, причем торопливо, пока не отхлынула волна безрассудства и обжигающего адреналина… разумеется, приземлившись отнюдь не так ловко, как любой из наемников (и даже огроменный Панго). Чуть не подвернул лодыжку, упал на колено, вскочил, беззвучно выругался, бросился за пальмовую кадку и пригнулся.

Последним на площадку спрыгнул Ханжа, с немалым трудом заставивший разжаться пальцы механической лапы, которой цеплялся за край сетчатой платформы. Его ощутимо трясло, причем настолько, что в нервных конвульсиях подрагивал даже боевой протез.

Тем не менее, экс-кубба оставался профессионалом — позволив себе всего секунду на глубокий вздох, в следующую он уже короткими шажками бежал к дверям вместе с остальными, выставив перед собой ассолтер.

— Чихри, сдергивай! — Подволакивая отбитую ногу, я заковылял следом за бойцами, отчего-то стараясь лишний раз не смотреть на мертвого охранника.

— Добренько, — доложил Белохвост, — поднимаюсь и жду сигнала.

«Соно-Чи» шустро поджал «хвост» и тут же отошел от точки сброса на несколько десятков метров. Посторонний наблюдатель, если таковой вдруг объявится, даже сейчас не понял бы, что

машина за окнами высочайшего здания Юдайна-Сити только что принесла в «Слюдяной мост» гроздь смерти…

— Встали по местам, — командовал Прикус, сам заняв позицию за перевернутым столом, — пошли планом, чистим!

«Садовники» тут же разделились на две группы, змейками утекшие к обеим дверям на террасу. Наблюдая за их походкой, позами, умением обращаться с оружием, я невольно впечатлился — бойцы Прикуса были ничуть не похожи на казоку-йодда Нискирича или другого вожака, а их действия больше напоминали не атаку, а причудливый, до мелочей скоординированный танец.

Слева в «Мост» ворвались Панго, Ханжа и Ребро. Последний снял с предплечья изогнутую пластину, активировал и превратил в объемный тактический щит, за которым, пусть и с трудом, смог бы уместиться даже я. Шумно застрекотал, не экономя фанга, супрессор бывшего чемпиона.

Но не успел Прикус отдать приказ остальным врываться во вторые двери, как на балкон вывалился еще один боец «Уробороса» в темном костюме. И тут же упал, сраженный очередями Као-Ду и Цены.

Миката первым метнулся к порогу, швырнул внутрь светошумовой пакет, отклонился от оглушительной вспышки. Через мгновение Прикус и оставшиеся снаружи «Садовники» уже рвались вперед, решеча стеновые панели и дорогую мебель.

— Зикро? — потребовал я, пускаясь за наемниками и стараясь отставать не очень-то сильно. — Что там?

— Засуетились, конечно… — все еще жуя, отчитался глабер. — Большая Хлопушка Зикро по базовой энергосети через *два, один,* бац! — Внутри апартаментов загудело так, что стало слышно снаружи, а затем верхний свет полностью погас. — Байши… кажется, я обвалил половину энергосистемы «Моста»… Теперь блокирую аварийку, держу двери и лифты.

— Тревогу подняли? — с призрачной надеждой спросил я, торопливо натягивая висевшие на груди «Сачирато».

— Сам-то как думаешь? — Зикро махом разрушил пустые чаянья. — Знаешь, Ланс, тут мощная система защиты… Мне не удается блокировать все контратаки, представляешь? Кажется, на твоего недруга работает целая армия моих коллег…

— Ты можешь перехватывать переговоры внутри «Моста»?

— Могу, но не все… Да толку-то? Неужто и сам не догадаешься, что ваш этаж только что запросил поддержку из внутренних казарм?

Параллельно в заушнике переговаривались «Садовники». Шаг за шагом, осторожно и умело зачищая коридоры и холлы, они

продвигались вперед, отчитываясь об убитых и возможных угрозах. Я крался следом, стараясь копировать манеру ходьбы ближайшего ко мне Цены; тяжеленный ассолтер оттягивал руки.

Мы миновали просторный длинный зал для отдыха и музицирования, с диванов которого открывался великолепный вид на террасу и северные районы Юдайна-Сити. Левее нас помещение пересекла группа Ханжи, отчитавшаяся об «успешном контакте» с еще одним охранником.

Прикус свернул южнее, уводя нас широким коридором. И почти сразу приказал бросаться назад — двое забаррикадировавшихся за креслами и столом противников встретили «Садовников» сильным встречным огнем.

Я упал за угол и попытался вспомнить, как переключать ассолтер в режим коротких очередей. Все мои немалые познания об оружии, перестрелках и тактике выживания вымывало из памяти волной возбуждения и запахами свежей крови.

Сражение, в которое я сейчас ввязался, абсолютно ничем не напоминало передряги, в которые мне и «Молоту» доводилось попадать раньше… Впрочем, именно за этим здесь и были ребятки Прикуса, не так ли?

Они все же подавили баррикаду.

Приблизились, изучая распростертые тела чу-ха в темных брючных костюмах. Миката, выдерживая безопасную дистанцию и не опуская ассолтера, сканировал ближайшего противника, пытаясь определить степень ранения; Цена поступил проще, что сразу выдало в его подготовке действительно уличный фундамент — осторожно нависнув над расстрелянным боевиком, он хлестко щелкнул того когтем по кончику уха. И когда раненый, еще не успевший освободить душу на поиски Когане Но, машинально вздрогнул, тут же всадил ему в голову еще одну фанга…

Быстрым шагом, за которым я едва поспевал, мы миновали коридор, откуда вели проходы в комнаты отдыха с огромными кроватями для дорогих гостей; а еще в надежно звукоизолированную комнату с зарешеченным сливом в полу, где явно не отдыхали.

Дальше по западной стене нам открылись два пустых кабинета с массажными лежанками и подсобка, где на подзарядных устройствах в режиме гибернации висела пара «породистых» кукуга.

Ладони под перчатками вспотели так, что хоть отжимай. Ассолтер весил втрое больше привычного, болела нога, в ушах стоял непрерывный стрекот.

Приотстав на пару шагов, я приказал себе успокоиться. Мне предстоял «низкий писк», самый важный в моей непростой, но

увлекательной жизни, и было бы обидно запороть его от элементарного волнения…

Но сохранить спокойствие было непросто.

Во-первых, потому что вокруг шел бой, пусть даже невидимый, там где группа Ханжи пробивалась к лифтам. А во-вторых, потому что я испытал неизведанное доселе чувство всесокрушающей власти, пусть даже временной, когда по моему приказу чу-ха шли вперед и без раздумий отнимали жизнь себе подобных. Чувство пьянило, вызывало гадкую дрожь и горькую тошноту, но не признать его восхитительно-отравляющего эффекта было нельзя…

В отдельной комнате мы нашли тех, кого Као-Ду назвало пятью «небоевыми сигнатурами». Рабы послушно сидели на коленях, склонившись до пола и вытянув вперед верхние лапы, покорные любому нашему решению. Крепкие, холеные, набранные отнюдь не на базарах Ишель-фава, а еще детьми похищенные из благополучных и здоровых семей и с малых лет воспитанные в атмосфере преклонения перед казоку…

Прикус бросил на меня короткий взгляд. Я расшифровал его, вздрогнул и отрицательно помотал головой. Наемник издал привычный горловой звук, швырнул в комнату цилиндр с усыпляющим газом и с грохотом задвинул дверь.

Группа Ханжи отчиталась о раненом… которым оказался сам Ханжа. Байши! Вероятно, на словившем шальную фанга наемнике все же сказалось отсутствие моего транса… А я в очередной раз получил ответ на вопрос, почему чу-ха не имели ни толковой полетной техники, ни «заточенных» под нее боевых подразделений…

Миката и Као-Ду держали коридор под прицелами, Прикус и Цена перезарядили оружие; затем пары сменились, и мы двинулись дальше… тут же угодив под огонь еще одного обороняющегося.

Этого убрали даже быстрее его предшественников.

Не отнимая ассолтера от груди, искусственным хвостом Као-Ду сорвало с груди гранату, коротким движением швырнуло вперед. И не успело эхо оглушительного звона утихнуть, как оно ринулось вперед, причем немалую часть дистанции пробежав по стене. Кувыркнувшись через голову, бывший акробат исчез за углом, раздалась короткая очередь, после чего на канале прозвучал бесполый голос «Садовника», отчитавшегося о завершении зачистки.

Мы побежали дальше. Перешагивая через мертвого члена «Уроборос-гуми», я в очередной раз задумался, что ни Пыльный, ни сам Шири-Кегарета отнюдь не оценят происходящего… Но

отступать было поздно, и я все бежал и бежал вслед наемникам, проклиная себя за скудность мыслей и отсутствие другого, чуть более толкового плана…

За следующим поворотом мы попали в огромный зал нескольких этажей высотой. Первое, что встретило на пороге — неожиданный запах влажной земли и коровьего дерьма, а затем удивились и глаза: зал был превращен в густой сад, полы покрывала жирная земля и густая подстриженная трава, в полумраке между живых деревьев петляли белоснежные каменные дорожки.

А посреди всего этого дорогущего великолепия, немного ошалевшая от взрывов и предсмертных криков, паслась самая настоящая корова. Холеная, упитанная и мордатая. На двестикаком-то этаже «Слюдяного моста», в сотнях метров от земли и привычной среды обитания…

Впрочем, долго любоваться дерзкой роскошью Песчаного Карпа мне не позволили — Прикус уже бросался зачищать очередной коридор и властно звал за собой. Конечно же, я подчинился.

Группа Ханжи сообщила, что того подлатали, а еще они заняли холл лифтовой группы и лестницы. Зикро (глабер даже перестал жевать, но настораживаться было поздно) сообщил, что его пытаются выдавить из мицелиумного поля, но он пока держится, потому что эффект внезапности дал ему преимущество перед «голыми землекопами» вражеской казоку.

Белохвост тоже откликнулся, без особых эмоций рассказав, что у него все в норме, и он продолжает висеть под самым боком «Моста», по-прежнему невидимый для систем полетного контроля.

— Будь готов забирать нас, — приказал я, стараясь говорить как можно более по-командирски, но поразился слабости собственного голоса.

А Прикус и его «Садовники» тем временем бросились в очередную атаку, алыми пунктирами фанга вдоль и поперек расчертив еще двоих казоку-йодда «Уробороса», охранявших массивную и высокую двустворчатую дверь.

Тяжелые распашные створки были искусно украшены гигантским резным змеем, извивающимся так, что позволяло ему схватить клыками собственный пернатый хвост; по обе стороны от входа покачивались узкие ленты с принципами клана, шитые настоящим золотом. А над изогнутым сандриком разместился рельефный девиз казоку, известный даже малышне: *«Кегарета умеют ждать!»*.

Я усмехнулся.

Хотел сказать что-то про аляповатое богатство… что многозначительный лозунг семейства можно с легкостью дополнить чем-то вроде *«…пинка под зад!»*… про самонадеянного чу-ха, обитавшего за порогом… завернуть что-нибудь эпичное про финальную точку нашего нелегкого путешествия и решительный рывок, который предстоит сделать…

Но Прикус и не думал слушать пустой треп: Миката и Као-Ду молниеносно заняли позиции у дверей, Цена рванул створки, внутрь полетела светошумовая бомба, а следом за ней Прикус бросил в кабинет Карпа плоский диск парящего сканера.

Рвануло, из проема ударил поток ослепительного света, затем загудел прибор.

— Чисто, — произнес безносый «Садовник», заставив меня похолодеть.

С места, за которым я стоял, было не видно комнаты за змеиными дверями, а первая попытка сделать шаг вперед попросту не удалась — мне показалось, что на лодыжках висят железные колодки.

— Вийо?! В каком… каком это смысле, *чисто*? — наконец просипел я, через плечо наемника заглядывая на нарукавный дисплей тактической консоли. — Там что, никого нет?

— Байши, Ланс… — Прикус хмыкнул, причем трижды и в разных интонациях. — Сканер дает жуткие помехи, но ни я, ни бойцы не подтверждаем вражеских сигнатур…

Мое сердце пропустило несколько ударов. Пальцы вцепились в рукоять ассолтера так, будто хотели оторвать от цевья. Миката, Цена и Као-Ду статуями дожидались приказа по обе стороны от распахнутых дверей.

Прикус повернулся, хотел запросить дальнейших распоряжений, но я молча отодвинул командира группы с дороги. Уж не знаю, что заметил тот в глазах бесхвостого мутанта, но подчинился беспрекословно.

— Работаем? — спросило Као-Ду.

— Оставайтесь на местах, — я отдал приказ вместо старшего «Садовника», и его бойцы неожиданно подчинились. — Дальше сам.

Данав фер Шири-Кегарета переиграл меня, попросту не выйдя на работу. Поднимая приклад ассолтера к плечу, я медленно шагнул вперед. Если эта тварь там, прячется и вооружена, я не стану разговаривать с Песчаным Карпом. К Бансури «низкий писк»! Если в следующую минуту ублюдок попробует показать свои жалкие желтые зубы, я лично всажу в него ураган фанга… А вот что я стану делать, если там его действительно нет?

— Не входить… — хриплым незнакомым голосом повторил я, и замер справа от тяжелой створки с половинкой извивающегося змея. — Сисадда?

— Мы прикроем, но не мешкай, — посоветовал Прикус, все еще задумчиво изучающий данные сбоящего сканера. — Песчинки тают, Ланс.

— О, пунчи, — криво усмехнулся я и перешагнул резной порог, — об этом я помню куда лучше других…

[1] База криминального сообщества.

Глава 8
БЕЗ ПРАВА НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Кому-то это может показаться интересным, но едва я вошел в покои недруга, как ощутил мгновенную смену собственного настроения.

Не то, чтобы я уже ощущал себя полностью готовым к «низкому писку», еще нет. Но изматывающий страх растворился — *эту* часть сражения (чем бы оно ни завершилось) жалкий терюнаши выиграл, причем триумфально. И едва удерживал себя от победного ликования, даже если за ним вовсе не последует полной победы, и мне останется лишь насрать в любимую вазу Шири-Кегареты, Князя-Из-Грязи, могучего Господина Киликили… Верный Зикро точно позаботится, чтобы слухи об этой отчаянной выходке еще долго гуляли по Юдайна-Сити после моей бесславной гибели…

Шагал я медленно и осторожно, каждый миг ожидая засады или ловушки, хотя, впрочем, их тут и устраивать-то оказалось негде.

Миновал широкую входную группу, на потолочной фреске которой в смертельной схватке переплелась пара зубастых тварей — юрких песчаных карпов, отдаленно напоминавших змей и несносным характером наводивших ужас даже на бесстрашных кочевников; затем прошел через изящный портик, спустился по каменным ступеням и оказался в просторном зале.

Окон тот не имел, вместо этого три высокие стены завесив золочеными полотнами с мудрыми высказываниями древности, вроде *«в пасть входят болезни, а из нее выходят многие бедствия»*, *«дорога, по которой ты идешь, подметена сотней чужих хвостов»* или *«барханная пума будет счастлива, если весь мир станет пустыней»*.

Остановившись под ближайшим транспарантом, я брезгливо покривился засилью обветшалого морализерства — с моей скромной точки зрения, любые «умные» афоризмы в жизни чу-ха были уместны исключительно *после* того, как случилась описываемая в них неприятность; так на кого была рассчитана вся эта витиеватая заумь?

Не меньше раздражения вызывало нарочитое богатство полотнищ, когда фраза типа *«не бойся труда, бойся пустой болтовни»* была вышита настоящими золотыми нитями…

В центре зала, куда и спускались ступени, громоздился массивный П-образный диван, способный уместить дюжину чу-ха;

вокруг него разместились потайные тумбы с кальянами, а внутри зоны отдыха возвышалась круглая химическая жаровня, сейчас погашенная. Над ней нависала труба декоративной вытяжки, тоже покрытая желтым металлом, и я был готов спорить, что это была явно не обыкновенная краска.

Открытая сторона диванного комплекса целила влево, на четвертую стену, свободную от лозунгов и пословиц, и, на первый взгляд, отлитую из серого дымчатого стекла. Причем отшлифованного так умело, что не отражала ни единого силуэта.

«Дымчатость» стены эффектно клубилась внутри себя, как если бы в стеклопакет напустили настоящий дым; если присмотреться (а, нет, и тут все-таки не обошлось!), матовую поверхность от пола до потолка занимали десятки очередных нелепых поговорок, выгравированных мелким изящным шрифтом.

Главный зал Шири-Кегареты выглядел чинным, чопорным, скучным и отчего-то тревожным. Опустив ассолтер на ремни слинга, я медленно обошел диван и…

— Байши, байши, байши…

…окончательно убедился, что спрятаться здесь решительно негде.

Задрав голову, заметил под полотком множество крохотных камер наблюдения, не оставлявших без внимания ни пяди просторного помещения. Угрюмо (настроение ожидаемо начинало портиться) поинтересовался у Зикро, сможет ли тот перехватить картинку или намусорить в базах данных.

— Попробую, — ответил глабер, шумно прихлебывая, — часть потоков лопнула еще от «хлопушки». Но ты должен помнить, что меня пасет целая стая коллег… и еще, пунчи, этот канал перешел под наблюдение, так что…

— Ожидаемо, — я кивнул сам себе и раздраженно потер правое запястье. Затем, будто тот мешался, подхватил с воздуха парящий диск наемничьего сканера и мягко толкнул устройство к входным дверям. — Тогда пусть будет «План два».

Сканер, покачиваясь, уплыл прочь; Зикро не отреагировал. То ли следовал четким условиям плана, то ли отвлекся на отражение новой волны мицелиумных атак. Заглянув в высокую золоченую вазу у дивана (она вполне соответствовала моим вандальным помыслам, разве что горлышко оказалось узковатым), я задумался над сутью этого самого запасного плана. Весьма сомнительного, если честно.

Впрочем, пусть будет, меня сейчас утешало даже его наличие. Так себе планчик, но лучше я не выдумал. Да и с названием схалтурил, врать не стану…

Внутрь сунулся Прикус и жестами поинтересовался, нужна ли

мне поддержка. Старательно копируя суетливость его взмахов и рубленных подворотов кистью, я с еще б **о** льшим раздражением дал понять, что у меня все в порядке и не мог бы он оставить меня в покое еще на пару минут.

Затем еще раз обошел диван, пнул пустую болванку светошумовой гранаты, зачем-то заглянул в вытяжную трубу, осторожно потрогал устилавшие жаровню камни и устало плюхнулся на высокий черный подлокотник, обитый безупречно выделанной кожей.

Вот и все, Ланс.

Вот и все твои 87 %, высчитанные Зикро.

Песчаного Карпа просто не оказалось в офисе, и все мои прожекты пошли по…

Краем глаза уловив движение, я мгновенно вскинулся и сам не заметил, как поднял ассолтер. Скатился с подлокотника, занял позицию за диваном, и совсем не сразу сообразил, что с дымчатой стеной зала что-то не так.

В шаге от нее, теряясь в пылевых завихрениях, в потаенной комнате стоял чу-ха, высокий и неподвижный; он носил традиционный халат, лапы были лениво заложены за спину, а очертания морды скрывали серо-песчаные волны, проплывавшие внутри стеклянной стены.

Удар адреналина оказался таким сильным, что я не сдержал радостный возглас.

— Шири-Кегарета!

Легендарный чу-ха, построивший с нуля не только могущественное семейство, но и самого себя. Образец для подражания любого дворового сунь-в-лапу, крутилы или хвостощипа, главное имя которого на одном из старых гнездовых диалектов нихонинди означало нечто вроде «Князь, поднявшийся из дорожной грязи». Решительный… пробивной… невероятно расчетливый. До тех пор, пока не встретил единственного человека во всем Юдайна-Сити!

Я торопливо прицелился в главу «Уроборос-гуми», на этот факт не обратившего никакого внимания. Качнувшись на пятках, он задумчиво помотал массивной головой, мимолетно блеснул глянцем крупных резцов.

— Предпочитаю, чтобы меня называли полным именем, — из скрытых по всему залу динамиков раздался голос, уже знакомый мне по недавнему разговору.

— А я предпочитаю, чтобы меня не пытались убить! — все еще сдерживая ярость, рявкнул я, и тут же отмахнулся от Прикуса, снова сунувшегося в комнату.

Из-за массивного портика наемник не мог видеть силуэт

Господина Киликили, но мой молчаливый приказ выполнил беспрекословно, подался назад и даже прикрыл за собой створки.

Чу-ха за толстым полым стеклом еще раз помотал башкой, невесело вздохнул.

— Я тебя вижу, Ланс. И если бы хотел ликвидировать, — с неожиданным и весьма пугающим спокойствием сказал он, — ты уже был бы мертв. Просто поверь.

Я издал нервно-гадкий смешок, заставил себя стиснуть зубы и поудобнее перехватить оружие.

— Даже не допускаешь, что я оказался ловчее Пыльного, да?! — прошипел я, выбираясь из укрытия и целясь ровно в середину силуэта.

Маскировка комнаты делала его почти незаметным, будто Карп на самом деле стоял на самой границе могучей пустынной бури.

— Пыльного? — с неподдельным интересом спросил фер Шири-Кегарета, при этом глядя в сторону. — Он-то здесь причем? — И вдруг будто догадался, запоздало вскинул седой подбородок, покивал. — Ах, вот ты о чем… Я тебя понимаю. Да, господин Сакага немножечко перестарался. Любит, знаешь ли, выслуживаться, не могу его за это винить.

Я часто заморгал, но не позволил стволу ассолтера отклониться ни на сантиметр.

Нужно было отдать казоку-хетто «Уробороса» должное: держать фасон он умел отлично, даже на пороге собственной смерти. Но вот правду ли он сказал про своего подчиненного? Или просто тянул время? Пожалуй, я сам, полагая, что меня пришли подвесить хвостом вверх, поступил бы совершенно так же. А дальше попробовал бы вымолить жизнь… Впрочем, меня это устраивало, а недошлифованный «План два» уже не казался таким глупым и смешным.

— Выходи! — приказал я, осматривая стену в поисках скрытой двери. — Этаж под моим контролем. Лифты блокированы, подмоги не будет.

Взгляд не находил среди рельефных высказываний ни прорезей, ни петель. Оставалось надеяться, что Прикус все же сообразил, что происходит в зале со змеем на дверях, и отправил кого-то найти проход в тайное убежище Шири-Кегареты.

Увы, чтобы не спугнуть вожака наемников, я не мог не только говорить, но даже подать «Садовнику» знак. Значит, оставалось уповать на «План два»… но и этого, не привлекая лишнего внимания, я тоже проверить не мог.

— Знаешь, — не меняясь в голосе, признал Карп, — твой приятель-глабер весьма толковый малый. Признаю, да, я его

слышу. Правда, никак не возьму в толк, зачем он обвалил систему энергоснабжения половины «Моста»… Хотя… ты же понимаешь, Ланс, что я уже сейчас его выследил и могу самую малость помешать вашей подрывной деятельности?

С моих губ чуть не сорвался презрительный смешок — такого откровенного блефа я не позволял себе даже в откровенно-поганых ситуациях.

— Впрочем, молодой Скичира, ты провернул интересную задумку.

— Хочешь убедить меня в ее провальности?

— Отнюдь. Считаю ее гениальной. Отдам должное, подобное бы не пришло в голову ни одной крысе. В том числе, мне самому…

— Выходи! — повторил я, стараясь успокоить клокочущие внутри эмоции.

Разговор предстояло удержать в нужном русле, а затем вытащить ублюдка из стеклянной клетки и доказать второму Лансу (тому самому, недоверчивому и скептическому), что базовый план оказался вполне себе ничего.

— Немедленно выходи и садись. Нам нужно немного поболтать и я обещаю, что не стану причинять тебе вреда.

— Не причинишь вреда?! — Господин Киликили снова качнулся на пятках и тонко рассмеялся. — Ты серьезно, Ланс?

Я удержался от того, чтобы не рассвирепеть. Сделал шаг вперед и щелкнул переключателем автоматического огня, на этот раз без проблем нащупав рычажок над рукоятью ассолтера.

— Яри-яри, — тяжело вздохнул чу-ха, наполовину скрытый невероятно реалистичной свето-струнной имитацией самума. — Всерьез, терюнаши, неужели ты думаешь, что эта стена не удержит очередь фанга? Кстати, осторожнее, можешь словить рикошет. Прецеденты, знаешь ли, бывали.

И он снова рассмеялся, тонко, противно, но очень уверенно.

Меня бесило его спокойствие и самообладание! Или он настолько привык считать себя всесильным, что и правда считал, что его жизни ничего не угрожает?

А может, это была вовсе не наивность? И он держится так, потому что не считает себя жертвой стремительного и очень умного нападения, а… управляет ситуацией? Мог Шири-Кегарета заманить меня в ловушку? Например, если кто-то из «Садовников» предал и продал своего заказчика?

Нет!

Нет, нет, сейчас не время для подобных мыслей, они подтачивают уверенность.

— Байши… — прошептал я.

Вместо того, чтобы открыть огонь (замечание про рикошеты показалось справедливым), одной рукой я удержал оружие на натянутом слинге, сбросил рюкзак на живот, запустил пальцы в основное отделение и вызволил наружу увесистый брикет «Беспощадного ростка». Шагнул вплотную к стеклу.

Шири-Кегарета задумчиво изучал меня через дымчатые завихрения, даже не подумав отшатнуться или вообще поменять позы. Подступив напротив, я зубами сорвал защитную пленку с клейкой полосы и со смачным шлепком прилепил взрывчатку на уровне головы Песчаного Карпа.

— Считаю до трех, — предупредил я, возвращаясь за диван, — а затем рвану. Такая дверь тебя устроит?

Хетто все же соизволил повернуть голову и взглянуть на приклеенный к стеклу брусок. Пригладил шерсть на макушке, одернул полы расшитого халата — на левом мизинце блеснуло кольцо с бриллиантом, — и снова заложил лапы за спину.

Он стоял так близко, был так спокоен, что я едва не рискнул *попробовать* снова. Но прокашлялся, сглотнул, и сдержался: тогда, в ночном дворе комплеблока попытка «писка» по гаппи окончилась полнейшим провалом… и если мне доведется испробовать свой талант на этом мудаке еще раз, гарантии успеха должны быть более чем железобетонными. А это, в свою очередь, значило, что ни стекла, ни отвлекающих иллюзорных бурь между нами находиться не должно. Я должен видеть его глаза, слышать дыхание, чувствовать запах шерсти и ароматических масел!

— Выходи! — в третий раз приказал я, и Шири-Кегарета снова вздохнул.

— А ты прямо больной, Ланс, — с сочувствием констатировал он и протянул лапу, будто хотел изнутри прикоснуться к «Ростку». Но словно передумал, и снова спрятал за спиной. — Поверишь мне, я отлично познал суть чу-ха, их привычки и ход мыслей, но никак не мог предположить столь… дурного поступка от homosapiens.

По загривку мазнуло холодком смутной тревоги, но все же витиеватое ругательство оказалось мне незнакомым.

— Я и сам себя не знаю, — ответил я, с удовлетворением ощутив, как правда в моих словах не дала голосу дрогнуть. — Давай, смелее! Нужно поболтать и обсудить пару вопросов.

— Ты слишком много внимания уделяешь физической близости, — с улыбкой произнес Господин Киликили и неспешно двинулся вдоль стеклянной стены, оставаясь наполовину скрытым впечатляющей маскировкой систем потайной комнаты. — Выходи, да выходи… я ведь уже тут, сисадда? Я тебя вижу. Я тебя слышу. Так чего же ты ждешь? Выкладывай, с чем

пришел! Эти стены видели немало просящих, но, признаюсь, как на духу, ты заткнул за пояс их всех.

Сука, да он издевается!

Я облизал пересохшие губы, быстро оглянулся на прикрытые двери зала. Интересно, он так самоуверен, потому что знает, что стеклянная стена на самом деле способна выдержать даже мощный точечный взрыв? Байши, мне все же придется попробовать сломить его волю…

Снова прокашлявшись, я призвал на помощь все внутренние силы.

Вздохнул, настраиваясь на баюкающий ритм «мышат», сделал к стеклу несколько решительных шагов. Но не успел и рта открыть, как Карп остановился, повернулся ко мне через пепельные клочья, и с откровенным упреком спросил:

— Ланс, ты что, серьезно?!

Я захлебнулся нерожденными словами и склеил пересохшие губы.

— Благочестивые базы данных, Скичира, — разочарованно протянул Данав фер Шири-Кегарета, — ну разве можно быть таким легкомысленным д **э** билом? — Он произнес это именно так, с ударением на искаженную букву, словно продолжал потешаться над ситуацией.

Но я не позволил ему перехватить инициативу. Прикрыл глаза, быстро досчитал до трех, а затем вернул настрой на «низкий писк», доброжелательно улыбнулся и попросил:

— Послушай меня внимательно, Данав фер Шири-Кегарета, — моими интонациями можно было убаюкать взбешенную змею, — сейчас я скажу тебе нечто очень важное…

— Ланс, прекрати! — заливисто расхохотался Карп, а меня снова встряхнуло от неожиданности и стыда. — Прошу, не позорься, «Садовники» же наблюдают!

Да, я опешил. Еще раз. Окончательно теряя контроль и уверенность в себе.

Нить разговора, каким бы странным он ни оказался, находилась явно не в моих пальцах, и переломить ситуацию не мог даже приклеенный к стене «Росток». Интересно, когда я скручу хвост и стану переслушивать запись этой странной беседы из иных миров, мне будет стыдно за собственные реакции?

— Если у тебя не получилось в первый раз, — осведомился Песчаный Карп чуть мягче, словно хотел извиниться за вспышку неуместной радости, — то с чего взял, что выйдет сейчас?

Я похолодел и будто бы перенесся в ночной двор комплеблока. Вернулись страхи, острые и болезненные, как впервые. Пытаясь рассмотреть глаза чу-ха через разделяющий нас

пылевой шторм, я помотал головой и неожиданно для самого себя спросил:

— Что ты такое, Господин Киликили?

Бровь статного немолодого чу-ха за прозрачной перегородкой изогнулась. Он грациозным жестом пригладил седую бородку, задумчиво взглянул на бриллиант в кольце.

— О, это имя… знаешь, не очень люблю его.

— Отвечай, — с неожиданной сталью в голосе приказал я, вынимая второй «Росток» и цепляя его напротив казоку-хетто точно на надпись *«огонь в бумагу не завернешь»*, — или мне придется повторить вопрос, заглянув в твои гаснущие глаза.

Плечи начинали дрожать. И от физического напряжения, и от психического — мы с Карпом будто перебрасывали друг другу мяч, многократно тяжелевший каждый раз, когда тот попадал мне в руки.

— Ох, Ланс, я тебя слышу, — устало признал Шири-Кегарета, качнувшись на пятках. — Но ты прекрасно знаешь, кто я. Меня называют отцом Юдайна-Сити. Одним из них, если угодно. Иногда отчимом, конечно, но тебе ли не знать, что это ничуть не хуже?

— Выходи! — прошипел я, едва удерживаясь, чтобы не взорвать брикеты.

— А если нет? — с внезапным напором спросил Песчаный Карп…

…и все изменилось.

Прикрытые двери лязгнули замкнувшимися засовами. Потолочный свет погас, в центральной жаровне вспыхнуло ослепительное белое пламя, по динамикам прокатился раскат далекого грома.

Я бы хотел сказать, что совершенно не напугался… но зачем врать?

Конечно, я чуть не завопил. Отскочил к дивану, вскинул ассолтер, лихорадочно завертелся в поисках угрозы. К своей чести быстро взяв себя в руки — ха, тоже мне! Такими шаманскими штучками Господин Киликили мог бы до желудочных колик пронять, например, пришибленного Ункац-Арана, но определенно не Ланса фер Скичиру!

«Болтушка» на левой руке сообщила, что канал связи блокирован, но я слышал, как Прикус пытается докричаться до меня из-за запертых дверей. Возможно, он призывал меня отойти подальше, пока они с Микатой и Као-Ду будут взрывать замки. Интересно, а они будут?.. Или решат выжидать, подчиняясь приказу? А то и вовсе уйдут, почуяв *настоящую* угрозу?

Обдумать это я не успел — внутри потайной застекольной

комнаты беззвучно взорвалась настоящая пылевая бомба, теперь наполнив дымными струями не только полую стену, но и само обиталище моего недруга. Его силуэт мелькнул слева, справа, потерялся во мгле высокоуровневого свето-струнного ненастья.

— Твоя дерзость перелилась через край, Ланс Скичира! — громыхнули динамики, и я уважительно признал, что такие оглушительные представления наверняка заставили множество посетителей поменять портки…

А затем и сам едва не осуществил хулиганский план с вазой. Причем даже не успев снять штаны. Потому что за исписанным стеклом вдруг вырос огромный, не меньше тридцати метров длины змей, чья пасть раскрывалась на высоту моего роста.

С грохотом ударяясь о стеклянную стену, опасно вибрировавшую от каждого удара, он сплетал и размыкал сверкающие кольца, шипел и скалил чудовищные зубы; его двухметровый язык стрелой вылетал из пасти, ощупывая перегородку, будто искал на ней трещину-изъян, в которую сможет протаранить.

От дикого, иррационального страха, на несколько мгновений затопившего мой рассудок, я чуть не закричал. И далеко не сразу убедил себя, что все же стал жертвой старательно продуманного шоу, которым фер Шири-Кегарета ломал волю своих наиболее несговорчивых собеседников.

— Ты… — промямлил я, стараясь не смотреть в свето-струнные глаза несуществующего змея, бушующего за стеклом в считанных шагах от меня (байши, но почему вибрирует стекло? тварь может быть настоящей?!), — ты не чу-ха, верно? Ты… ты такой же, как я, верно?

п.2; г.8; ч.2

Буря стихла так же внезапно, как началась.

Скрученный в напряженные кольца змей исчез, и теперь на его месте снова стоял высокий седобородый чу-ха в дорогом старомодном халате. Скука и доброжелательность окончательно стерлись с его хищной морды, пасть была плотно сжата, усы топорщились.

— Нет, Ланс, — чуть тише, но все еще грозно прогудели динамики в стенах, и я заметил, что Песчаный Карп вовсе не разжимает губ, — я не человек, оставь пустые надежды. А еще, пунчи, ты меня по-настоящему расстроил. Нелепым штурмом, например… хотя, должен признать, весьма изобретательным. А еще своим упорством. Глупостью и легкомыслием. Я тебя слышу, Ланс. Услышь и ты: мне придется *ответить*, сисадда? Чтобы, так сказать, сохранить хвост в чистоте. Поэтому я убью всех наемников на этаже. И глабера. И пилота. И тебя, наверное, тоже убью, хотя этого мне, даю слово, очень не хотелось.

Я шагнул вперед до того, как осознал свои действия. На исцарапанное надписями стекло с хлюпаньем присосался предпоследний брусок «Беспощадного ростка».

— Валяй, — сорвалось с моих губ до того, как я успел обдумать последствия, — пробуй. Но тебя, сука, я заберу с собой. Хотя бы для того, чтобы доказать улицам, что нельзя боятся таких, как ты.

— Ланс, Ланс, Ланс… — Данав покачал головой, снова пригладил бородку.

Только сейчас я заметил, что песчаная буря полностью «улеглась», наконец-то позволяя в деталях разглядеть предводителя «Уроборос-гуми», в одиночестве стоящего за стеклом посреди совершенно пустой и совсем небольшой (как только туда вместился змей?) комнаты.

— Глупый Ланс, enfant terrible… меня нельзя убить. Я везде. Я силен и многолик. Да хоть сравняй с землей весь «Слюдяной мост», мне ты вреда не причинишь.

У меня затвердели желваки.

Мысли понеслись галопом, сбиваясь с ног, натыкаясь на соседей и калеча друг друга в безумной гонке. Поднимали пыль памяти, мешали рассмотреть себя, истошно вопили и продолжали бег по проклятому кругу.

Кулон, Симайна, «низкий писк», угрозы и пытки, всесилие избранных, слибу Мокки и долг Ш'Икитари, неуловимый властитель города, бесстрашие перед оскалом мучительной

смерти… Самые яркие и горячие предположения в моей голове пугали куда сильнее тридцатиметрового змея, даже окажись он во плоти…

— Ты не чу-ха, — с уверенностью, которой не испытывал, сказал я, совершенно по-новому осматривая собеседника за стеклом, — потому что тебя вообще не существует…

Бровь Шири-Кегареты вскинулась. Даже не так — она лишь дрогнула, вовремя вернувшись на место, но я все же заметил этот невольный, построенный на сотнях мимикрирующих протоколов жест.

— Яри-яри… — протянул Песчаный Карп, подаваясь вперед, — как интересно…

И вдруг распался на грани, будто был собран из тысяч листов разноцветной бумаги, объемным и настоящим выглядя только с определенного ракурса. Грани замерцали, стали густыми тенями, вспыхнули золотом, а затем силуэт высокой прямоходящей крысы за матовым стеклом вновь обрел целостность.

— Ты джинкина-там! — горько произнес я, опуская ассолтер.

Губы свето-струнного хетто в потаенной комнате раздвинулись в довольной улыбке.

— А тебе не откажешь в прозорливости, Ланс Скичира, — сказал Данав фер Шири-Кегарета и задумчиво склонил голову. — Не ожидал. Я слышу тебя. Теперь ты слышишь меня.

Я устало осел на подлокотник дивана. Пожалуй, не стоит говорить существу, носящему имя Господина Киликили, что на самом деле я всего лишь отмел надежды и предположил самое невероятное, что пришло в голову? Да, пожалуй… пусть и дальше считает, что терюнаши Ланс умен.

— Значит, вот оно как… — со знанием дела покивал я, на деле растягивая время и понукая ошалевшие мысли выстроиться хоть в какое-то подобие порядка. Те игнорировали, с идиотскими воплями продолжая хаотичную беготню.

Чуть позже я немало размышлял над собственной эмоциональной реакцией на необычайную новость о существовании искусственного сознания. Да, признаюсь честно, отклик мог бы быть чуть более *бурным*. Как там говорят? Будто кувалдой по голове? Или отрезвляющий стакан воды в морду? Наверное, это было бы более ожидаемо.

Но там, в скучно-дорогом кабинете главы «Уроборос-гуми» я отреагировал совершенно иначе, приняв удачное разоблачение легко, будто само собой разумеющееся; как если бы каждый день имел дело с незаконным суррогатным разумом, вставшим у руля одного из могущественнейших преступных синдикатов Юдайна-Сити. И даже немного пожалел, что выпалил в Карпа своей

догадкой, а не выдал ее за результат кропотливого вдумчивого расследования…

Спросил негромко и без эмоций:

— Ты же знаешь, что не имеешь права на существование?

Теперь брови моего бесплотного собеседника как приподнялись, так и остались на лбу в выражении глубочайшего потрясения.

— Правда?! — со смешком покривился Шири-Кегарета, которого я по-прежнему не мог воспринять, как пустой слепок. — Да кто бы говорил, Ланс?!

Я пожал плечами.

Да. Тут Киликили прав: на полном серьезе заявить существу по ту сторону закона, что оно не имеет права на жизнь? И это говорю я? Существо, аналогично-чуждое всему Тиаму? Да к тому же находящееся на той же стороне закона, что и казоку-хетто «Уроборос»?

Пожалуй, действительно не самое удачное замечание… Но выиграть немного времени пауза все же позволила, а я вдруг узрел путь к спасению собственной жизни.

Сел удобнее, умостил ассолтер на коленях, задумчиво уставился на Карпа. Ладно, гаденыш, давай-ка продолжим разговор… Пляски мыслей, чудовищных предположений и тревожных ожиданий вдруг стихли, в душе наступила тягостная тишина.

Значит, ничего личного? Просто умная машина отчего-то решила меня убрать. За руку, по незнанию запущенную в чужой карман? Или за отказ сделать это повторно с осознанием всей ответственности?

Ладно, Лансик, сохраняй спокойствие.

— Шика-арно, — протянул я, изучая силуэт за стеклом. — Выходит, это все ты… Не просто казоку-хетто, но поддельный разум, управляющий могучим кланом!

Я воочию представил себе его «жизнь».

Как фер Шири-Кегарета принимает с докладами Сакагу (возможно, на том самом месте, где сейчас сидел я), как хвалит отличившихся боевиков синдиката и приговаривает провинившихся. А сам не покидает границ матового стекла, бесплотный призрак чу-ха, вор мертвых запахов, никогда не повторяющихся и создающих волшебный ореол для сбитых с толку подчиненных.

Вот он вызывает фаэтон, чтобы якобы ехать домой, вот водитель послушно ждет в специальной каморке, ибо хозяина, садящегося за перегородку из прочной черной стали, не должен видеть никто.

Вот Карп взвешивает и просчитывает, как умеют лишь машины со свободным алгоритмом движения «мысли» по дереву принятия решений; вот отдает приказ схватить и покарать бесхвостого уродца…

— Про «поддельный» сейчас было весьма обидно, — прокомментировал Киликили, покачиваясь на пятках. — Но ты молодец, Ланс, я тебя слышу. Немногие додумываются. Живых так и вовсе нет.

Я покачал головой, великодушно принимая похвалу. И добавил:

— Тебя уничтожат. Сотрут без следа. Это ты тоже слышишь?

— Ох, перестань, — слепок чу-ха в потайной комнате махнул лапой, заставляя в очередной раз восхититься мастерством аниматоров. — К твоему сведению, общество уже весьма давно пребывает под моей… скажем там, протекцией. И что же в этом плохого? Мне удалось создать весьма гибкую систему саморегуляции, знаешь ли. В ее русле гнездо непреклонно движется к процветанию и держит баланс. Неужели мой выбор образа настолько неугоден Лансу Скичире?

Я хотел поддеть его вопросом, не слишком ли много возомнил о себе джинкина-там, сумевший обмануть горстку бандитов, но заявляющий о себе так, словно построил Юдайна-Сити. Но не стал, ограничившись насмешливым утверждением:

— А-а, значит, передо мной великий уравнитель и кукловод! — И позволил себе самую ехидную из улыбок, справедливо полагая, что конструкт такого уровня отлично разбирается в эмоциях живых. — Так вот почему крысы не могут создать ни единого миц-канала для торговли наркотой? Вот почему шепчутся по подворотням и, как пустынные дикари, пользуются курьерами и уличными глашатаями? Когда кто-то мешает твоему «балансу», ты тут же сливаешь его станцию, так? Кому именно, Господин Киликили, смирпам? Другим казоку?

— Вроде того, Ланс, — спокойно признал тот. — Но давай без чтения морали. Система прекрасно работает. Баланс соблюден и прочно держится на ментальности моих подопечных.

И вновь я удержался, чтобы не осадить его колкой ремаркой, что такие слова больше подходят не создателю преступного сообщества, но истинному правителю такой силы, что смирпы скорчатся от зависти. И вновь не стал, лишь задумавшись, а способен ли джинкина-там свихнуться? Вопрос, как оказалось, в самом деле был более чем актуальным, но узнал я об этом чуточку позже…

Тем временем Шири-Кегарета продолжал, заставляя меня ликовать и молиться всем высшим силам, чтобы «План два» не

дал сбоя, а исповедь призрака за стеклом не пропала втуне…

— Ты почти точно воспроизвел систему игры и контроля, — сказал Карп, и я не сразу понял, что он снова меня хвалит. — Запускаем новую «зашифрованную» станцию обмена данными. «Невзламываемую», разумеется. Позволяем выйти на рынок новой модификации стриха, от которой в течение полугода скручивает хвосты несколько процентов жителей гнезда из социально-неблагополучных групп общества. Затем сдаем канал тетронам, вычищаем улицу и заодно убираем излишне приподнявшихся торгашей. В этой игре под моим контролем, Ланс, всегда будет царить мир. И лишь изредка — умирать пешки. Но особого ужаса в этом нет, потому что обитатели гнезда, — к моему удивлению, Киликили сделал самую настоящую театральную паузу, — плодятся, как крысы!

И он хохотнул.

Клянусь, он хохотнул и уставился на меня так, будто просил поддержать нелепую остроту. Как сам я много раз смотрел на Сапфир, или Амму, или кого-то из парней Нискирича, шутя плоско и диковато для окружающих. От подобного сходства у меня чуть не началась изжога… Натянуто улыбнувшись, я покосился на входную дверь, за которой снова царила тишина.

Да, рассуждения Песчаного Карпа казались циничными и жестокими, но моих небогатых познаний о Тиаме хватало, чтобы знать — абсолютно так же рассуждают 90 % настоящих чу-ха…

Изучая стоящий за стеклом (на его поверхности чужеродными наростами темнели «Ростки») силуэт, я вдруг задумался, а может ли якобы джинкина-там и сам оказаться ширмой? Например, для команды умелых глаберов и манджафоко, создавших образ-игрушку идеального лидера? Или Зикро все же ошибался, и отдельно взятое скопище электрических импульсов на самом деле вышло на новый уровень самосознания?

Впрочем, здесь и сейчас эти вопросы явно не казались первоочередными и требующими немедленного ответа, не так ли?

— Зачем ты хотел меня убить? — напрямую спросил я, борясь с искушением проверить-таки правое запястье.

Шири-Кегарета склонил голову, будто снова разочаровался в нерадивом ученике.

— Я слышу тебя, Ланс. Но и ты должен ответить взаимностью. Я уже упоминал, что не желал этого, так зачем заставляешь повторяться?

Он поднял палец и легко пристукнул когтем по стеклу (раздался звон, сымитированный скрытыми динамиками):

— Но вот теперь, к слову, все же хочу. Во-первых, ты мне отказал, породив ряд репутационных сомнений. А во-вторых,

Ланс Скичира, ты излишне охамел, затеяв эту самоубийственную авантюру и заявившись сюда во главе своей наемной стаи.

— Значит, ничуть не боишься, что я рвану «Ростки»?

— А ты думаешь, мои единственные банки данных размещены в «Мосте» и все так просто?

Слепок джинкина-там неторопливо двинулся вдоль прозрачной стены, с ленивым интересом изучая клейкую изнанку взрывчатых брикетов. Из-под его лап, обутых в удобные традиционные сандалии, взметались очень натуралистичные пылевые облачка, хотя пол в потайной комнате выглядел стерильнее, чем кухни многих корпораций. Вероятно, с той же легкостью Карп мог бы «выйти» сквозь стекло или «присесть» на диван рядом со мной, но предпочитал и дальше разыгрывать привычный сценарий.

— Знаешь, Ланс, — добавил Господин Киликили, — с технической точки зрения, учитывая размеры Юдайна-Сити и грошовую стоимость возобновляемой энергии, в которой купается наше гнездо, я почти бессмертен. В отличие от тебя. Жаль, конечно… Мой анализ подсказывает, что ты не поверишь, но я и правда имел на тебя виды.

Он вздохнул, точь-в-точь как живой, а мне стало отчаянно не по себе. Но вовсе не от последней угрозы многоликого Данава фер Шири-Кегареты, а потому что настало время активировать «План два», и от этого зависела моя… в общем, очень многое от этого зависело, чего уж тут уточнять?

Я поднялся с подлокотника, сдвинул бесполезный ассолтер на бок и как можно более вальяжно вынул из внутреннего кармана пальто плоскую фляжку. Слепок чу-ха за усыпанной афоризмами перегородкой с интересом наблюдал за моими действиями, не спеша развивать мысль о «необходимости» ликвидации нашей группы.

— Не-е, борфи, — протянул я, делая крохотный глоток жгучего и пряного, — открою тайну, ты меня не тронешь. И «Садовников», кстати, тоже. И вовсе не потому, что я тут все к *уям повзрываю, нет. А потому что на свете есть вещи куда опаснее направленных тактических зарядов.

Я сделал паузу, дождался вопросительного изгиба седоватой нарисованной брови, и только потом позволил себе закончить:

— Например, ценная информация.

Шири-Кегарета остановился, развернулся к залу и снова заложил лапы за спину. По выражению несуществующей морды я догадался, что его вниманием завладеть все же сумел.

praeteritum

Половина крысиной крепости настаивает, чтобы меня щедро наградили; вторая отныне откровенно боится и умоляет хетто не прерывать моего заточения.

Слухи о случившемся в крыле Когтей расползаются по Наросту со скоростью урагана, а уж мутируют и трансформируются еще быстрее.

Теперь к моей запертой комнате то и дело приходят любопытные «Дети». Умоляют рассказать, как было дело, просят подробностей. А еще клянчат правду, как же у меня получилось ликвидировать профессионального лазутчика и что случилось потом. Сами того не зная, эти визитеры помогают мне.

Помогают слушать интонации и встречно пробовать свои; помогают задавать одни и те же встречные вопросы и осторожно просить о запрещенном, едва заметно играя голосом и настраивая нечто невидимое в моей голове.

На все неофициальные расспросы я отвечаю скупо, про «Явандру» не упоминаю. Да, глупому ленивому терюнаши повезло застукать борфов, забравшихся в дом Скичиры, повезло разделаться с обоими… вероятно, я застал их врасплох, не иначе…

Я точно знаю, что «Явандра» что-то изменил в моем сознании. Но даже об одном воспоминании о ритуальном наркотике казоку-йодда мне становится дурно и тревожно, а многочасовое состояние похмельной полу-комы не забывается даже через месяц после драки.

Нискирич почти не встречается со мной, лишь дважды за четыре недели вызвав в кабинет для допроса.

Он все еще отчаянно зол на протоколы безопасности Нароста, которые теперь экстренно меняют. Он злится на охрану внешнего периметра и слабую защищенность опор моста, по которым в крепость мог проникнуть не только глабер, но и профессиональный убийца. Он невероятно зол на глупого питомца, невесть каким образом сумевшего противостоять шпионам, но по дурости своей убившего обоих…

Какая именно казоку подослала глабера и его ездового скалолаза по-прежнему остается тайной, и одно только упоминание о ней приводит фер Скичиру в настоящее бешенство.

К слову, в историю с несчастным слугой, который услышал нашептывания спятившего бледношкурого мутанта и перерезал себе горло, Нискирич разумно не верит. В отличие от рядовых «Детей заполночи», продолжающих раз за разом приходить к моей комнате, чтобы в сотый раз послушать рассказ о спасении

клановой цитадели и всем видом проявить уважение.

Разумеется, через какое-то время в мою тюрьму наведывается и Ункац-Аран.

Старый чу-ха тоже выпытывает, выпрашивает и пытается вызнать хоть что-то, не рассказанное мной всем остальным. Гадатель откровенно льстит, менее откровенно запугивает и исподволь шантажирует в только ему доступной манере. И даже не замечает, как наравне с прочими «Детьми» помогает мне нащупывать необходимый вибротон голоса, применять легчайшую калибровку его давления и настройки, выбирать тембр и громкость, в которых у меня получается лучше всего…

Когда мне дозволяют прогуливаться по коридорам и даже раз в день выходить на крытые террасы, я приступаю к более активным действиям.

Как обычно в сопровождении охранника или зеваки, невзначай, будто бы задумавшись или вспоминая, я бормочу ему детскую считалочку пустынных кочевников. А затем задаю откровенный, чаще всего совершенно некорректный вопрос. Или требую нечто, на что не имею права.

Положение полубезумного питомца, спасшего Нарост, способствует упражнениям и позволяет замаскировать неудачи — на меня косятся с сочувствием и недоумением, списывая заскоки на стресс, пережитый ужас и общую ограниченность интеллекта.

А затем… затем у меня начинает получаться.

Например, один из казоку-йодда отдает мне свою флягу с паймой, которую я успеваю спрятать за пазухой быстрее, чем тот выходит из транса и улавливает подвох. Во второй раз я убеждаю собеседника-охранника в неурочный час отпереть дверь моей комнаты. И хотя после этого все равно не переступаю порога, вновь убеждаюсь в реальности проснувшейся силы.

К сожалению, подчиненные шепоту чу-ха реагируют болезненно.

Уходят с явной ломотой в голове и шее, а возвращается лишь каждый пятый, поэтому с прямыми экспериментами я решаю повременить. Но именно в те дни окончательно убеждаюсь в новообретенном даре, и с утроенными силами бросаюсь на его мыслительную шлифовку.

Я неспешно и вдумчиво сочиняю собственные стишки, по ритму и скакучести слога максимально похожие на глуповатую детскую считалку, которую нашептывал после драки со шпионом. Выдумываю строчки про храбрую ящерицу, которая решила перебраться жить в большой город, да только это оказалось непросто. Затем про трех священных коров, которые пытались вплавь перебраться через широкую реку.

Мне точно известно, о чем должно говориться в моем безупречном стихе, в какой форме и в какой момент, а без каких смысловых компонентов обойтись нельзя… но идеальная форма не очень-то спешит озарить меня вспышкой откровения.

Отдельные строки и двустишия, нужным голосом и якобы невзначай продекламированные в присутствии слуг или гостей, продолжают оказывать эффект. Причем все более явственный (я хорошо замечаю его присутствие), но все же недостаточный и излишне болезненный…

А ее через пару недель поток любопытных посетителей неожиданно иссякает, а Нарост охватывает тревожное оцепенение: по обрывкам подслушанных разговоров я узнаю, что юную Амму фер Скичира похитили во время прогулки в парке, и теперь требуют за ее жизнь огромный, по-настоящему гигантский выкуп.

Дом «Детей заполночи» опутывает настоящий траур. По уровню тишины его обитатели становятся похожими на бесплотных духов, будто бы и в самом деле поднявшимся в крепость из кладбища под мостом.

К моему немалому удивлению, забвению или дополнительному заточению предавать меня никто не намерен. Напротив, чу-ха выпускают вчерашнего героя из его тесной клетки, переводя на привычный режим странного, но безобидного питомца.

Меня такое каноническое легкомыслие родом из кизо-даридрата только радует, и я возвращаюсь к осторожному, почти незримому кружению по цитадели. Только теперь слушаю не только слова, произнесенные «Детьми», я впитываю их манеры глотать и выплевывать слоги и отдельные междометия, ругаться и хвалить, напевать песенки и молиться.

А еще, вольно или невольно, я узнаю продолжение невеселой истории с пропавшей дочкой Нискирича, любопытной малявкой, превращенной в игровую фигуру…

Ункац-Аран настаивает на том, что в похищении участвовали смирпы и некая специальная организация по решению подобных вопросов (мол, так ему сказали гадательные внутренности жертвенной свиньи). Несмотря на подобные заявления, более трезвомыслящие подручные хетто «Детей» довольно быстро приходят к выводу, что в похищении замешан кто-то из своих.

Я складываю и складываю приходящие в голову слова в «лесенки» правильной формы, но вершина пока остается недоступной…

Внутреннее расследование клана вдруг указывает на одного из старших казоку-йодда — Пятого Когтя по имени Ксиммик. Не самый молодой, уравновешенный, смелый и преданный, он известен

среди бойцов, как один из самых верных фер Скичире воинов, проливших за казоку немало крови. Но знающие чу-ха шепчут (не замечая моего присутствия в тени), что других вариантов нет, и все указывает на откровенное предательство.

Я помалу злюсь на собственное бессилие и даже на время бросаю стихосложение. Но только чтобы уже следующим утром снова начать перекатывать губами подходящие и не очень слова. В формуле, с помощью которой я ударю по сознанию жутких прямоходящих крыс, должно говориться про смерть, течение времени, победу и ужасную нелепость происходящего. Не знаю, откуда у меня такая убежденность, но в этом я уверен…

«Дети заполночи» все же выволакивают Ксиммика из его кровати. Однако первые, еще весьма деликатные допросы ничего не дают. Половина Нароста с легким недовольством обсуждает, что палачи схватили невиновного; вторая половина, как обычно, требует куда более жестоких мер дознания.

Через день Нискирич принимает сторону вторых.

Большое судилище назначают на внутреннем дворе крепости, больше похожем на глубокий колодец с далеким-далеким небом над головами. Фер Скичира выглядит подавленным, измотанным и старым, впервые представая передо мной и большинством подчиненных в столь ужасном виде.

Все (и даже я) отлично знают, как вожак «Детей» любит именно эту из своих малявок, и в неназываемом ужасе опасаются, что он согласится на условия похитителей. Что, в свою очередь, будет означать одно — мгновенную смерть семейства, роспуск казоку-йодда и всех слуг, которых нужда заставит растечься по соседним кланам, закрытие цехов, постепенное ветшание и забвение родной цитадели…

И Нискирич действительно согласен на такой исход, я вижу это по его раскосым зеленым глазам, по покосившейся осанке, по вздрагиванию когтистых пальцев. Ради маленькой Аммы этот бездушный убийца готов на все.

Я наблюдаю за судилищем с балкона, не спеша присоединяться к шумной толпе во дворе. Продолжаю выкладывать в голове непослушные кирпичики слов. Сочиняю историю про пятерых тощих псов, задумавших перепрыгнуть опасное ущелье. Тревога, предчувствие беды и страх будущего не позволяют сосредоточиться, и я снова злюсь, невольно отдаваясь на волю всеобщей раздражительности.

Ксиммика пытают на виду у всего Нароста.

Тот стойко, как и положено старшему йодда, переносит мучения, и почти не шипит, когда раскаленная проволочная петля перерезает ему правую кисть. Глядя в глаза сидящему на помосте

Нискиричу, он шатается от боли и невероятного унижения, но публично клянется хетто, что не имеет никакого отношения к таинственному исчезновению девчонки.

Затем Ксиммику выжигают левый глаз, а колодец двора окончательно забивает запахами горелой шерсти и плоти. На этот раз Пятому Когтю немного не хватает самообладания, и теперь он верещит в голос, машинально вырываясь из пут.

Но когда лекари и Открытое Око приводят бедолагу в чувства, но снова безропотно предстает перед Нискиричем, оскорбленный и отважный, смотрит в глаза казоку-хетто своим единственным, и еще раз громко клянется, что старый вожак ошибся в своих подозрениях.

И Нискирич сдается.

Он при всей стае приносит ближнему соратнику нижайшие извинения. После этого со всеми почестями провожает раненого в личный лазарет. Вожак раздавлен, но из последних сил не показывает этого «Детям».

Я нервно барабаню пальцами по бетонным перилам балкона и подумываю, что героями стишка могли бы стать мыши, такие похожие на чу-ха, но столь же отличные от них…

На следующий день расследование похищения Аммы фер Скичира заходит в окончательный тупик. А похитители связываются с ее опустошенным отцом через ложные мицелиумные профили, и ставят финальный ультиматум.

Той же ночью я с воплем вскакиваю с постели.

Возбужденный, мокрый от пота, охваченный неугасимым жаром, с колотящимся сердцем и торчащим членом, твердым до боли, я застываю перед крохотным оконцем под потолком и начинаю раз за разом шептать стишок… Повторяю его вновь и вновь, позволяя сознанию течь гладко и ровно, вручая ему полную свободу тасовать пусть даже самые неуместные, на первый взгляд, образы и смыслы.

Когда возбуждение спадает, я торопливо одеваюсь и спешу в крыло Нискирича. Он, разумеется, не спит, как и его до жути обозленная охрана, сквозь зубы грозящая вышвырнуть меня с недостроенного моста.

Но я все же убеждаю их в срочной необходимости увидеть казоку-хетто. Без использования новых «умений», применив лишь классическую дипломатию, помноженную на скрытые угрозы, элементарную ложь и манипуляции с чувством жалости.

В итоге они дают мне всего две минуты, но этого довольно.

И когда усталый, выжатый до нитки Нискирич отрывается от консоли и с недовольством подзывает меня поближе к столу, я честно сознаюсь хозяину, что мне тоже дорога его пропавшая

любознательная девчонка. И уважаемый хетто вовсе не потеряет уважения, если позволит мне совсем ненадолго остаться с господином Ксиммиком наедине, и просто поговорить.

Глава 9
СМЕЛЫЙ ИЛИ ДУРНОЙ?

Напряженные переговоры — будь то деловые или агрессивные, — похожи на битву в моннго. В момент, когда в зале Пернатого Змея наступила тишина, мне показалось, что я почти собрал на руке отличную комбинацию фишек. Которую, впрочем, мой оппонент все еще мог с легкостью разгромить. Особенно с учетом фактора везения, в этой старинной игре занимавшего далеко не последнее место…

— Я тебя услышал, Ланс, — чинно кивнул свето-струнный чуха и мягко качнулся на пятках, — и это очень похоже на контругрозу… Предположу, что ты завел речь про только что состоявшийся разговор, твое меткое предположение о моем происхождении и прочее, прочее? В таком случае, я удивлен тебе, Ланс. Неужели ты до сих пор не заметил, что я держу под контролем все ваши каналы связи и блокирую эту беседу от всего остального Тиама?

Чего тут врать: услышать подобное от существа, обитающего в электронных глубинах Мицелиума, оказалось чуть более жутким, чем предположить самому. Я коротко кивнул, скрывая тревогу, и демонстративно приподнял гаппи на левом запястье.

— Да, Господин Киликили, — тот брезгливо покривился, но смолчал, — разумеется, настоящий джинкина-там наверняка способен на многие мицелиумные чудеса. Но вот что мне интересно: его всесильность распространяется на перепрострочeнную «болтушку», с которой я сию минуту прямым потоком пересыпаю нашу увлекательную беседу на ряд зашифрованных станций?

Морда Данава Шири-Кегареты утратила всякую подвижность, окаменела в одно мгновение, словно пластиковая маска. Глаза пугающе потускнели, а я задумался, сколько милисекунд нужно суррогатному электрическому сознанию, чтобы прогнать мои угрозы через несуществующие мозги на возможную вероятность и подсчитать шансы на правдивость?

Оказалось, совсем немного — уже через пару секунд мелкая мимика вернулась к объемному изображению Песчаного Карпа, а глаза снова засверкали иллюзией жизни.

— Хао, я тебя понимаю, Ланс, — с одобрительным кивком признал он, — запасной план. Страховка, верно? Чтобы продолжать существование.

— Что-то вроде того, — я неопределенно потряс пальцами,

чуть не бросив случайный взгляд на приоткрывшееся правое запястье. — Я люблю продолжать существование. Продолжать существование вообще хорошо, да…

Да, страховка. Пусть думает именно так. Джинкина-там, носящему имя Шири-Кегареты, вовсе не обязательно знать, что «План два» должен был стать посмертным гимном слабоумному героизму простого обитателя улицы… Страховка так страховка.

— Успеешь остановить отсып, прежде чем опасная информация обрушится на главные прокламационные каналы? — спокойно, будто настраивался на применение «писка», спросил я. — Или, может, ты способен заблокировать весь Мицелиум? Подделать запись в прямом потоке? Выдать весомое опровержение?

Он наблюдал молча и неподвижно, этим пугая еще сильнее, но я не поддался:

— Интересно, а что скажут другие казоку-хетто?

В бездонных глазах Киликили что-то промелькнуло.

— Те самые, что общались с тобой на равных и не подозревали, что ведут дела с поумневшей консолью. В общем, подделка, только дернись в сторону меня или моих близких…

«Подделка» кивнула. Смиренно пригладила бородку и задумчиво изучила чистоту когтей. Я не мог знать, чего джинкина-там боится на самом деле (если понятие страха вовсе известно таковой сущности), но был уверен, что хоть в одну из болевых точек да попал…

— Ладно, — с улыбкой (недоброй) признал глава «Уроборос-гуми».

Если свето-струнные проекторы скрытой комнаты выражали хотя бы часть эмоций, имитируемых холодным расчетливым разумом иного порядка, то Карпа и вправду забавляла сложившаяся ситуация:

— Но наемников мне придется вымарать. Никогда такие особо не нравились. Да и с управляемостью там сущий бардак…

Я хамовато отсалютовал фляжкой в сторону прозрачной стены и сделал еще один глоточек. Поморщился пуще нужного, демонстративно занюхал рукавом. И только в полной мере насладившись ожиданием собеседника, парировал:

— Нет, борфи, их ты тоже не тронешь. Я за них вроде как отвечаю, так что некрасиво выйдет… Как ты там сказал: будут порождены репутационные сомнения?

Шири-Кегарета прищурился, на этот раз не очень-то дружелюбно:

— Я тебя услышал, Ланс, но перестань называть меня борфом. Ты наверняка знаешь, что я не имею возможности

вступить в сексуальный контакт с представителем своего пола, так что оскорбление бессмысленно… а теперь давай вернемся к нашему торгу. Ты очень смелый, Ланс…

Я шутливо поклонился и даже приподнял зад.

— …и очень дурной. А умные вещи, произнесенные устами глупца, выглядят, как несметное богатство в кошеле недостойного проходимца. Ты убежден, что информация сильнее взрывов? Я вынужден отчасти согласиться и признать, что твое устранение придется как минимум отложить.

Он явно к чему-то подводил, но усталость, адреналин и обилие шокирующих новостей не позволяли мне особенно трезво следить за ходом электронной мысли.

— Возможно, через какое-то время твоя полезность снова перевесит необходимость возвращения к вопросу ликвидации, но я не об этом… Признаю, вылавливать из Мицелиума засыпанный тобой компромат… подменять и убеждать общество в его фальшивости… скажу так: расчеты показывают излишние трудозатраты, так что давай предположим, что я тебя *сейчас* не трону…

Он сделал паузу, окончательно завладев моим вниманием:

— Но что скажет господин фер Скичира старший, когда узнает, что пасынок работает на ненавистных ему Смиренных Прислужников?

Моя челюсть отвисла. Дыхание сбилось, я поперхнулся, фляжка задрожала в пальцах так, что едва не выпала… Ладно, сформулирую чуть точнее — я без труда заставил себя разыграть все эти нехитрые эмоциональные трюки. И, если не ошибся, Карп заглотил обманку с жадностью своего речного собрата, бросающегося на кусок хлеба.

— Ты… — пролепетал я, наблюдая за его хищным оскалом, — ты узнал?

Говнючий кусок говна решил устранить меня чужими лапами?! Лапами моего отчима?! Внутри взбурлила злость, причем самая настоящая, но я не позволил ей пробиться через занавес театральной маскировки. А вот окончательное решение о будущем убийстве этого уникального джинкина-там, вероятно, я принял именно в эту секунду…

— Что ж, — чуть спокойнее сблефовал я, все-таки «совладав» с собой, — значит, пусть так и будет. Давай, продавай меня. Я буду готов.

И все же не сдержался, добавил нечто искреннее, отнюдь не показное. Что, при добром раздумье, можно было с легкостью оставить при себе:

— А еще ты должен знать, что на свете есть вещи, которые

при любом развитии твоего электрифицированного интеллекта останутся для тебя глубочайшей тайной.

Шири-Кегарета будто бы проглотил недобрую улыбку. Подступил к стеклу, отчего фрагмент стены иллюзорно «запотел» от его «дыхания».

— Я вижу тебя, Ланс, — сказали динамики голосом Песчаного Карпа, — но все же не пойму: ты больше смелый или дурной?

— Проверь меня?

— Да, Ланс, — восхищенно прошелестел поддельный хетто, — ты и правда очень интересный экземпляр. Хао! Оставь угрозы и нападки, я слышу тебя и понимаю. Но ответь еще на один вопрос: ты на самом деле явился сюда лишь для того, чтобы отомстить за действия Пыльного?

Я улыбнулся, теперь совсем уж по-настоящему.

— Возможно, Данав, ты хорошо знаешь чу-ха. Но тебе никогда не познать человека.

Он хотел ответить, но промолчал и задумчиво поскреб когтем губу. Усмехнулся с тонко отмерянной дозой грусти, качнулся взад-вперед. Покачал головой, пригладил усы.

— Ну, байши, и что это должно значить?! — хмыкнул я, осознанно поддаваясь на эту нехитрую провокацию.

— Ты интересен, Ланс, но все же опасен, — снизошел до ответа Песчаный Карп, и мне снова стало не по себе. — Для всего, к чему привыкли чу-ха. К чему привык Тиам. Сисадда?

— Кто бы говорил?! — Мне действительно стало обидно, но анализ именно такой реакции было решено отложить на потом (если это «потом» вообще настанет). — Мне даровали законное место в этом мире, консолька, а тебя объявили вне закона еще до рождения! Ты — выкидыш иного мира, иной логики, иного понимания. Тиам никогда не был твоим, и никогда не станет!

Данав фер Шири-Кегарета взглянул на меня, будто отец на запутавшегося сына.

— Ох, до чего же вы любите впустую потрепать языками, — с невеселой усмешкой прокомментировал он, левой лапой прихватывая и поглаживая кончик хвоста.

В моем сознании что-то затрещало, и через мгновение я не сдержался — вывалил на высокомерного ублюдка все скопившееся за тонкой ширмой спокойствия и показного равнодушия. Мда… что поделать, но ведь я уже упоминал, что бываю несколько… несдержан в словах?

— А ты, — стискивая фляжку, с издевкой выпалил я, — любишь построить умника? Делаешь вид, что поддерживаешь на улицах мудрый баланс, а на самом деле… ты совершенно

беспомощен и не властен над местными порядками. Поэтому, консолька, тебе и нужны бандиты. Не осторожный и обоюдовыгодный контакт со смирпами, которые отформатируют тебя, не выслушав ни единого совета по «управлению обществом», а самые обыкновенные бандиты. И такие, как я, тоже нужны. И потому мне тебя жаль. Думал, первый в мире джинкина-там окажется чем-то более… весомым…

Если искусственный разум Шири-Кегарета и умел распознавать прямые оскорбления, на нем был установлен не менее пластичный фильтр ответных реакций — чу-ха за стеклом медленно кивнул, примирительно раскрыл ладони, а затем сложил их перед собой, будто хотел помолиться Когане Но.

— Ланс, — попросил он с неожиданным смирением в голосе, — прошу, давай перестанем швыряться грязью. Тебя заждались приятели, они начинают нервничать. Да и недоумевающий гарнизон «Моста» все еще ожидает моего приказа. Договоримся так: я сделаю вид, что сегодня ты выиграл. И даже добился своего. Я даже повторю в третий, надеюсь — последний, раз: тебя доставили на склад возле Черноводного канала по личной инициативе господина Сакаги, и вовсе не собирались убивать. Да, я намекал помощнику, что тебя стоит припугнуть и не дать опустить нос в чужое дело, но… инициатива Пыльного оказалась немного запоздалой и чрезмерной. А затем привела к смерти моих парней… очень некрасиво. Расскажешь, как у тебя вообще получилось?

Вот теперь у него почти получилось по-настоящему меня ошарашить.

Нет, речь шла не о Сакаге и его головорезах, тут я был готов поверить в личное рвение помощника с титановыми зубами… Но *«не дать опустить нос в чужое дело»*? Неужели Данав Шири-Кегарета имел отношение к Перстням и его мутным подельникам из «высшего общества»? Или я что-то неверно уловил, и речь вообще не о слибу…

— Ты говоришь про тот злосчастный кулон, — я криво усмехнулся, сделал еще один крохотный глоток паймы и успел-таки взглянуть на перепрострочeнную «болтушку» на правом запястье. — Мне все интереснее, что же в нем эдакого? И зачем он такому, как ты?

Чу-ха за стеклом мягко рассмеялся, задумчиво потер ладони.

— Я тебя слышу, Ланс, — покивал он, — но большие знания равносильны столь же немалым бедам.

— И все же? Он принадлежал твой бабушке-калькулятору? Способен вывести тебя на чистую воду? Или стоит куда больше, чем кажется на первый взгляд?

— Давай станем считать его чем-то вроде юнму, — уклончиво ответил Господин Киликили, — объемного фазокубитного юнму. Весьма хрупкого, кстати. Учитывай это, пожалуйста, если он снова попадет в твои умелые руки…

У меня в голове словно зажглась лампочка.

— Ты заставил Симайну убить клиента. Зачем?

В глазах свето-струнного слепка снова блеснуло. Если бы передо мной находился живой собеседник, я бы с абсолютной точностью предположил, что тот в очередной раз неприятно удивлен толковостью Ланса фер Скичиры.

— Если видишь только тень, не означает, что знаешь истинные размеры предмета, — сказал Карп, будто считав со стены одно из приторных старинных высказываний. — Какой толк делать выводы на основе неполной информации, Ланс? В уютном доме Заботливой Лоло произошло… недоразумение. Сбой, если угодно. Я никак не ожидал столь грубой реакции кукуга на мою попытку подцепиться к ее стержневому профилю…

Я взлохматил волосы. Спрятал фляжку и потер щеку. Дело Гладкого давно перекочевало в разряд закрытых, но токсичное любопытство так просто в ящик не упрятать…

— Ты засек ее в Мицелиуме, — осторожно предположил я, почти уверенный, что прав, — когда обнаружил попытку просканировать тот самый кулон. И попытался запеленговать в реальном мире. Она сорвалась, ты цеплялся, а затем у кукуга задымился мозг. Я все верно изложил?

— Почти, — неожиданно признал фер Шири-Кегарета. — С той лишь разницей, что для меня все миры — *реальные*. Кстати, Ланс… позволь мне еще раз продемонстрировать свою доброжелательность, когда она уместна. Я снова предлагаю тебе поохотиться на «тот самый кулон». Если со всей бережностью изымешь его оттуда, где он сейчас, я удвою озвученное ранее финансовое предложение.

Я молча смотрел в толстую стеклянную стену, не видя ничего, кроме унылого ночного двора, где несколько дней назад мне предложили работу за тридцать тысяч рупий. Которые, благодаря «доброжелательности» известной персоны, только что увеличились до шестидесяти.

Шесть десятков тысяч рупий… способные обеспечить несколько лет безбедной, безмятежной жизни… а если вложить их в дело, да с умом (а не как мой новый приятель Ш'Икитари), то сумму даже можно приумножить, но…

Сбывались все самые худшие страхи.

Приказ, завуалированный под найм; после неизбежное столкновение с «Котелками» и, как следствие, с «Диктатом» и

самим Хадекином фер вис Кри; роптание улицы, потеря репутации и, не исключено, жизни, сколь обеспеченной на тот момент она бы ни оказалась.

Однако… нет, разница с ночным разговором по гаппи все же была: сейчас я держал Песчаного Карпа за яйца! Ну, может и не сжимал их в железном кулаке, а так, касался пальчиком… впрочем, такая метафора звучала куда хуже, чем представлялась изначально…

— Я снова откажусь.

Да, это сказали мои собственные губы. Еще до того, как взгляд обрел четкость, а сознание вернулось в зал с жаровней и стеклянной стеной.

— Ожидаемо, — спокойно признал Шири-Кегарета. — Я тебя слышу, Ланс. Что, в таком случае, будем делать дальше?

Я встряхнулся. Ощутил увесистый ассолтер на боку, липкую рубаху на спине, втянул запах пота; вспомнил о «Садовниках» снаружи, об убитых бойцах «Уроборос-гуми», о висящем за балконом ветростате Белохвоста.

— Мы заключим договор, — решил я, подступая к стеклу и заглядывая Киликили в глаза, будто они на самом деле находились именно там. — Попытаешься меня убить — я тебя разоблачаю. Я пытаюсь тебя разоблачить — ты меня ликвидируешь. Вероятно, это лучший договор для двух… славных существ, умеющих хранить секреты, сисадда?

Несколько секунд чу-ха за стеклом размышлял, демонстративно жуя губы. Взгляд его при этом весьма реалистично не отцеплялся от моего. Наконец он вздохнул и сделал плавный жест правой лапой.

— Я тебя понимаю, Ланс, и принимаю озвученные условия. Но перед уходом ты снимешь со стены свои жалкие хлопушки.

Его коготь звонко постучал по перегородке там, где висел ближайший «Росток».

— Пусть это сделают твои рабы, — улыбнулся я, отходя от прозрачной стены. — Мне все еще хочется добраться до дома живым…

— Не глупи, — раздраженно отмахнулся Шири-Кегарета, — если я дал слово, оно у тебя есть. Если желаешь, можешь хоть сейчас ссыпать в «мицуху» именно этот фрагмент разговора. Мне не жалко, а ты получишь гарантию безопасности.

Признаться честно, идея показалась крайне заманчивой и интересной. Но делать этого я, конечно же, не стал — предложение Карпа с легкостью могло оказаться западней для последующего перехвата «Плана два»…

— Не откроешь-ка дверку? — вместо ответа спросил его я,

направляясь к выходу.

— Открыто.

— И ты ведь понимаешь, — я остановился и бросил многозначительный взгляд через плечо, — что я побывал здесь исключительно по собственной инициативе? Нискирич не в курсе, как и «Голубой Лотос».

— Мои расчеты во многом подтверждают правдивость твоих слов.

— А твои расчеты сообщают, что я по-прежнему тебе не верю?

Статный, стильно одетый псевдо-хетто за стеклянной бронестеной улыбнулся и пригладил жидкую бородку.

— Я тебя слышу, Ланс, — улыбнулся он, щуря правый глаз. — Если желаешь немного реализма: я тоже тебе не верю. Ведь именно так в Тиаме держат дистанцию вынужденные друзья и вчерашние недруги?

Я хмыкнул.

До сих пор не верилось, что имею дело вовсе не с живым существом. Впрочем, именно поэтому рождение сверххолодного и адаптивного разума джинкина-там и находилось под строжайшим запретом, несмотря на многочисленные открытия и достижения манджафоко любого из гнезд, не так ли?

Хмыкнув еще раз (пусть погадает, что значит этот многозначительный звук), я направился к дверям. В полной мере осознавая, что если джи-там умеет врать и усыплять бдительность, то сейчас наступит самое время это выяснить.

Но огнеметы не выдвинулись из стен, золоченая вытяжка жаровни не исторгла удушающий газ, а тяжелые створки на самом деле приоткрылись мне навстречу. Неужели я действительно переиграл управляющего одной из крупнейших казоку Юдайна-Сити? Или на самом деле был зачем-то нужен этой консоли-переростку?

— Эй, Ланс! — донеслось мне в спину, когда я поставил ногу на первую ступень.

Я обернулся, и Данав осторожно предупредил:

— Ты не станешь разнюхивать историю про кулоны, кукуга со сбоем и прочее. Потому что если еще раз позволишь себе подобную наглость, я уже не покажусь таким милосердным…

Я смотрел на искусный слепок Песчаного Карпа через просторный прохладный зал, и с многократно возрастающей ясностью понимал, что тот вполне может знать обо мне. О моем прошлом. О *людях*. Может знать нечто, скрытое и от смирпов, и от шаманов кочевых стай… А потому я медленно убрал ногу со ступени и спросил его, напрямую и негромко, чтобы не расслышали маячившие на пороге наемники.

На этот раз Господин Киликили молчал почти минуту, заставив нервничать не только Прикуса, но и меня самого. А когда заговорил, я чуть не подавился дыханием.

— Допустим, я *кое-что* знаю, — произнес Шири-Кегарета, и совершенно неприлично для своего статуса задорно качнулся на пятках. — Но я почти уверен, Ланс, что правда тебя весьма расстроит.

— Плевать… — прошептал я, похолодев от спины до задницы.

— Хорошо, — довольно быстро признал джинкина-там.

И сделал неопределенный жест лапой, в котором я с неудовольствием узнал собственную легкомысленную отмашку:

— Мы поговорим. Когда будешь готов. Место и время я назначу позже, но обещаю — если не передумаешь, этот разговор состоится.

Бросив последний взгляд в зал — стеклянная стена с резными надписями и грозными опухолями «Ростков», богатые полотна с заумными фразами, жаровня, массивный диван и несуществующий хозяин могучего преступного синдиката в тесной комнате иллюзий, — я развернулся, миновал пяток ступеней и перешагнул порог.

— Визит стоил потраченных денег? — насмешливо прищурившись, поинтересовался Прикус.

Придерживая ассолтер на груди, он воровато заглянул в богатый зал и в недоумении осмотрел пустые диваны. Слепок хетто за прозрачной стеной исчез, сама перегородка потемнела до уровня непрозрачности.

— Несомненно, — я задумчиво кивнул, а затем вдруг спохватился: — А ты чего такой спокойный?!

В моем воображении безносый наемник уже должен был или увести бойцов прочь, или активно готовиться к штурму запертой комнаты. Однако расслабленная поза, опущенный ассолтер, недоумение на морде…

— Вийо?! — недопонял Прикус со смесью удивления и раздраженной требовательности. — Ты же сам приказал ровно сидеть на хвостах и ждать распоряжений!

Я чуть не ляпнул лишнего. Но вовремя захлопнул пасть, стиснул губы и медленно покивал, будто соглашался с собственной забывчивостью.

Байши! Пока мы с Шири-Кегаретой вели светскую беседу, щедро присыпанную угрозами и скрытыми оскорблениями, невидимая тварь умудрилась параллельно сыграть роль Ланса фер Скичиры и от его имени раздать приказы?!

У меня похолодело в груди, кольнуло, защемило клювом

неподдельного страха.

Интересно, на что еще способен злобный свето-струнный призрак? Моим же голосом приказать Прикусу выстрелить мне в башку, едва покажусь на пороге? Или велеть Белохвосту немедленно уводить ветростат от террасы? А может, связаться с Нискиричем и голосом пасынка обложить его смертельной трехэтажной бранью, смоделировав стиль и манеру речи Бледношкурого на основании двух бесед с Песчаным Карпом?

Поправив ассолтер, я с показным равнодушием оглянулся на закрывающиеся створки, украшенные пернатым змеем. Как бы то ни было, «Садовники» ни в коем случае не должны уловить моего страха. Как и того, что в «пустой» комнате с жаровней я узнал нечто чудовищное…

А ведь еще был глабер!

В следующую секунду напускная маска равнодушия треснула — не удержавшись и ругаясь сквозь стиснутые зубы, я вскинул к лицу законную «болтушку» и дрожащим пальцем выбрал персональный канал глабера.

— Зикро!

— О, полоумный… — произнес тот голосом спокойным, словно нетронутая натянутая струна. — Скажешь еще что-нибудь необычное?

Я охнул, сразу заметив, что глабер даже не жует…

— Скажи, что «План два» сработал и запись у тебя?!

— Ты уже спрашивал… Допустим, — с равнодушием на грани скорого срыва ответил Зикро. — Но ведь пару минут назад это был не ты, точно?

Я помолчал. Выдохнул и попросил пояснить, уже догадываясь.

— Пару минут назад, — медленно и терпеливо проговорил бритоголовый, — ты восстановил этот канал, уплывший чуть раньше. И пытался убедить меня немедленно уничтожить запись с резервного гаппи.

Я закрыл глаза и спросил, как Зикро поступил после этой странной просьбы.

— Разумеется, я не стал, — сказал тот с размеренностью речевого модулятора дурно откалиброванной кукуга. — Я догадался… Ланс, это ведь был *он*?

— Он, — признал я, под подозрительными взглядами Прикуса, Цены, Као-Ду и Микаты чувствуя себя все более неуютно, — а сейчас соберись и не паникуй. Никому ни слова. Вообще ничего не делай, даже еду в нору не заказывай! Запись пересыпь в самое надежное место. До тех пор, пока мы не обсудим ее с тобой нос к носу, лично и в одной комнате, ты

вообще забудешь о случившемся, ты понял?

— Понял, Ланс… но я до сих пор не верю, что такое возмо…

— Замолчи и слушай дальше. Ты вернешься к работе, за которую получил деньги. Прикроешь Белохвоста, отследишь возможные атаки и вытащишь нас из «Моста», сисадда?

— Хорошо.

Да, Зикро, ты молодец, только не сорвись в истерику.

А когда мы увидимся, я в деталях расскажу тебе про Господина Киликили. Про то, что он *всего лишь* джи-там (если такое уничижение вообще уместно), а не всесильный электронный паразит, сумевший получить контроль над гнездовой «мицухой».

И что у него есть внушительные изъяны. И что ему можно противостоять. Как это сделала Симайна, пусть и заплатив за это слишком большую цену. Данав фер Шири-Кегарета, или как он там себя еще называет, не всесилен и вовсе не мицелиумное божество. Потому что иначе, несмотря на высочайший уровень конспирации и отказ от использования «миц-блица» при подготовке к операции, мы все с огромной вероятностью уже пару дней как были бы мертвы.

Так что соберись, Зикро. Соберись и заканчивай работу, в которую я тебя втянул…

Так я и сказал перепуганному глаберу, стараясь в глазах окружавших меня «Садовников» выглядеть расслабленным и полностью уверенным в своих силах. Трое бойцов терпеливо ожидали приказов, умело равнодушные к бессмысленному времяпровождению.

А вот Прикус начинал выглядеть недовольным — он терял суть происходящего и начинал понимать, что в стоянии под закрытой дверью не все так просто, как казалось. Однако безносый все же был профи — несмотря на легкую дерганность, появившуюся в жестах, своего недовольства выказывать он не спешил…

— Вас больше не атаковали? — спросил я, тут же посетовав, что не придумал ничего умнее.

— А благодарить за это мне стоит тебя? — едким вопросом ответил чу-ха и повел искусственным носом, улавливая нотки свежевыпитой паймы.

— Ну, — я нервно улыбнулся и пожал плечом, — можно сказать и так.

— И что же ты сделал, терюнаши?

— Будем считать, что вступил в динамичные переговоры с оттенками агрессии и демонстрацией превосходства, основанного на тактической хитрости, таким образом сумев выторговать

уникальные условия существования, основанные на соблюдении строгого паритета.

Выпалив все это, я перевел дух и не удержался от быстрого взгляда на черную дверь. Главный наемник, казалось, суть ответа не совсем уловил, привычно отреагировав многозначительным *«гхмм»*, и мне пришлось пояснить:

— Мы договорились, Прикус. Просто договорились и разошлись. А теперь можем убираться…

— И ракетные установки продолжат спать? — негромко уточнил тот.

— Да, продолжат, — пообещал я, молясь Когане Но, чтобы оказаться правым. — И постарайтесь больше не мусорить…

Прикус кивнул. Раздал короткие приказы. И мы вернулись к террасе, возле которой стаю по-прежнему поджидал заполучивший меня в должники Белохвост.

А через мгновение после выхода на свежий воздух из второй двери показались остатки войска «Садовников», Чихри подвел машину с рекламой «Соно-Чи» чуть ближе и выдвинул гибкий хвост, умудрившись даже не расколотить его массивным жалом стеклянные перила.

Когда я вслед за бойцами Прикуса загружался на ветростат под сдержанные стоны раненного Ханжи, то думал о двух вещах. Первая: во что же, Ланс Скичира, ты вляпался на этот раз?! И вторая: безликая тварь, также известная под именем Шерсти Миллиона Запахов, вела разговор так, словно уже давно и неплохо меня знала…

Глава 10
ПРАВИЛЬНАЯ СТОРОНА

А почти сразу после этого меня убили.

Ну, то есть как… не совсем сразу, конечно же, а только на следующий день.

И нет, к моему острому удивлению это были не головорезы Песчаного Карпа.

Да и не то, чтобы прямо уж совсем убили…

Все случилось в паре кварталов от «Куска угля», неподалеку от лотка, где я время от времени покупал до одури кислый, шибающий в нос синтетическими дрожжами эль.

Чуть позже я так и не смог ответить Сапфир на простейший вопрос: зачем вообще поперся за слабеньким уличным пойлом, который уважал куда меньше доброй крепкой паймы? Действительно, зачем?

Вероятно, во мне все еще кипел адреналин… Но куда более вероятной казалась другая версия: я хотел с самоубийственным любопытством проверить, способен ли господин Шири-Кегарета держать данное слово, и могу ли я вернуться к привычной жизни приметного решателя экзотических ситуаций. Проверил, да уж…

Он появился из-за спины, вполне ловко скрываясь в толпе до самого последнего момента. Пожалуй, если бы не воспитанная улицей интуиция, мой хрупкий затылок имел все возможности познакомиться с фанга, даже несмотря на ощутимую криволапость ублюдка. Но я успел почуять. Не знаю, как, но ощутил недоброе, развернулся, прыгнул вбок, и уже через секунду по переулку полетели сухие хлопки башера.

Да, врать не стану, стрелок из него оказался так себе (как и из большинства шерстяных обитателей Юдайна-Сити). Да что там?! Я знавал слепых чу-ха-хойя, на звук вгоняющих заряд буар-хитты куда точнее этого умельца. Возможно, он бы и вовсе не попал мне в голову, не подступи совсем уж вплотную. Потому что из десятка фанга, суетливо выпущенных по мне в тот день, в правый бок угодила лишь одна (еще четыре покромсали толпящихся у лотка завсегдатаев, но это немного другая история).

Я охнул, зашипел, отлетел в сторону, грохнулся на левое колено и выдернул из-под пальто «Молот». И с почти облегчением подумал, что Господин Киликили не удержался, и уже через пару минут вся удивительная подноготная станет достоянием Моноспектральной Чапати… но тут заметил стрелка. И

мгновенно решил, что к знаменитой «Уроборос-гуми» тот не имеет ни малейшего отношения.

Даже на первый взгляд он не выглядел ни казоку-йодда, ни наемником Нижнего Города. Конечно, в теории это и правда мог оказаться специально подготовленный, прошедший жесточайшие школы убийственных тренировок *хатьяра* ***[1]***… может даже не солирующий, а входящий в профсоюз «Добродетельных Садовников»… намеренно замаскировавшийся так, чтобы вызывать лишь жалость и смех… но я все же решил, что это не так.

Действительно, что за чушь?! Для столь рискованной и антирепутационной работы в самом пекле Бонжура «Уроборос-гуми» уж обязательно раскошелилась бы на субтильного самца в *шкуре-котокаге* ***[2]***! Чтобы выполнил работу без следов, чтобы смерть с небес, один удар и лишь размытый силуэт невидимки, удирающего по крышам и балконам.

У моего же противника из всей его шикарнейшей маскировки выделялся лишь безразмерный пыльный балахон, под которым что-то копошилось и сучило лапами в неловких попытках перезарядить башер.

Я чуть не расхохотался. Пожалуй, куда больше толку было бы, притрись бедолага ко мне на перроне транзита и исцарапай отравленными когтями…

Щелкнув предохранителем «Молота», я уже навел ствол на его дерганый силуэт, но несостоявшийся убийца вдруг заверещал от бессилия и злобы, и блохой сиганул в толпу переулка. Я опустил башер. В конце концов, это мои район и улицы, и, в отличие от бесполезного выродка, зацепить кого-то шальной фанга я права не имел…

Но улица платит, всегда платит той же монетой, и вот вдогонку стрелку сорвалась парочка мелких бездомных крысюков, которым я время от времени приплачиваю за своевременную шустрость, правильную болтливость и избирательную зоркость.

Я поднялся на ноги, осторожно ощупал отбитый фанга бок и спрятал «Молот» в кобуру. Вокруг роились чу-ха, как суетящиеся над ранеными соседями, так и пытающиеся миновать переулок сквозь образовавшуюся пробку.

Хвостатые недовольно шипели и скалились, в лапах виднелись выхваченные ножи, дубинки и даже башеры; свидетели нападения наперебой советовали друг другу, что делать с пострелянными сородичами, и весьма недружелюбно поглядывали на высокую бледношкурую причину пальбы. Впрочем, открыто никто не бранил, и то ладно.

Двоих окровавленных умостили на импровизированные

носилки и шустро потащили в сторону ближайшего комплеблока. Остальных, прошитых не так страшно, прямо на месте заливали «жидким бинтом», а расщедрившийся хозяин кранов угощал обоих бесплатным элем. Несмотря на то, что одну фанга я таки тоже словил, мне пенного напитка предлагать не спешили…

Впрочем, эля-то мне как раз и перехотелось. Неопределенно помахав толпе скрещенными пальцами, я развернулся и побрел в нору, ни на секунду не переставая думать, как нелепо все едва не закончилось.

Заперев дверь, сбросил пальто прямо на пол, со стоном снял кобуру и осторожно расстегнул безрукавную бронекуртку, отныне ставшую неотъемлемым предметом гардероба.

Тяжело обвалился в объятья дивана, пристроил снятую броню на коленях. Щелкнул раскладным ножом и аккуратно поддел клинком вгрызшийся металлический шип.

Фанга оказалась толстой и не очень длинной, почти не деформированной; такие рассчитывались на мощные повреждения внутренних органов, но не очень-то славно справлялись со вспененным алюминием. К моему счастью, конечно.

Закончив любоваться смертоносным стержнем, я нашел в шкафу фанерную коробку, в каких дорогие лавки продают бутылки выдержанной паймы. Сдвинул крышку, задумчиво перебрал пальцами содержимое и бросил чуть смятую фанга к ее одиннадцати дружкам, которых Ланс фер Скичира в свое время выковыривал из собственного мяса, экранирующей сетки пальто, мебели, обшивки фаэтона, подкладки рюкзака, заднего колеса гендо, и даже толстого свиного стейка в одном из лучших кабаков Ишель-Фава…

В дверь осторожно поскреблись.

«Молот» оказался в руке, а задержанный воздух покинул легкие только после того, как системная консоль жилища показала мне стайку уличных шустриков, скопившихся в подъезде у моего порога.

Выслушав их визгливую, сбивчивую и воодушевленную предстоящей наградой болтовню, я бросил вожаку законную горсть юнов, за которые тут же началась полушутливая драка, и снова заперся в норе.

Мальцы сказали, что незнакомец был дерганным типом (впрочем, это я заметил и сам), с вечно поджатым хвостом и неприятным шипастым взглядом. Одет при этом он оказался куда богаче простого уличного гуляки, пальцы имел холеные, а нелепый балахон выбросил у станции транзита.

Кстати, вот он, мы подобрали. Тут еще остался запах, мы его

в пакет завернули. Можно вычислить борфа, если за отдельную плату, ну и если добрый терюнаши еще за срочность накинет, сисадда?.. Нет, ребятки, не нужно, вы и так помогли; а теперь куо-куо, проваливайте-ка вон…

Я взвесил факты.

Теперь сомнений почти не осталось: если на улице я лишь мельком видел край его морды под капюшоном, то теперь еще сильнее уверился, что столь нелепую и дилетантскую попытку подстрелить меня в родном районе на глазах у стаи зевак предприняли вовсе не посланцы Шири-Кегареты, а ублюдок Скрот Мокки. Лично. И совершенно бестолково.

Выходит, Песчаный Карп все еще держал данное слово. Во всяком случае, пока. Я был жив, и никто из мордоворотов грозной казоку не пытался изменить это хрупкое обстоятельство. Многочисленные каналы «мицухи» тоже молчали, не выдавая ни единого упоминания о случившемся в «Слюдяном мосте».

Именно в тот момент я окончательно убедился в робких ранних догадках… именно после этого связался с Перстнями и решился признаться, что готов кое-что рассказать о его деле. Да, мне пришлось немного подсочинить, что гаденыш Скрот таки кое в чем раскололся, и теперь Галло Ш'Икитари тоже обязан об этом узнать, но разве это важно?

И вот (не прошло после уличной пальбы и семи часов) я обосновался в кафе «Стебель» на северно-западной, самой обтрепанной оконечности Глянца, наслаждаясь великолепным видом на впечатляющий монумент Пяти Безмятежных Детенышей, и ждал своего непростого клиента.

Несмотря на договоренность, Перстни опаздывал, вынуждая меня слушать несказанно утомивших «8-Ра», гремевших из каждого угла с песнями, похожими друг на друга, будто фанга в моей кассете.

Напустив на себя намеренно скучающий вид, я легко кивал в такт их ужасающим композициям, не забывая осматриваться куда более внимательно, чем раньше. И задумчиво поглаживал сразу два гаппи, защелкнутых на левом запястье.

Грустная ироничная усмешка пришла сама собой — придурок Скрот не мог и помыслить, как близко оказался к открытию шкатулки с множеством крайне гадких сюрпризов, способных взбудоражить половину Юдайна-Сити.

Потому что Зикро постарался, о да. Действительно быстро, умело и с фанатичным азартом, какого я не наблюдал у него даже за премиальные. И сделал так, что теперь зашифрованный пакет, разбитый на сотни взаимосвязанных, но независимых кластеров, притаился на сотне станций Мицелиума, и все они должны были

ссыпаться в единое целое, как только моя основная «болтушка» зафиксирует прерывание сердечного ритма Ланса фер Скичиры…

Улыбнувшись недоумевающему официанту, я подумал, что Мокки бы точно ошалел от такого финала наших взаимоотношений.

Робкий работник «Стебля» подошел к странному клиенту, и я заказал еще эля, легкого и сладкого, совсем непохожего на любимый напиток обитателей Бонжура. Пригубил, поставил перед собой и стал играться со стекающими по бокалу капельками, не забывая коситься по сторонам.

В отличие от большинства прочих заведений, где чу-ха собирались выпить и посекретничать в полумраке, «Стебель» освещался нарочито ярко и помпезно, позволяя посетителям разглядывать претенциозный хлам, украшающий стены и потолок. Не самые чистые панорамные окна выходили на закат, и сейчас в них падали последние широкие лучи, в которых отплясывала пыль.

Несмотря на серьезность ситуации, в которую меня втянуло, многое все же представлялось весьма забавным. Я и без переслушивания записи запомнил, что хетто «Уробороса» велел мне не *искать* кулон, а *раздобыть* его оттуда, где украшение находилось сейчас.

Свето-струнный гад совершенно точно знал о его местонахождении. Также он знал, что я уже выполнил работу и доставил побрякушку первому заказчику. Но открытой войны с «Диктатом» Шири-Кегарета явно не хотел и просто пытался разгрести горячие угли чужим хвостом…

Вонючий джи-там! Скажите на милость, как можно доверять нагромождению микроскопических процессоров, многочастотных компенсаторов и прочей консольной дряни в мире, где не веришь даже собственной родне?

Я вертел бокал, наслаждаясь взрывающимися пузырьками эля.

Ничего, Господин Киликили, с этого момента все поменяется, можешь быть уверен… Конечно, скользкий Карп мог наврать мне и намеренно запутывать, кормить ложными надеждами, но если он действительно хоть что-то *знает*…

Как семь бесконечных лет назад моя жизнь совершила кульбит и началась заново в опасной безжизненной пустыне, так и сейчас в ней настанет новый этап. Нискирич, безвкусный кулон, поехавшие кукуга и кровавые разборки казоку — все это меркло и становилось второстепенным.

Если разоблаченный мной джи-там хотя бы на сантиметр приоткроет завесу тайны, я готов по-настоящему подружиться

с Господином Киликили. Даже если для этого придется оборвать наброшенные мостки дружбы с «Котелками» и их союзниками.

Нет, не стоит думать, что я вдруг решился потешить себя пустыми надеждами! Не в моем стиле, так сказать. Но сейчас я интуитивно ощущал, что существо с невидимых просторов «мицухи» вполне способно ответить на пару вопросов. Однако если это не так… если это всего лишь поводок, чтобы подтолкнуть терюнаши в нужную сторону и слепо натравить меня на «Колберг» и получить кулон… я не успокоюсь, пока не найду все станции хранения электронных мозгов вертлявого выродка и не выжгу все до последнего слепка!

Мои мысли невольно вернулись к проклятому кулону.

Байши! Что это вообще за дрянь? Готов был ставить круглую сумму, что Карп знал о его существовании еще до всей этой суматошной заварухи с кукуга. Но понятия не имел, где находится украшение. Пожалуй, если бы не несговорчивость старого антиквара и умения Псины, так бы никогда и не узнал.

Но Гладкий Мисмис (пусть дух его будет умиротворен вовеки!) оказался неожиданным романтиком. Побрякушка увидела свет. Затем Симайна просканировала украшение, и Карп узрел мерцание маяка. Который, если хоть на секунду поверить призрачному уродцу, является самостоятельным носителем информации.

Приподняв рукав, я пробежался пальцами по экрану основного гаппи и прокрутил запись разговора в фаэтоне. Заушник ожил голосом Симайны, заставив невольно вздрогнуть.

— Помутнение не было бесследным. Всем сердцем ощущала я пристальные взгляды… скрытые и жаркие, они манили меня… — послушно произнесла девиант в моей голове. *— Но были тревожны и требовали от меня прекращения опасных утех…*

Чуть позже:

— Я немедля преклонилась перед той силой… но озвучила скромное пожелание немедля прекратить. Та грань… дозволенная грань, где синтосексуалы сами вольны определять предел давления и отказываться от приказов… Она была пройдена…

И еще:

— Поэтому я была вынуждена самостоятельно… исправлять дурное настроение…

Я выключил запись.

Киликили действительно пытался приказывать Симайне. Но девчонка вырвалась, хоть и с последствиями, которых Гладкому лучше бы и не знать… А затем к делу подключился я.

Вероятнее всего, в «Диктате» тоже знали об истинной сути кулона, верить в байки про историческую ценность побрякушки

после случившегося не было никакого смысла. Но если пересыпанная с замаскированного юнму информация уже в лапах «Диктата», то зачем он по-прежнему нужен Песчаному Карпу?

Я вздохнул и пригубил эля.

«Уроборос» вряд ли попытается заполучить украшение открытыми путями, это будет означать мгновенную войну, на фоне которой грядущие разборки «Детей заполночи» и «Вертких прыгунов» покажутся младенческим писком. Но как джи-там поступит после моего повторного отказа? Найдет профессионального вора? Подключит смирпов?

От невеселых масштабов возможной заварухи меня встряхнуло. А спустя мгновение через заднюю дверь в зал «Стебля» мягко проскользнул Галло Ш'Икитари. Наконец-то…

Осмотревшись с умением крысы, способной предугадать любую ловушку, он медленно прошел через зал и приблизился к моему столику. Стильный, крепкий, как кусок камня; на мне его ручной работы черный френч встал бы огромным жестким колоколом, но на чу-ха сидел идеально. Матовое серебро на пальцах приятно блестело. К моему удивлению, на этот раз модник был без традиционной шляпы.

Галло выглядел настороженным, но довольным. Впрочем, азартный огонек в обсидиановых глазах чуть поугас, стоило ему осознать мое одиночество.

Вероятно, Перстни ожидал увидеть за столиком и своего делового «партнера», к которому имел пару острых вопросов, а на случай нежелания отвечать у главного входа наверняка скучал напарник Ш'Икитари (быть может, даже знакомый мне Термокружка). Но внутри оказался лишь Ланс, Бесхвостый Джадуга, умеющий создавать неприятности на ровном месте…

— Надеюсь, ты порадуешь старого пасюка, — вместо приветствия сказал чу-ха, не спеша усаживаться за стол.

— Куо-куо, — я махнул скрещенными пальцами, и многозначительно обвел кафе рукой: — Почему здесь, Галло? Почему, например, не в «Хлуме»?

— Слушай, — он чуть заметно сморщил шрамированный нос, отчего промелькнули огромные зубы, — я считал, что мне придется производить хорошее впечатление. Но ты приперся один, Лансик… у меня есть повод волноваться?

— Ничуть, — я улыбнулся, постаравшись не поморщиться от боли в отбитой челюсти. — Присядь, я все растолкую.

Он присел. Заказал двойную чингу. Дождался напитка, позволяя разглядывать разнокалиберные кольца.

— Давай-ка только ты не станешь говорить мне, что дело куда сложнее, чем ты думал сперва, — сделав аккуратный глоток

и пригладив жесткие усы, негромко сказал Перстни, не забывая посматривать по сторонам, — и тебе нужно еще немного денег?

— А ты все еще не лучшего мнения о своем работнике, верно? — ухмыльнулся я, прихлебывая эль.

— Слушай, терюнаши, — Галло подался вперед, осторожно придерживая крохотную чашку с чингой двумя когтями, — мой родной мир — это помойка, а окружающие меня чу-ха — неблагодарные лживые ублюдки, пекущиеся только о собственной шкуре. У тебя все иначе?

Я не ответил. Вежливо улыбнулся и подтянул рукав пальто так, чтобы тот скрывал обе «болтушки». Подумал, что через пару минут картина мира Галло Ш'Икитари укрепится еще сильнее…

— В общем, утром кое-что случилось, — так же негромко начал я, внимательно наблюдая, кто из сидящих поодаль попробует навострить подвижные уши. — Кое-что неприятное, но оно подарило мне свежую мысль. В итоге я перестал копать под Фиррикру фер Приша и попробовал чуть больше разузнать про твоего приятеля Мокки.

Морда Перстней застыла, он обратился в слух.

— А заодно проинспектировал его недавнее окружение, — продолжал я, поглаживая полупустой бокал, — всех фабрикантов, перекупщиков, инвесторов, перевозчиков и фармацевтов, с которыми Скрот имел дела в последние пару-тройку лет. Нашел немного. Про компании «Рассвет», «Протяженность», «Гранитный щит», «Выгода». О чем-то говорит? Мне тоже нет… Затем я вычислил мицелиумные ячейки компаньонов Мокки, внес их в отдельную систему анализа, сопоставил кое-что и отдал на растерзание знакомому глаберу.

Галло чуть заметно улыбнулся. Недобро.

— И почти не удивился, — сказал я, не позволив перебить себя очевидными вопросами, — когда узнал, что все они оказались пустышками. Причем грамотными, очень толково выстроенными.

Какое-то время чу-ха молчал. Затем глотнул чинги, поморщился, и наконец спросил звенящим от напряжения голосом:

— К чему это ты ведешь, пунчи? Хочешь сказать, что я вот такой тут напротив тебя сижу, и при этом я пустышка?

Я немного опешил. Хм, действительно, не стоит переоценивать уровень интеллекта собеседников…

— Ты неверно меня понял, Галло, — как можно мягче поправил его я. Ох, это будет непросто… — В общем, я веду к тому, что тебя поимели. Да. С огромной вероятностью, точнее. А фер Приша вообще не существует. Как и других подельников

Скрота Мокки. Как и дурацких фирм с дурацкими названиями. Как и мифического полимерного покрытия с секретной инновационной формулой.

[1] Наемный убийца.

[2] Костюм, оснащенный специальными средствами блокировки или обмана средств визуального, радиолокационного или инфракрасного (и других областей спектра) слежения.

п.2; г.10; ч.2

Пожалуй, если бы я уже хоть чуть-чуть не знал этого парня, то не на шутку бы перепугался. Внешне Ш'Икитари остался почти неизменным, неподвижным и задумчивым. Но по мелким, хорошо заметным мне признакам вроде дрогнувшей на носу шкуры или замедлившегося дыханию я понял, что он готов взорваться вспышкой натурального безумия.

Не успел я хоть как-то успокоить чу-ха в черном френче, как тот уточнил:

— Уверен, Лансик? — еще тише и с едва различимым рычанием спросил Перстни. — Ты уверен в своих словах? Использовал на слибу свое шаманство?

— Почти, — кивнул я, мгновенно пожалев о легкомысленности ответа. — Я попробовал! И попробовал бы еще раз, но мелкий говнюк испугался и решил самолично нашпиговать меня фанга.

Шрамы на морде Галло вздрогнули, он удивленно приподнял бровь.

— Этот борф? Слушай, он правда в тебя стрелял?

Теперь удивился я — в голосе нанимателя звучала неподдельная забота.

— Ну… в общем, да, утром. Все обошлось, благодарю за заботу. Но теперь я вряд ли смогу быстро найти Мокки для повторной беседы…

Впрочем, буду честным, я к этой беседе больше и не стремился — полученной во время нелепой перестрелки информации мне как раз хватило для полноценной сборки основной версии.

Просто нужно было смекнуть, о чем именно стоит поразмыслить, сисадда? Поверить, что в «Перпекто» я все же задал Скроту правильные вопросы, на которые он ответил предельно честно… да вот только препарировать эти ответы предстояло совсем под другим углом. А уж о том, *что* и *каким способом* на самом деле заставило Джадуга скорректировать этот угол и искать в допросе слибу скрытые смыслы, Перстням знать не полагалось…

— В общем, — я сочувственно вздохнул и глотнул еще, — я предполагаю, что это была рисковая и очень дерзкая афера. Которыми, кстати, наш приятель кормится уже не первый день.

Когти Ш'Икитари захрустели по кружке, едва не расколов. Глаза сузились, превратившись в две иссиня-черные щели.

— Как смело… — прошипел он почти беззвучно, но сидящие

вокруг посетители «Стебля» уловили волну ярости и поспешили сменить столы.

— Или глупо, — добавил я, осторожным жестом призывая чу-ха не спешить с выводами. — Судя по утренней выходке, умным его назвать нельзя. Вертким и самоуверенным, возможно. Но никак не умным, сисадда?

Галло кивнул и заставил себя разжать пальцы. Допил остывшую чингу, в глубочайшей задумчивости сделав это совершенно по-детски — лакая тонким розовым языком.

Да уж, осмелюсь предположить, что слибу поставил не на тот номер… Бедняга, как он вообще вышел на Галло Ш'Икитари и избрал того в «жертвы»? Столкнуться не с тем клиентом, каково оно? Интересно, такое же сочувствие применимо ко мне в деле с джи-там? Или же к самонадеянной консольке, связавшейся с непокорным и непредсказуемым человеком?

— Что еще ты узнал? — потребовал Перстни, отставляя пустую чашку.

— Версий у меня несколько, но не богато, — охотно ответил я, наклоняясь к чу-ха и ощущая запах едкого косметического масла на его шкуре. — Вероятнее всего, Мокки все делает сам, пользуясь профилями-ячейками, которые предварительно весьма детально прорабатывает и заблаговременно раскидывает по «мицухе». Также не исключено, — я пожал плечами, — что за ним все же стоит артель глаберов. Возможно, именно они помогают делать профили достоверными. Как бы то ни было, слибу выкачивает из клиента деньги, а потом играет с ценными бумагами или спекулирует продукцией фабрик Колберга. Впрочем, не удивлюсь, если б **о** льшую часть мутных рупий он тупо просаживает в барах и тайчо-клубах.

— Вот, значит, как? — устало спросил Галло, и от этого почти вздоха мне стало еще неуютнее.

Однако оказалось, что Перстни вовсе не усомнился в целостности моего рассказа, а просто переплавлял злость. Оскалившись и глядя мне за плечо, он задумчиво помотал башкой и зачарованно произнес в пустоту:

— Слушай, это ж ведь каким нужно быть пустоголовым, чтобы попытаться присунуть под хвост *мне*?!

Наверное, сейчас он бы с удовольствием швырнул чашкой в окно. И перевернул пару столов. Может даже дал в зубы официанту. Но Перстни сам выбрал вполне благопристойный «Стебель», а не запанибратский «Хлум», так что обстоятельства вынуждали терпеть. Пальцы чу-ха медленно сжимались и разжимались, кольца тонко позвякивали, костяшки хрустели.

Я терпеливо ждал.

Ох, пунчи-пунчи… Если бы ты только знал границы настоящего идиотизма… Да, кидаться дерьмом в одного из старших «Котелков», это вполне отчаянный поступок. Но разве может он сравниться с недавним налетом на резиденцию одного из сильнейших казоку-хетто в гнезде?! Яри-яри, как же много в этом мире построено на отчаянных и самонадеянных поступках…

— Что-то еще? — отстраненно спросил Галло.

— Мой глабер покопал, кое-что уточнил.

Вспомнив последний сеанс работы с Зикро, я невольно замялся.

В попытках нащупать мицелиумные хвосты Скрота Мокки мы общались исключительно дистанционно, но я мог бы поклясться, что глабер стал куда более дерганным и странным.

А еще в процессе работы он совсем не жрал, отчего речь Кирчика стала внятной и (кто бы мог подумать) весьма пугающей. Потому что при обсуждении того или иного профиля он то и дело уходил в себя, через какое-то время невпопад разражаясь вопросами вроде *«Кто может обладать достаточными ресурсами?»*, *«Что еще они от нас скрывают?»* или «*За этим определенно стоят могущественные силы, сисадда?»*.

Я понимал, о чем он толкует. Во многом разделял его страхи. Но работа подстегивала, а потому я осторожно успокаивал «землекопа» и мягко возвращал в нужное русло.

Пожалуй, когда дело будет закрыто, мне нужно встретиться с глабером. Убедить в невсесильности нашего нового «друга», передать ему хоть частичку уверенности в себе и завтрашнем дне. И уже после этого, спокойно и взвешенно, обсудить все теории вокруг Данава фер Шири-Кегареты…

Тактичный пристук когтем по столу вернул меня в «Стебель». Галло терпеливо ждал продолжения, и я поспешил продолжить:

— Не скажу про прочих, но Фиррикру фер Приш — совершенно точно теневой профиль. Мицелиумный слепок, если хочешь. Качественный, с собственным свидетельством о рождении и обрывками «запротоколированной» биографии. Скрот (или кто там еще за ним стоит) действительно отрабатывает такие комбинации уже не первый год. Судя по всему, в разных точках гнезда, чтобы не попасться. Причем почти всегда по *нашей* братии, чтобы никто не сунулся к тетронам.

Если Перстни и покоробила демонстративная сопричастность Бледношкурого к благородному разбойничьему сообществу Юдайна-Сити, он этого не показал.

— Вероятнее всего, какое-то силовое прикрытие у слибу тоже есть, — я пожал плечами и в деталях вспомнил перепалку в «Перпекто», — но мне почему-то кажется, что лишь

номинальное, речь вряд ли идет о целенаправленной войне, злом умысле или отмщении. Вероятнее всего, стоящие за Мокки богатенькие ублюдки просто кончают от одного удовольствия «кинуть» улицу.

— Байши… — тоскливо вздохнул «Котелок». — Слушай, терюнаши… ты уверен?

Я вздохнул. Посмотрел в черные глаза огромной крысы в шикарном черном френче. И сказал со всей честностью, на какую был способен:

— Увы, Галло, не совсем. Но моя интуиция и собранные данные позволяют такой вывод все же сделать. 87 % вероятности тебя устроят?

Меня вот в свое время устроили. Зря, кстати…

— Более чем, — ответил Перстни, первым отводя взгляд.

— Я верну тебе половину суммы, — с болью в сердце добавил я, с трудом удержавшись от горестного стона.

— За что? — Ш'Икитари снова удивился, и снова без дураков.

— Я не справился до конца, — невесело ухмыльнувшись, я глотнул выдыхающегося эля. — Кодекс, если понимаешь…

Чу-ха покосился на меня, разглядывая с откровенным интересом, словно впервые.

— Слушай, понимаю. Но не нужно, — наконец кивнул он. — Оставь-ка себе, Лансик, заслужил…

Он щелкнул пальцами, подзывая официанта, и заказал две порции самой дорогой паймы. Когда заказ бросились исполнять:

— Мне и в голову не могло прийти, что кто-то рискнет на такое осмелиться… Ну надо же…

— Понимаю, — кивнул я, наблюдая, как за стойкой бережно наливают в шикарные пузатые бокалы. — Наверное, иногда наш авторитет не позволяет нам видеть самого очевидного. Профдеформация. Замыленность взгляда. Известный факт.

Галло Ш'Икитари очень медленно кивнул.

— Я благодарен тебе, Ланс фер Скичира.

Принесли пайму, и он бережно приподнял стакан в мою сторону.

— Конечно же, я проверю собранную тобой информацию. Но чутье шепчет мне, что в твоих словах нет лжи.

Он выпил, словно это был торжественный тост, и я решил не отставать. Пайма оказалась божественно мягкой, душистой и терпкой, окатив меня жидким блаженством и мгновенно спутав мысли.

— Обращайся, Лансик.

Перстни встал и одернул полы френча; бросил на стол несколько купюр, задумчиво потер украшенный шрамами

подбородок и не без презрения оглянулся на притихших посетителей «Стебля».

— Ты знаешь, как меня найти…

— Ты тоже, — кивнул я, салютуя чу-ха пустым бокалом с масляными разводами на крутобоких стенках. И вдруг добавил, совершенно неожиданно для себя: — Кстати, еще один вопрос.

Ш'Икитари замер. Он уже направился к главной двери, но все же терпеливо обернулся и уставился на меня сверху вниз.

— Спрашивай.

— Да я про кулон хотел узнать, — я с жадностью втянул запахи из пустого бокала и с сожалением поставил его рядом с деньгами Перстней, — про фазокубитный юнму, если ты понимаешь, о чем я…

Шрамы на морде Галло снова пришли в движение. Но уже через секунду «Котелок» вник в суть вопроса, вернулся к столу и заставил себя избавиться от малейших признаков эмоций.

А я чуть не откусил себе язык. Перстни ничего не понял. При этом услышав многим больше, чем требовалось…

— Продолжай-ка? — мягко попросил Ш'Икитари, опираясь на спинку стула.

— Впрочем, ничего важного, — промямлил я. Постарался выглядеть как можно более безмятежным и расслабленным. Глотнул эля, с сожалением смывая с языка вкус предателя-паймы. Взгляд чу-ха испепелял, выпытывал, давил, и мне пришлось добавить: — Просто… я бы за ним приглядывал, сисадда?

Галло наклонился вперед, брови приподнялись.

— Лансик, слушай, ты угрожаешь, намекаешь или предостерегаешь?

Я сглотнул комок. Снова проклял себя за безалаберную глупость. Растянул губы в подобии улыбки.

— Не бери в голову… всего понемногу, если задуматься… просто вырвалось.

— Хмм… — промычал Перстни, невольно напомнив безносого вожака наемничьей стаи. Задумался, лениво потирая правую щеку и заставляя меня нервничать еще сильнее. Легко кивнул: — Благодарю.

И пока в голове Ланса Скичиры осторожный и вдумчивый Ланс Скичира яростно избивал другого Ланса Скичиру, не умевшего вовремя захлопнуть вонючую брехливую пасть, Галло вдруг добавил:

— Слушай, пунчи, ты выбрал правильную сторону.

Он многозначительно коснулся скрещенными пальцами правой брови, подмигнул и направился к выходу. Официант, забиравший деньги «Котелка», провожал того цепким напуганным

взглядом. Затем покосился на меня, старательно скрывая презрение, предложил повторить.

Я отказался. Допил эль. Ненадолго прикрыл глаза. Потер виски, изгоняя порожденную паймой легкость. Встал и поднял рюкзак.

Правильную сторону, сисадда? Но я ничего не выбирал! Я всегда был только на своей собственной стороне, великодушно позволяя находиться на ней еще десятку-другому чу-ха, которых считал сравнительно близкими. Всегда? Вероятно, сейчас стало немного иначе…

«Ломкая горечь»

Мира и покоя тем, кто слушает станцию «Ломкая горечь». Мы несем вам слова правды, даже когда она достается нам очень горькой ценой…

Для тех, кто сейчас в замешательстве и не узнает моего голоса, сразу поясню: не важно, кто я, чем именно занимаюсь и на кого работаю, сколько мне лет и какого я пола. Я всегда была верной и неотступной тенью Моноспектральной Чапати, и поэтому именно мне выпала страшная ответственность донести до вас крайне прискорбные новости…

Сегодня черный день для всех слушателей нашей станции. И для нашего агентства тоже. Потому что сегодня была убита Моноспектральная Чапати. Убита подло, трусливо и жестоко.

«Ломкой горечи» еще предстоит выяснить, как выродки вышли на след агентства и ее лидера, вычислив истинную личность уважаемой Чапати. Но мы найдем, обязательно найдем их. А пока… в общем… мне трудно об этом сказать, но этим утром под фаэтоном Моноспектральной Чапати сработала бомба…

Кхх… фшш… простите меня… Секунду… Да, еще раз простите.

В общем, смерть наступила мгновенно…

Прощание с Чапати пройдет в тайном месте, и вы должны понять, почему мы не собираем поминальную стаю… Но если вы хотите проститься с нашей отважной прокламаторшей, если хотите хоть как-то почтить ее память, этой ночью зажгите на окне лампаду или нарисуйте на стекле снежинку.

Уверена, ей будет приятно там, во дворах Чооты Пар, верной прислужницы Благодетельной Когане Но, что собирает к щедрому столу всех невинно убиенных. Вместе помолимся за легкое, скорейшее и самое доброе перерождение нашей храброй героини…

Агентство «Ломкая горечь» приносит свои нижайшие извинения всем слушателям, но, как вы должны понять, сегодня выпуска аналитических новостей не будет. Хотя это и не значит, что выпуск окончен.

Чапати собиралась донести до района важную весть, и наверняка одобрит мое решение хоть мельком проинформировать вас. Увы, уважаемые жители Бонжура, по всему выходит, что к нашему дому приближается новая беда — в западные части города кочует бродячая казоку «Кислотные шуты». И это вам, ох-ох-о, вовсе не одичавшие неприкасаемые, ворующие с улиц

коров…

Позавчера ночью (госпожа Моноспектральная Чапати как раз собирала информацию об этом, чтобы сделать полноценный выпуск) в «Комплеблоке-17/2», что на самой границе с Колбергом, случилась жуткая резня.

«17/2» очень старое здание, оно годами простаивает без канализации, водопровода и ворует электричество, и было населено шестью многочисленными семьями. Да, все они были не самого большого достатка, и не всегда честно зарабатывали на миску лапши, но сейчас это уже не важно… Все эти шесть семей были безжалостно вырезаны вместе с детенышами, а их вещи и норы разграблены и осквернены самым чудовищным образом.

Информаторы нашего агентства, которым удалось пробраться в опустошенный комплеблок через кордоны «полосатых рубашек», нашли на стенах характерные знаки «Кислотных шутов».

К сожалению, нашему агентству не так много известно про эту опаснейшую бродячую казоку. Это кочевники, безжалостные и бездушные, год за годом перемещающиеся по гнезду, а в случае опасности уходящие затаиться в Такакхану. Но затем они снова возвращаются, вновь и вновь, чтобы грабить, насиловать, убивать и даже пожирать себе подобных…

Кхмх… простите, я все еще оплакиваю нашу Чапати…

Знаете, наверное она бы не совсем одобрила то, что я собираюсь сейчас вам сказать. Но я все равно сделаю: наша станция часто обвиняет в подлости, жестокости и беззаконии местные казоку, вроде «Прыгунов», «Детей заполночи» или «Желтых котелков». Но поверьте мне, по сравнению с «Шутами» все они — оплоты чести. Да, чести извращенной, вывернутой наизнанку, жестокой и циничной, но способной хоть как-то уложиться в привычный ритм жизни нашего города и района…

А «Кислотные шуты» не такие. Они — болезнь, проклятие, стихийное бедствие, и наша общая задача сейчас — вместе дать им отпор.

Пожалуйста, будьте бдительны. Если банда действительно пробралась в Бонжур, в опасности все и каждый, даже в густонаселенных кварталах и комплеблоках. Не паникуйте, но обязательно запирайте норы. Не отпускайте детенышей одних на улицу, при малейших скоплениях незнакомых вам чу-ха немедленно вызывайте тетронов.

К сожалению, насколько нам известно, «Шуты» не носят особенных отличительных знаков, так что их непросто распознать. Но в «Ломкой горечи» уверены, что они безумны и жестоки настолько, что в намереньях нанести новый удар даже не скрывают своего нрава или оружия. Так что прошу — будьте

настороже и готовьтесь бежать во всю прыть!

Мы не убоимся. Сумасшедшим убийцам не сломить дух Бонжура!

Мы выстоим, как выстаивали всегда!

А еще хочу сказать пару слов нашим настоящим врагам. Да, я точно знаю, что они тоже слушают нашу станцию, кривясь в бессильной злобе и ненависти. Раромари и ее братик, Нискирич и прочая дрянь, управляющая наркоторговцами и вымогателями. Так вот знайте — я не дам вам повода злорадствовать и ликовать победу!

Моноспектральная Чапати не погибла!

Теперь я стану Моноспектральной Чапати. А если бандиты дотянутся и до моего хвоста, на это место придет другая мицелистка. Теперь все мы — Моноспектральная Чапати. Все неравнодушные, отважные и неглупые; все, кто не боится говорить о творящемся в Бонжуре и всем Юдайна-Сити даже под угрозой внезапной гибели…

Вам не остановить «Ломкую горечь». Вам никогда не сломить Чапати. Мира добрым и страха врагу!

Глава 11
ОТНЮДЬ НЕ ВСЕСИЛЬНЫ

Умиротворение на душе боролось с назойливым возбуждением.

С одной стороны, я был рад, что дело Скрота Мокки закончилось; с другой — ощущал себя недоработавшим. Впрочем, деньги остались в кармане, так чего было желать? А невольная оговорка про юнму, спрятанном в зеленом камне? Пожалуй, было поздновато корить себя за несдержанность…

Над южными кварталами гнезда пронеслась скоротечная пылевая буря. Ее последние хвосты еще цеплялись за высотные здания вдали, но вечерний воздух стал чист и пах сухим песком пустыни. Сдвинув респиратор, я шагал по улицам Глянца, не спеша сворачивать к транзиту.

Мы снова говорили с Юдайна-Сити на одном языке, внятном, честном и предельно-интимном. Магистрали, переулки и скоростные трассы над головой шептали, что страница перевернута, и впереди ждет масса интересного. Какофония уличных звуков переплавлялась в щемящую и одновременно отчаянную мелодию, которую мне по-прежнему хотелось называть странным словом из четырех букв.

Ах, Юдайна-Сити, Величественное Гнездо, князь над прочими, центр притяжения силы. Опасный и манящий котел, наполненный загадками и не перестающий удивлять, даже когда ты считал, что знаешь о нем совершенно все. Как много шансов умереть не своей смертью давал он, до чего неустанным был в преумножении этих возможностей!

В тот момент, опьяненный щедрым глотком дорогущей паймы и перспективами туманного будущего, я думал, что отныне буду любить его еще сильнее — особенно теперь, зная, что по мицелиумным улицам скользит мой невольный собрат, существо иного порядка, совсем не чу-ха, тоже своего рода изгой и одиночка, подобный Лансу Скичире…

Ноги приятно гудели, унося меня в сторону Бонжура. Привычные взгляды мазали по лицу, из-за спины доносились настороженные шепотки и перестук когтей, но в остальном гнездо принимало меня таким, каким я был, щедро делясь настороженным гостеприимством.

Фаэтон я, конечно же, заметил издали. И даже успел насторожиться (одновременно высмотрев пару переулков, пригодных для бегства). Но, как и всегда, улизнуть не довелось —

я послушно замер у обочины и дождался, пока передо мной опустится массивная баржа знакомого «Крейса», глубоко-черного и блестящего, будто панцирь жука-ухожора.

Транспорт приземлился на выдвинутые колеса, мягко качнулся, задняя дверь привычно отползла в сторону. Внутри оказалось темно, дымно и прохладно, я ощущал это даже с пары шагов. А еще там ждала меня *она*, мое ярмо, моя кабальная цепь и мое проклятье.

Признаюсь откровенно, на этот раз я даже не разозлился.

Нет, конечно же, я поморщился, причем демонстративно, чтобы обязательно заметил сидящий за пультом управления красноглазый Жи-ми (сегодня он был одет в штатный комбинезон пожарной службы). Но внутрь нырнул почти охотно, напоследок оглядевшись в поисках невольных свидетелей. Таковых не было — прохожим на улицах плевать на происходящее вокруг, пока это не касается лично их или не достойно обсуждения за ужином…

Угнездившись на обратном сиденье спиной к водителю, я обстоятельно поправил пальто и уложил на коленях рюкзак. Только после этого поднял голову и вместо приветствия выразительно взглянул на своего контролера.

На этот раз Магда была одета в брючный костюм, сшитый в точности по ее сухопарой фигуре. Разумеется, алый. На правом бедре виднелся изукрашенный янтарем накладной карман для хвоста, в лацкане сверкала вшитая «болтушка» самой последней модели. На голове Красной Вистар небрежно покоился огромный берет с жестким черным козырьком, из-под которого сверкали столь же черные глаза агента.

Магда поднесла к узкой пасти крохотное курительное устройство, инкрустированное янтарем, и выпустила мне в лицо сладковатую струю дайзу. Сидела чуть боком, вальяжно и лениво, но легкомысленность позы смогла бы обмануть лишь детеныша…

— Чем обязан? — наконец поинтересовался я, затылком ощущая вездесущее присутствие ее верного подручного.

Чу-ха в красном проигнорировала вопрос, продолжая буравить меня взглядом. Опытным взглядом профессионального палача, готового перейти к делу, но не торопящего события. Она еще раз затянулась «карамелью», устало спрятала электронный кальян в бордовую сумочку из натуральной кожи.

— И во что же, Ланс, — спросила задумчиво, глядя в тонированное окно фаэтона, — ты вляпался на этот раз?

Я смущенно улыбнулся и пожал плечами.

За время, прошедшее с нашей прошлой встречи, не произошло ничего такого, за что мне было бы стыдно перед «Лотосом». И уж совершенно точно ничего такого, о чем

в «Лотосе» должны были бы узнать.

— Все в порядке, крошка, — как можно дружелюбнее кивнул я, — если вдруг забеспокоилась о своем верном друге, то для этого нет никаких причин.

Она взглянула мне в глаза. Мельком, но очень пронзительно.

— Ты смог узнать что-то, о чем не знаем *мы*? — вкрадчиво поинтересовалась Магда.

— Пока нет, — почти честно ответил я. И подумал, что сидеть в триумфально-черном «Крейсе» мне куда комфортнее, когда карман не оттянут треклятым кулоном. — Есть новые вводные?

Вместо ответа Красная Вистар едва заметно нахмурилась. Осторожно подправила осыпанные красной пудрой усы, с вздохом поменяла позу. Я буквально шкурой ощущал, что по ее первому намеку коротышка-альбинос готов врезать мне по затылку.

— Ты что-то скрываешь, уродец, — невесело признала Магда, устало глядя в сторону. — Мне это не нравится. Но еще хуже, что это не нравится моим начальникам. И Жи-ми, кстати, тоже недоволен…

Я должен был приготовиться к показательной оплеухе, но вместо этого не преминул ввернуть нелепое, но столь приятное в свете полученных от Карпа знаний:

— Понятия не имею, на чем основаны эти утверждения! Вы же всесильны, неужели я на время выпал из вашего поля зрения?

Осекся, прикусил язык и внимательно изучил вытянутую морду Алой Суки. Та повернулась, нахмурилась, причем весьма подозрительно. Но грань я все же перейти не сумел, а потому мне ответили не ударом, а сухой дипломатической отповедью.

— Ты должен хорошо знать, Ланс, — опасно усыпляющим тоном продекламировала Магда, — что Основы Всепроникающего Невмешательства построены на принципах свободного проникновения общества во все уровни власти гнезда с ответственной недопустимостью обрушения процессов. А власть, в свою очередь, проникает во все уровни общества, но не вмешивается в его существование.

— Ну-ну, — едва слышно хмыкнул я, но уши Магды мгновенно вздрогнули.

— Вийо?!

— Ничего, прости.

Теперь она смотрела прямо на меня, и я ощутил дыхание ядовитой бездны. Спохватился, что бы нужно незамедлительно (пока не зашел слишком далеко в самонадеянной браваде) пересыпать Алой хоть немного полезной информации…

— Нискирич по-прежнему собирается прибрать район к лапам, — поспешно поделился я и многозначительно приподнял

бровь. — Самыми разными способами. Уверен, что вам это известно, но… есть вероятность, что ему не помешают? Тогда мы могли бы взять процесс под контроль.

Магда откинулась на спинку сиденья, но плечи ее оставались напряжены.

— Твой старик все же созрел до полномасштабной войны? — полуутвердительно уточнила она.

— Не стал бы использовать таких громких определений, — честно сознался я, вспоминая последний разговор с отцом.

— В таком случае, что за дрянь приключилась в Хатама-Крик?

Я нахмурился. Терпеть не могу рассказывать о делишках отчима, о которых на самом деле не имею ни малейшего понятия…

— Ничего про это не слышал.

Она вздохнула, будто ставя диагноз моим умственным способностям:

— Иногда мне кажется, что ты бесполезен…

И не успел я прикусить язык, как стегнул ее едким:

— Иногда мне кажется, что вы вообще обленились работать…

Магда оскалилась, буквально на мгновение, но я мигом заткнулся, с мертвецким холодком на загривке ощутив, как близко от края пропасти только что протанцевал… Примирительно улыбнулся, почти придумал новую тему и почти успел на нее перескочить.

Но Красная Вистар и сама подготовила экстренную смену курса, вдруг задав негромкий, но очень-очень весомый вопрос, разом отбивший у меня желание шутить и паясничать. Как ни крути, а «Лотос» действительно был почти всесилен…

— Война Нискирича как-то связана с тем, что ты отправил в крематорий сразу троих казоку-йодда «Уроборос-гуми», Ланс?

У меня вдруг разом заболело сразу все — и треснувший на заброшенном складе зуб, и надломленное там же ребро, и место, куда укусил башер слибу Мокки, и даже рассеченная в лавке Куирколя скула. Сохранить самообладание и стойко выдержать внезапную атаку коварной Алой было непросто, но я справился.

— Отнюдь, — ответил уверенно и чуть небрежно. — Это личное, крошка.

— В твоем личном слишком много свернутых хвостов, Ланс.

Я заметил, что ее левое веко в тени козырька чуть заметно вздрогнуло, и решил еще сильнее притушить пламя фамильярности. Вместо этого ляпнув ничуть не лучшее:

— Такая вот незавидная карма… Кстати, Магда, я бы на твоем месте тоже поостерегся.

Сообразил, отпрянул и запоздало сжал губы в белесую

полоску, а Красная Вистар приподнималась напротив, окончательно теряя терпение и вымуштрованный в «Лотосе» лоск.

— Ты что, борф, мне угрожать вздумал?! — ее шипение каким-то образом протиснулось сквозь судорожно стиснутые челюсти, а альбинос за моей спиной совершенно точно подобрался для броска.

— Ой, прости, Магда! — искренне воскликнул я, вскидывая раскрытые ладони. — Конечно же, нет! Тысяча извинений, не заводись! Но я действительно думал лишь о том, чтобы уберечь тебя от проклятия Бесхвостого Джадуга, о котором говорит улица!

Она недоверчиво прищурилась. Очень быстро вернулась в лениво-надменное состояние, оправила берет и погладила карман со старательно уложенным хвостом.

Краем глаза я заметил, как Жи-ми возвращается на водительское место. Но если его прогрессивная госпожа была отнюдь не суеверна, то низкорослый шкурохранитель сделал-таки быстрый знак для отвода порчи и сглаза…

Да, иногда моя игра на чужих нервах едва не стоит мне отрубленных пальцев, этого я не признать не могу. И карма моя, ежели таковая действительно существует (а старик Пикири из храма «Благочинного Выжидательного Созерцания» уже не первый год пытается убедить меня в этом), безнадежно испачкана желчью…

А еще я подумал, что если бы Алая Сука не сдержалась… если бы Жи-ми ошибочно воспринял ее неловкий знак или гримасу, как руководство к действию… то пакет умельца Зикро вскрылся бы уже через четверть часа, приведя любимое гнездо к массе удивительно-неприятных последствий.

Одернув лацканы пальто, я в который раз поклялся себе держаться еще более сдержанно и немногословно.

Забросив лапу на лапу, Магда задумчиво барабанила по бедру алыми когтями. Вынула крохотный кальян, сделала легкую затяжку, снова спрятала в сумке. Она вновь была готова продолжать разговор, но я чуял (тем самым местом, где чу-ха носят хвосты), что следующая дерзость непременно будет наказана.

— Мне нужно кое-что знать, — наконец произнесла Красная Вистар, и в ее голосе не было ни тени гнева. — Кое-что, не имеющее прямого отношения к вашей возне с «Прыгунами».

Я удивился, но виду не подал.

— «Лотос» узнал, что Нискирич отжал старую гидропонную ферму. Не криви морду, Ланс, и даже не пытайся отрицать. Сделал он это почти без труда, потому что урожаи бобовых в гнезде косит какая-то новая заразная дрянь, и многие фермеры

просто бросают посадки. Так вот, у меня закралось подозрение, что твой старичок собрался поиграться с генами растений. Усилить их, чтобы срезать еще один корж денежного пирога, сисадда?

Мне даже не нужно было заставлять себя мотать головой, реакция вышла на редкость естественной.

— Ты ошибаешься, Магда, — решительно сказал я, вполне довольный поворотом разговора. — Нискирич, конечно, непростой. Он изрядный псих и хладнокровный убийца, но он никогда не пойдет на такое нарушение самых жестких законов гнезда. Все, что касается генетических модификаций — это не по его части, можешь поверить.

— Я бы хотела.

Она изучала меня, как диковинную зверушку, но на этот раз у меня не было необходимости примерять маски — я действительно верил в сказанное.

— Мы проверим, — медленно кивнула Магда. — Но если ты что-то узнаешь… услышишь хоть краешком своего убогого ушка, то немедленно сообщи.

— Готов служить и защищать, — покривился я, чуть снова все не испортив. — Могу быть свободен?

— Проваливай… — Алая Сука небрежно повела плечом.

А когда я уже потянулся к двери, она вдруг хмыкнула, подняла палец с огромным красным когтем, и заставила меня замереть в самой неудобной позе:

— Впрочем, еще момент.

Я похолодел. Убедил себя не облизывать пересохшие губы. Медленно вернулся на прежнее место и прижал руки к груди в знаке полнейшей покорности.

— Вчера в «Слюдяном небесном мосту» случилось нечто странное, — произнесла Магда, глядя мне в лицо. — Ты знаешь, о чем я?

Куо-куо, Ланс, вот мы и добрались до самой важной части беседы…

Я был обязан что-то ответить, причем быстро. Но ни в коем случае не что-то вроде: *«Эмм… „Слюдяной мост“, это такое огромное здание в Уроборосе?»* или «*Вчера весь день я играл в моннго с Подмастерьем Ганконой, так что твои подозрения оскорбительны!»*. И не нашелся ни на что лучше, чем:

— Не имею понятия. А тебе не хуже меня известно, что игрок уровня Нискирича и помышлять не может о действиях на территории этого района.

Магда прищурилась. Чего-то подобного она и ждала, великодушно пояснив:

— Была пальба. По слухам. И сильный сбой в полетных картах ветростатов, в разделе сопредельных орбит. Ты ведь знаешь, что расположено в этом здании?

— Разумеется. Там расположены штаб-квартиры множества крупных предприятий Юдайна-Сити. И множество развлекательных учреждений, вроде концертного зала. И апартаменты для обеспеченных чу-ха там тоже имеются. А еще оттуда развитию района помогает уважаемый Данав фер Ширикегарета, — я надеялся, что произнес ненавистное имя без лишних эмоций.

Кажется, получилось. Но Красная Вистар все равно недобро улыбнулась.

— Ты решаешь «личные дела» устранением двоих йодда Песчаного Карпа, а затем в его казоку-шин происходит нечто странное?

Я тоже хмыкнул, причем вполне искренне.

— К чему такие фантазии и сравнения? Я уже обещал «Лотосу», что если мои уличные неприятности когда-либо коснутся безопасности гнезда, я первым приду к тебе с повинной! — И намеренно замаскировал оправдания едкой щепоткой привычного Магде шутовства: — А вообще… пальба в Уроборосе, Магда? Вдруг это правда? Тогда вам не за Бонжуром следить стоит, а немедленно разобраться! Как город может спать спокойно, когда такое происходит в самом сердце любимого Юдайна-Сити, сисадда?

— Хватит паясничать, — тихонечко попросила она, и я мгновенно заткнулся. — Ты что-то знаешь.

— Да о чем ты?

— Улица говорит, там был *настоящий* бой. На верхних уровнях, едва ли не в «сердце семейства». Но в Мицелиуме об этом нет ни единого следа. Все гладко и чисто, причем настолько, как не сработал бы и лучший глабер «Лотоса». И мне почему-то кажется, Ланс, что ты что-то об этом знаешь…

— Клянусь, что не имею ни малейшего понятия, — я пожал плечами, заставил себя опустить плечи и уставился в окно фаэтона.

Одновременно краем глаза изучал Магду и ее реакции. Пытался угадать, как много смирпам вообще известно о джинкина-там. В конце концов, само существование «Господина Киликили» могло оказаться особым проектом Смиренных Прислужников, а провокационные вопросы Красной Вистар — лишь очередная треклятая проверка на лояльность.

Впрочем, интуиция подсказывала, что ничегошеньки-то чу-ха про джи-там не знают, и отсутствие информации о штурме

«Моста» вовсе не блеф. Становилось все любопытнее узнать, каким образом свето-струнный ублюдок умудрился сохранить такое мощное инкогнито, но сейчас мне следовало направить свои мысли в несколько иное русло:

— Но если в «Детях заполночи» об этом заговорят, ты узнаешь, обещаю.

— Не беси меня, терюнаши!

— Не бешу, — я вздохнул и доверительно наклонился вперед. — Послушай, Магда… я хорошо помню, что мне не покинуть Юдайна-Сити живым, и вся моя дальнейшая жизнь зависит только от твоего настроения и менструального цикла, но сейчас я действительно ничего не знаю.

Красная Вистар молча рассматривала меня почти минуту. Жи-ми на водительском месте снова зашевелился, готовый или предотвратить попытку «низкого писка», или наказать убогого манкса за ложь. Наконец чу-ха в красном брючном костюме склонила голову на бок.

— Аппетиты Нискирича могут распространяться за пределы Бонжура?

— Насколько мне известно — а известно мне далеко не все, но многое, — аппетиты Нискирича ограничиваются потенциальным выдавливанием «Вертких прыгунов» и увеличением доходов от продажи богатейшего ассортимента наркотиков.

Она пристукнула когтями по бедру и встопорщила усы.

— И это все?

— Пожалуй, — я дернул плечом. — Неужели твои подсадные змеи в нашей казоку сообщают иное?

Магда вздохнула. Откинулась на спинку сиденья и сделала неопределенный жест лапой.

— Выкипи отсюда, Бледношкурый, — умело взболтав в голосе коктейль из презрения и злости, прошипела Алая Сука. — Ты все-таки сумел меня утомить.

— Был рад поболтать, — улыбнулся я, открывая дверь фаэтона.

— Иди на *уй, Ланс…

«Крейс» рванул с места, не дожидаясь, пока я выберусь на тротуар. Оступившись, но не упав, я смотрел вслед черному транспорту Красной Вистар и старался не улыбаться.

п.2; г.11; ч.2

Вокруг зажигались рекламные полотна и экраны, не позволяя вечернему полумраку даже прикоснуться к улицам гнезда. Вздохнув, я отступил от обочины, потер щеку и неспешно отправился на запад.

Меня переполняли странные и не самые четкие ощущения.

Едва ли не впервые за все минувшие годы общение с Магдой вызвало у меня не отвращение, а, скорее… злорадство? «Лотос» знал про трупы йодда из «Уроборос-гуми», это было плохо. Но они ничего не знали про «Мост», и это потрясало. Красная Вистар со всеми ее осведомителями и стукачами, летательными шпионами, камерами наблюдения и системами мицелиумного контроля не могла знать *всего*.

Я еще раз поразился силе джинкина-там, сумевшего сохранить свое существование в тайне. Неужели я действительно держу за глотку столь могущественную субстанцию? Если это хотя бы частично так, мне следует быть крайне осторожным и ни за что не позволить чувству власти опьянить сознание.

Настроение улучшалось с каждым шагом, и даже без лишнего глотка паймы. Улыбаясь ошарашенным встречным чу-ха, я вразвалочку спустился с проспекта, свернул на узкую старинную улочку, купил у торговца на углу пакетик чудовищно соленой строганины. Жуя мясную соломку, по жесткости способную тягаться с обшивкой бронетранспорта, направился к станции «сквозняка», привычно оглядываясь в поиске «хвоста».

Его традиционно не было: когда Магда приходила потрепать мне нервы и немного разнюхать о теневой жизни Бонжура, уличные камеры смотрели в сторону, а летательные аппараты тетронов послушно уходили на патрулирование соседних кварталов.

Тем не менее, появление обшарпанного фаэтона «Детей заполночи» меня все же насторожило. Просвистев над головой, он плавно развернулся на крохотной площади перед спуском к транзиту и опустился точно на моем пути. Соленая полоска мяса в горле чуть не встала колом, и я спрятал остатки закуски в карман.

Из фаэтона выбрался широкоплечий чу-ха в черно-желтой жилетке поверх обнаженного торса. Здоровяком оказался Пио (кажется, так его звали), и он работал собирающим бригадиром… Издали кивнув мне, крепыш облокотился на крышу «Габи-шиндо» (хорошая модель, с увеличенным багажником, в котором удобно перевозить сразу несколько жмуров) и принялся ждать моего

приближения.

Не меняя скорости, я подошел и поднял скрещенные пальцы.

— Куо-куо, Пио.

— И тебе не хворать, Ланс, — глухо промычал тот, поводя приплюснутой мордой, словно вынюхивал.

— Какие новости?

Было бы глупо предполагать, что собрат по казоку решился приземлить фаэтон на моем пути по чистой случайности, но переходить к делу я не спешил.

— Ты тут по делу, Ланс? — вместо ответа спросил Пио, с интересом оглядываясь. В этих кварталах Глянец почти окончательно растерял свой лоск, но от Бонжура все еще основательно отличался. — Милый районч**и**к…

— По делу, — спокойно ответил я, подмечая за рулем «Габишиндо» еще одного «Дитя», — да только по своем **у**. А что?

Пио пожал плечами, отчего из-под жилетки встопорщилась серая шерсть.

— Садись, братишка, — он махнул лапой, словно призывая забыть последний вопрос, и даже заботливо приоткрыл для меня заднюю дверь. — Прокатимся. Нужно вернуться в Нарост.

Порой мне казалось, что вся моя жизнь состоит из бесконечных разговоров внутри множества самых разных фаэтонов, куда меня чуть ли не силой заставляли залезть. Шагнув было к транспорту, я оперся на приоткрытую дверь и все же уточнил.

— Пояснишь, с какой стати мне сейчас переться в Нарост?

Пио посмотрел на меня, как на неразумного молокососа. Вздохнул. Облизнул огромные желтые зубы. Он не отличался большим умом, это точно. Но исполнительным быть старался.

— У нас неприятности, пунчи… — негромко сказал он. И добавил, заметив мою мгновенную бледность: — Нет-нет, с твоим папкой все в поряде… Просто… Он приказал.

Байши… я поморщился, снял рюкзак, послушно нырнул на заднее сиденье и буркнул что-то приветственное водителю из самых младших казоку-йодда. Хорошее настроение начинало улетучиваться, но развинчивать фляжку я не спешил. Вместо этого:

— Пио, может, расскажешь, в чем дело?

— Ланс, пунчи, ты все узнаешь на месте, — промычал тот с переднего сиденья, даже не обернувшись, — меня только попросили тебя отыскать, сисадда? Другие братья сейчас гоняют по Бонжуру, а я вот сюда завернуть решил…

Фаэтон тронулся с места, загудел, поднялся в силовой поток и двинулся вперед.

— Вообще-то я и на вызовы отвечаю, — не без раздражения отреагировал я, машинально задирая рукав.

Обнаружил, что основная «болтушка» переключена на режим «не беспокоить» еще с момента встречи с Галло Ш'Икитари. Длинно и сочно выругался сквозь стиснутые зубы, почти беззвучно, но от души.

Обнаружил сразу два сообщения от Сапфир. Да, парни действительно меня искали, и даже приходили в «Кусок угля». Девочка, конечно, волновалась, и я чиркнул ей что-то отвлекающе-успокаивающее.

На сердце стало тяжко и тревожно, но я отлично понимал, что расспрашивать Пио абсолютно бессмысленно. «Габи-шиндо» тем временем вошел в пространство Бонжура, а за окном раскинулись привычные мне улицы и лавки с их толчеей, лукавыми торговцами, фальшивыми нищими и сонными коровами на тротуарах. Мы приближались к Наросту, во дворах комплеблоков становилось все больше черно-желтых жилетов и все меньше тетронских квартетов.

Что серьезного могло случиться в казоку, что отчим бросил на мои поиски парней, способных в это же самое время зарабатывать для семейства на улицах?

Фаэтон снизился, без особой ласки припечатался колесами к проезжей части, покатил в визгливом потоке гендо; там, куда мы направлялись, силовых коридоров не было и в помине.

Впереди показался сам Нарост — угловатое бесформенное пятно в небе, бесконечно-черное на фоне сверкающих за ним высоток и рекламных ветростатов. Под особняком «Детей» раскинулась мрачная клякса старого кладбища «Поляны заполночи», которому клан и был обязан своим именем. Если верить старикам, когда-то на нем зарывали в землю верующих в Двоепервую Стаю (в древности отважно покинувшую подземные убежища и позволившую уничтожить себя гигантскому змею Бансури во искупление кармических проступков всех живущих и нерожденных чу-ха).

Даже если это было правдой, на погосте давно никого не закапывали, а шесть лет назад его землю заминировали так, что пробраться меж надгробиями не смог бы даже самый ловкий хатьяра…

Над кладбищем нависал широкий язык недостроенной эстакады; на ее массивных бетонных опорах виднелись балконы, обшитые броневыми листами, там заседали дозорные казоку; а на обрыве моста, повиснув в пяти десятках метров над древними могилами, угнездился и сам Нарост.

При всей его эффективности и внутренней продуманности,

он никогда не казался мне красивым. Более того, выглядел откровенно грубой поделкой, абы как собранной из бетонных блоков и с ложной хаотичностью изрезанной бойницами. Увенчанное одиноким флагом семейства нагромождение плит, а не жилая постройка…

Немолодой «Габи-шиндо» с натугой вкатил на эстакаду, сбросил скорость у блок-поста, где Пио обменялся приветствиями с охранниками подъезда, и совсем скоро доставил нас к толстым воротам казоку-шин. Лязгнули затворы и механизмы, створка отползла в сторону, и мы медленно въехали внутрь.

Я вздохнул, полез в рюкзак и все же раскрутил фляжку. Чуть-чуть, буквально на один глоточек, отдавая дань презрительного уважения месту, с которого все начиналось. Месту, которое я долгое время считал своим единственным домом. И куда снова попал не совсем по собственной воле.

praeteritum

Мне стоит весьма немалых трудов убедить Нискирича фер Скичиру в необходимости удовлетворения своей странной просьбы.

С одной стороны, казоку-хетто действительно ничего не теряет. С другой стороны — он официально и на виду всего клана простил Ксиммика, признал его невиновность и, таким образом, не вправе даже допускать мыслей о ворошении старого.

А еще его внимание расфокусированно, а мысли витают исключительно вокруг нереально важного решения, на принятие которого осталось совсем мало времени. На огромном столе перед Нискиричем водружены лишь ему видимые весы, на одной чаше которых покоится огромная сумма денег, а на другой — жизнь любимой дочери…

Но, вероятно, что-то в моем голосе и искреннем напоре все же убеждает хетто дать добро. Может, подспудное доверие к странному безобразно-безволосому мутанту из пустыни… или отсутствие окончательной уверенности в искалеченном собрате?

Ункац-Аран (он тоже в центральном кабинете), разумеется, против. Не исключено, он старик что-то подозревает на мой счет, но Нискирич принял решение и не намерен тратить время на споры.

Поэтому меня торопливо ведут в покои к Ксиммику. Через тот самый холл, где «Явандра» моими руками оборвал жизнь неизвестного лазутчика. В личную спальню, где изуродованный палачами «Дитя заполночи» стоически переживает увечья и медитирует над будущим.

Дежурного лекаря просят выйти, после чего нас осторожно запирают снаружи.

Ксиммик выныривает из медитации и привстает на ложе. Он, конечно же, немало удивлен моим визитом. Мы знакомы, за время моего обитания в Наросте несколько раз болтали, да и в числе любопытствующих после драки за базу данных он тоже бывал. Чуха подтыкает одеяло, приветствует меня и бережно баюкает укороченную лапу.

Он, безусловно, заинтересован. Может быть, предполагает терапию питомцем. И совершенно не ожидает подвоха от столь жалкого существа, как я…

И тогда я совершаю первую настоящую попытку.

Еще без так называемого фонетического фиксатора, в сыром виде, на недошлифованном «низком писке», как впоследствии назову его сам.

Начинаю отвлеченную беседу ни о чем. Справляюсь о его здоровье и даже припоминаю заумную цитату о терпении и умении

стойко сносить удары судьбы, пусть и не самые справедливые. Церемонно наливаю нам обоим ароматного отвара. Интересуюсь, не могу ли как-то скрасить выздоровление Пятого Когтя… а затем без предупреждения начинаю рассказывать про безумных мышек, и осторожно играть голосом.

«Явандра» (или то, что он оставил в моем сознании после удара) просыпается.

Я почти ощущаю на губах и в поджившем носу аромат пряного порошка, взгляд улавливает каждую пылинку, висящую в воздухе личной комнаты Ксиммика.

Тот заинтересованно топорщит уши, кивает в такт нелепому стишку, а в его единственном глазу посверкивает терпеливая насмешка, с которой счастливый родитель может слушать новую песенку несмышленого детеныша.

Через несколько мгновение этот самый глаз затягивает поволока. Ксиммик остается в сознании, и даже продолжает кивать в такт куплетам про гибель глупых зверьков.

Когда слюной захлебывается последняя героиня повествования, я придвигаюсь ближе и спрашиваю однолапого одноглазого чу-ха про Амму фер Скичира.

И тот с достоинством отвечает мне, что не имеет к ее исчезновению ни малейшего отношения…

Но делает это сонно, крайне задумчиво, заставляя меня и дальше сомневаться… И вот в тот самый момент с моих губ впервые срывается бессмысленный набор слов про относительность и горизонт радости.

Тогда Ксиммик вдруг добавляет, что готов поклясться жизнью, что если до рассвета Нискирич переведет им всю нужную сумму, то мелкохвостая ни в коем случае не пострадает. Потому что им вовсе не нужна ее жалкая жизнь, им нужна казоку стареющего пройдохи.

Я обмираю и чуть не расплескиваю отвар в пиале. Молюсь всем познанным божествам Тиама, что у подслушивающих нашу беседу хватит мозгов не ворваться в комнату раньше времени. Осторожно и бережно, как если бы разворачивал бумажный сверток с ядовитой змеей, начинаю задавать легкие наводящие вопросы.

С остекленевшим взглядом, рассеянно поглаживая повязку на залитой медицинской пеной культ ***е****, Ксиммик рассказывает, где именно спрятана Амма. Он честно сообщает, кто охраняет девочку, и каким образом сам предатель должен дать сообщникам знак выпустить пленницу все в тот же парк…*

И, наконец, приходит в себя.

Пораженный, обомлевший, с отвисшей челюстью, с которой

тянется блестящая паутинка слюны.

В следующий миг чу-ха выставляет когти, замахивается и бросается вперед, а от былого благодушия несправедливо обвиненного не осталось и следа…

В спальню врываются казоку-йодда, верещащие настоящими демонами. Хватают и крутят Пятого Когтя, меня поспешно выводят, затем едва ли не волоком утаскивают в нужное крыло и снова сажают под замок.

По угнетенной цитадели мгновенно проносится новый слух. Первый предвестник сплетен, домыслов и страхов, что отныне будут сопутствовать мне на каждом шагу, опережать и окружать ореолом проклятья.

Через полчаса Нарост вновь бурлит и гудит десятками разгневанных голосов, а Ксиммика уводят в подвалы, обустроенные в коммуникационных ярусах недоделанного моста.

Не нужно быть гадателем, чтобы знать: на этот раз ближники Нискирича приступят к пыткам даже без намека на церемониальный такт, используя все подручные средства и методы, лишь бы развязать язык предателя и получить подтверждение сказанному им терюнаши. И он, конечно же, развязывается…

Через какое-то время я слышу, как крепость покидает сразу несколько фаэтонов. Я кожей ощущаю скопившееся напряжение, не могу ни пить, ни есть, ни даже спокойно сидеть. В эту ночь в доме «Детей заполночи» не спит вообще никто…

А ранним утром меня снова конвоируют к Нискиричу фер Скичире. И серьезность сопровождающих пустынного питомца не дает тому ни малейших сомнений — меня ведут убивать.

Неожиданная награда за неожиданную развязку, не так ли? А потому я осматриваюсь в поисках присмотренных заранее путей возможного бегства. И прочищаю горло, еще не зная, что в такой обстановке история про десять мышат на моих охранников толком и не подействует…

В кабинете Нискирича невероятно душно, невообразимо шумно, а за ночь выкуренные хетто оковалки с «бодрячком» дали столько дыма, что на него можно облокотиться.

Бойцы «Детей» обсуждают коварное предательство, причем раз за разом, с присущей чу-ха эмоциональностью и приукрашениями. А еще они составляют расстрельные списки и планируют жестокое возмездие.

Когда меня вводят, все разом замолкают, а кое-кто даже чертит напротив сердца охранные знаки.

Как и несколько часов назад, меня заставляют встать напротив огромного, как платформа для посадки ветростата, столом вожака. Какое-то время тот молча сверлит меня коронно-

раскосым взглядом ярко-зеленых глаз.

Все молчат, все чего-то ждут.

Так тихо, что я слышу слабый треск, с которым в лапе Нискирича тлеет очередная скрутка. А затем боковая дверь кабинета распахивается, будто по ней влупили из ассолтера, и в комнату юрким смерчем врывается Амма.

Девчонка уже переоделась в новенькую куртку с портретами любимых героев известного манга-шоу. Она выглядит слегка исхудавшей, еще не совсем оправившейся от стресса, но все столь же неугомонной.

Из-под высокого ворота блузки тревожно выглядывает краешек повязки: чуть позже я узна ***ю****, что когда взбешенные «Дети» ворвались в убежище похитителей, один из запаниковавших дерьмоедов попытался избавиться от заложницы…*

Не успевают широкоплечие, тотально усыпанные шрамами ближники Нискирича ухватить его вертлявую любимицу, как она подлетает прямо ко мне. Без лишних слов прыгает на шею, обвивает ногу хвостом, и разом подтверждает тезис, что слухи в Юдайна-Сити распространяются куда быстрее ветра, а у стен есть уши…

Амма чуть отодвигается, заглядывает мне в глаза и громким шепотом спрашивает, я ли ее спас.

Я что-то мямлю. Ощущаю тяжелый взгляд ее отца и сбивчиво отвечаю, что, технически, почти так и случилось… но на самом деле за спасение ей стоит благодарить исключительно папеньку, и все в таком роде.

От неубедительности собственных слов мне становится очень не по себе, причем это въедливое чувство даже вытесняет страх наказания за неведомый для крыс талант.

Девчонка целует меня в щеку, щекотно и влажно прижимаясь мокрым носом к небритой щеке. Затем спрыгивает, совершенно отцовским жестом потирает подбородок, невольно прикасается к повязке под ним, задумчиво кивает сама себе, шустро снимает с пальца серебряное кольцо и при десятке обомлевших свидетелей называет меня Старшим Братом.

Я дрожащей рукой принимаю подарок. Кланяюсь названной сестричке, красный от страха и стыда. И краем глаза наблюдаю за казоку-хетто, неподвижным и стиснувшим челюсти так, что сейчас захрустят зубы.

Наконец тот медленно кивает.

Продолжает буравить меня пронзительным взглядом, а затем приказывает всем выйти. Всем, считая Открытое Око, и не нужно спорить. Всем, включая любимую дочку, и он снова не желает слушать возражений. Всем, за исключением необычного манкса по

кличке Ланс, машинально подавшегося к дверям…

Глаза вожака предательски поблескивают, когда он наблюдает за насупившейся девчонкой (особенно за «жидким бинтом» на ее горле)… Но этот чу-ха умеет очень быстро прятать лишние эмоции, и вот он вновь неприступная твердь.

Когда мы остаемся наедине, Нискирич молча изучает меня сквозь дым.

Долго. Достаточно долго, чтобы усилить и без того немалый страх, перемешанный с гордостью за эффективно примененное умение. Наконец фер Скичира переводит взгляд на подаренное дочерью кольцо, а затем начинает негромко говорить.

Я прекрасно знаю, о чем он собирается меня расспросить. И даже готов подарить ему ровно половину правды. Но совершенно не представляю, что же Нискирич фер Скичира в итоге предложит существу по имени Ланс, до этого рассвета не имевшему в Тиаме никакого родства…

Глава 12
ПОДОЗРЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ

Дальше просторного гулкого гаража Пио со мной не пошел. Махнул на прощание и остался болтать с приятелями из ремонтной бригады. Со вздохом выбравшись из фаэтона и забросив рюкзак на одно плечо, я двинулся знакомыми коридорами.

Всюду встречались «Дети», как знакомые, так и не очень. Большинство здоровалось, но новенькие предпочитали вытаращить глаза и юркнуть в смежный проход. Ноздри забило знакомым запахом убежища, ароматом из числа тех, от которых воротит, но одновременно и надышаться не можешь.

Подмечая, что поменялось в крепости с моего последнего визита, я неспешно шел из одной его части в другую, вспоминая собственное утверждение, что даже если провел в этих стенах всего несколько минут, это уже многим больше нужного для счастливой жизни. Впрочем, кем бы я стал, если бы шесть лет назад не вышел из этих ворот свободным «Дитем» в форменном жилете?

Теперь же мне было, с чем сравнивать, и я не мог удержаться от параллелей. Конечно, Нарост был ничуть не похож на казоку-шин Данава фер Шири-Кегареты. Если цитадель Песчаного Карпа отличала роскошь и даже излишняя помпезность (вспомнить хотя бы живые деревья и корову!), то база клана моего отчима больше напоминала казармы.

Грубые стены почти не драпировались, причем даже грошовыми свето-струнными слепками; не виднелось ни полотнищ с умными изречениями, ни гравюр; повсюду царил спокойный светло-серый окрас бетонных блоков с редкими вкраплениями специальных путеводных значков, смысл которых был известен только «Детям».

Никакого деления на зоны Нарост тоже не имел: из мастерской по разборке угнанных фаэтонов можно было угодить в общую сауну для йодда, а из обеденного зала — в стрелковый тир или лабораторию по варке зелий.

Разумеется, повсюду шныряли «Дети» Нискирича, как прибывшие в крепость по делам казоку или за персональными приказами (после визита в «Мост» система примитивного личного общения уже не казалась мне такой архаичной), так и живущие здесь постоянно, на правах гарнизона.

Обнаружив, что тренажерный зал переделали под оружейную

мастерскую, замуровав одну дверь и пробив две новые, я поднялся на этаж, свернул в крытую террасу на южной стене и вдруг встретил старого приятеля.

Ункац-Аран по-прежнему одевался в невообразимое тряпье, самолично украшенное самыми причудливыми символами. Левая половина башки шамана сверкала лысиной, а седые волосы на правой были наращенны так, что позволяли заплести три изрядные косицы.

Подобно натуралистам, обуви старый мошенник не носил, шлепая по бетону коридоров мозолистыми пятками, а ритм при ходьбе задавал себе коротким узловатым посохом из тяжелого дерева иннти, за которым (правда, только по его собственным словам) совершил паломничество в пустыню. На поясе болталось неизменно огромное количество сумочек, мешочков и кошелей.

Заметив меня, Открытое Око остановился и чуть не выпустил посох из артритных пальцев. Насмешливо склонив голову, я двинулся к сгорбленному чу-ха с таким видом, будто собирался обнять.

— Куо-куо, мудрейший! — широко улыбнулся я, но он привычно шарахнулся в сторону, словно боялся проказы.

— Ты просто не мог пройти по своим делам другим коридором, терюнаши… — хорошо поставленным голосом возмутился шаман, выдерживая ощутимую дистанцию.

— А что случилось? — поразился я, осматривая себя в поддельном недоумении. — Не рад видеть?

— У меня сейчас обряд очищения от зловредных напастей! — желчно огрызнулся старик. — В святилище ритуала ждут почти двадцать йодда, а теперь мне предстоит очищаться самому!

Я покачал головой, разделяя его горе.

— А ты сделай вид, что не видел меня, сисадда?

— Твой гадкий язык подобен змее, жалящей сотней ядов… — пробормотал Ункац-Аран, осеняя себя охранными знаками.

Я опустил руки и притворно нахмурился.

— Осторожнее, старик! — Мой указательный палец вознесся к крыше террасы. — Ты мне нравишься, — какая откровенная ложь! — но ведь я могу и обидеться!

Чу-ха клацнул зубами. Пристукнул посохом, схватился за один из амулетов под разрисованным балахоном. Кажется, он снова напугался, причем не на шутку. И наверняка побежит жаловаться отчиму. Но я был готов выслушать хоть сотню порицаний, лишь бы поддеть седошкурого шарлатана!

Пожалуй, если рассуждать теоретически, не очень хорошо иметь в недругах такую змеюку, как Ункац-Аран. Но если уж имеешь, лучше держать поближе и почаще провоцировать,

вынуждая открывать истинную личину…

Впрочем, подчас я бывал несколько несправедлив. Со своей работой старик недурно справлялся, причем уже не первое десятилетие; две трети «Детей заполночи» были неискоренимо суеверны, а потому охотно одаривали Открытое Око за его нехитрые ритуалы, умоляя проводить их снова и снова и горстями скупая амулеты. А еще у него получалось сносно гадать. С вероятностью 50 на 50, конечно, но это тоже являлось вполне себе результатом…

Он еще раз испепелил меня взглядом. Сделал несколько пасов свободной лапой, что-то начертил на морщинистой щеке, побурчал под нос, а затем по дуге — едва ли не прижимаясь к стенке, — обошел меня, и торопливо скрылся на лестнице.

Едва не расхохотавшись ему вслед, я поддернул лямку рюкзака и продолжил путь.

К счастью, привычного мне крыла перепланировки не коснулись — в крохотной гостиной перед широкой низкой дверью (одна створка была выкрашена в черный, вторая в бледно-желтый) отдыхали пара «Детей», неизменные охранники и помощники.

Вероятно, о моем визите парни прослышали, потому что едва ли оторвались от игры в «оглянись!», скрестили пальцы и синхронно кивнули на вход. Вздохнув, я шагнул в кабинет Нискирича фер Скичиры.

Вожака только что закончили массировать. Одна полуголая самочка собирала переносной сборный стол, вторая складывала полотенца. Заметив меня, обе издали смущенный писк, но вернулись к нарочито неспешной работе, косясь на уродца с ужасом и восхищением, и стараясь не перемигиваться.

Черношкурый Нискирич, обнаженный по пояс, крепкий, мускулистый и покрытый многочисленными шрамами, стоял в пол-оборота к дверям. Натягивал серую майку на побелевшие плечи, и я успел заметить, как основательно разрослась вертикальная полоса седины на его широкой спине.

Он одернул ткань, обернулся, широко раскинул лапы. На груди, глубоко под шерстью, мелькнула первородная клановая татуировка, нанесенная давным-давно.

— Мой мальчуган! — воскликнул чу-ха так, что массажистки вздрогнули и ускорились.

Вожак поманил, я с послушной улыбкой приблизился, и несколько секунд меня вместе с рюкзаком мяли могучие лапы. Шкура старшего фер Скичиры пахла курительными палками, ароматическими маслами и ненасытной дикостью.

— Куо-куо, отец, — осторожно освобождаясь от его объятий,

кивнул я. — Прости, что не отвечал, важные рабочие дела… а что за срочность?

Он крякнул, отстранился и внимательно взглянул в лицо (левый глаз его при этом будто жил собственной жизнью и украдкой наблюдал за сборами самочек). В загадочной улыбке казоку-хетто блеснули гигантские отбеленные резцы.

— Падай на хвост, мой мальчик! — добродушно прорычал он, подходя к огромному рабочему столу. Открыл плоскую коробку, неспешно выбрал один из самокрученных из «бодрячка» оковалков. — Как твои дела? Добрым ли был день?

— День прошел чудесно, — кивнул я, вспоминая перестрелку возле торговца элем, расследование в Мицелиуме, невеселую встречу с Перстнями и еще более невеселую с Магдой. — Ты позвал меня только для того, чтобы справиться о настроении?

— Вечно нетерпеливый, вечно спешащий… Как заработок? Ты не голодаешь?

— Не стоит переживать, дело процветает, — хладнокровно соврал я и с тоской вспомнил сбережения, почти без остатка спущенные на безрассудную авантюру с местью.

Массажистки наконец-то убрались через неприметную боковую дверь, Нискирич проводил их игривым взглядом. Но едва створка прикрылась, его зеленые глаза стали холодны.

Я пока не мог сказать, что все происходящее казалось мне недобрым… но и что к добру вело, тоже утверждать бы не стал. Стянул пальто, сбросил его и рюкзак в свободное кресло, сверху уложил кобуру с «Молотом». Неспешно размял плечи, уселся напротив стола на привычное место.

Нискирич тем временем занял любимое огромное кресло и раскурил свою грубоватую поделку. Посмотрел на меня сквозь дым, отнюдь не такой ароматный, как у Магды; мелко покивал.

— Мой мальчик… пару дней назад ребятки нашли одного из наших… со скрученным хвостом.

Я нахмурился, в тот момент наивно не сообразив, куда отчим клонит.

— Печально слышать… Пусть будет легким его поход за все возможные границы.

— Верно говоришь, верно… — Нискирич откинулся на спинку своего почти что трона. — Пусть будет.

Он посмотрел на потолок, словно ожидая от меня чего-то еще.

— Ты этим хотел со мной поделиться? — осторожно уточнил я. — Отец, наши парни гибнут на улицах Бонжура едва ли не каждый день… Или речь идет о чем-то особенном? «Прыгуны» оставили очередное «послание»? Причем тут?..

— Это был Прогиб, — продолжая изучать люстру, негромко перебил меня фер Скичира. — Так и не ставший Разрушителем.

Я прикрыл рот. Постарался не отводить взгляда, хотя в голове словно взорвалась светошумовая бомба. Вот, значит, как…

— Что тебе известно? — сказал я чуть раньше, чем успел обдумать все тонкости своего следующего вопроса.

Нискирич дернул подбородком и скривил изломанный нос.

— А я как раз хотел спросить об этом тебя, мой мальчик, — с нажимом произнес он. — Прогиб за тобой хвостом увивался, сисадда?

Отчим смотрел на меня так пристально, что даже его косящий глаз, казалось, вернулся в нормальное положение. Добрый, но строгий старик, требующий оправдаться за неуместную шалость.

Байши! Второй допрос за день, не многовато ли?

И пусть от этого чу-ха у меня не было никаких тайн (ну, почти), кое о чем в данной истории я бы точно предпочел умолчать. Например, о существовании джинкина-там, моем сумасбродном найме «Садовников» на деньги самого Нискирича фер Скичиры, опрометчивом штурме здания в самом центре Уробороса и опасном секрете, который мы с Зикро теперь хранили.

— Верно, — осторожно подтвердил я. — Но я его как раз несколько дней не видел… Когда в последний раз? Да, точно, когда у меня дело было… Он собирался помочь, как обычно. Но я снова отказал, я постоянно так делаю… *делал*.

В этот момент мне было многим хуже, чем на переговорах с Шири-Кегаретой или Магдой. Врать Нискиричу оказалось так же горько и противно, как впервые попробовать пайму. И ни дай-то Когане Но, чтобы это тоже стало моей привычкой…

— У тебя есть подробности? — спросил я, действительно ощущая печаль по ушедшему парнишке. — Что случилось?

Нискирич кивнул сквозь дым. У него не было никаких оснований не верить мне. Но я уже неоднократно наблюдал, как со столь же невозмутимым видом хетто «Детей заполночи» ловил на продуманной лжи кого-то из своих подчиненных. Даже на самой продуманной лжи.

— Его нашли в поганеньком игорном доме Нижнего Города, — неожиданно сказал чу-ха, стряхивая пепел в золоченую чашку. А я чудом не выдал изумления. — Дурень… Сопливый дурнь. Что-то не поделил с местными шулерами, и его нашпиговали фанга.

Выходит, моя анонимная наводка на тело отнюдь не помогла «Детям» обнаружить своего павшего товарища… Впрочем, если

заметанием следов занимался сам Сакага (с огромной вероятностью), вывоз тела и имитация наверняка были устроены на самом высшем уровне. Опустив глаза, я снова почувствовал себя предателем…

— Я скорблю вместе со всеми «Детьми», — сказал я, ощущая в горле шершавый шар. Говорить правду тоже оказалось непросто, особенно такую горькую. — Пусть будет легким его перерождение…

К моему удивлению Нискирич приподнял кустистую бровь. Наклонился вперед, щуря здоровый глаз.

— Не думал, мой мальчик, что парнишка был тебе настолько симпатичен, — поджав губу, произнес он и сочувственно покивал.

Я не поднимал взгляда.

Что это? Сарказм? Или хорошо спланированная проверка?

— Он был славным, — честно ответил я. — Несуразным немного. Вечно пытался прыгнуть выше собственного роста, но все равно был славным.

А про себя решил, что когда-нибудь обязательно найду возможность рассказать всей казоку о самоотверженности и отваге Разрушителя, чтобы клан воздал тому все необходимые почести, пусть даже посмертно.

— Пойдешь на похороны? — Нискирич пыхнул дымом.

— Конечно… дашь знать, где и когда?

Отчим молча кивнул. Он тоже выглядел опечаленным, но со всей очевидностью далеко не только гибелью одного из самых непутевых бойцов. Старший фер Скичира отложил окурок на край чаши и сцепил пальцы перед собой.

— Мои нюхачи нашли на теле парнишки кое чей запах, — неторопливо уведомил меня вожак стаи.

Шершавый шар в глотке увеличился в размерах, мне стало еще хуже. Но я отдавал себе отчет, что если позволю Нискиричу все-таки потянуть за эту нитку, распустится весь клубок. И последствия у этого события будут совсем недобрыми.

— К чему ты клонишь? — прямо спросил я, поднимая голову.

— Это твой запах, сынок, причем кровавый, — прямо ответил мне чу-ха, пожал плечами и в замешательстве развел лапы, будто хотел обнять свой огромный стол. — Добротно замаскированный, но я своих следопытов кормлю не задарма.

Я вздохнул и распрямил плечи. Этот хитрый старик — совсем не Магда, и с ним нужно действовать совершенно иначе.

— Знаешь, при моем заработке мне часто пускают кровь, — спокойно сказал я, глядя в его правый глаз. — Но если ты меня в чем-то подозреваешь, скажи прямо. Ты сам только что вспомнил, что Проги хвостом за мной увивался. Да, мы частенько были

вместе, я не всегда вспоминаю отстирать пальто, и все еще не улавливаю, к чему ты ведешь.

Нискирич молча изучал мое лицо.

Щурился, облизывал губы, будто намереваясь что-то сказать, но в последний момент передумывая, и легко поглаживал столешницу. О, да, он оставался сильным, лукавым и невероятно вертким сукиным сыном, собственными лапами прорывшим ход на самую вершину казоку. Но ему было не пробить мою защиту, особенно когда часть ее строилась на неподдельном чувстве утраты.

— Что ты скрываешь, сынок? — наконец спросил Нискирич и снова сунул в зубы затухающий окурок.

Вопрос был явно не риторическим. Всему городу — от самых чахлых геджеконду Бонжура до Тинкернальта, — было, что скрывать. Но тут фер Скичира действительно хотел знать, что именно от него утаили.

Я снова вздохнул, покачал головой и поднялся из кресла. Подошел к барному столику у стены, провел пальцами по горлышкам многочисленных бутылок. Рука сама потянулась к многолетней пайме, но вместо этого я налил травяного отвара. Бросил пару кубиков льда и повернулся к столу.

Нискирич терпеливо ждал.

— Если у меня и есть тайна, — сказал я, салютуя ему стаканом, — то, клянусь тебе, что в ней нет ровным счетом ничего, касающегося нашей казоку.

В этом вопросе я отчиму врать не стану. Никогда. Надеюсь на это…

Он кивнул, лишь отчасти удовлетворенный ответом.

— Сынок… — пробормотал он, катая в острых зубах дымящийся скруток. — Ох, сынок… я знаю, что Амма дала тебе денег.

Я отпил отвара, стараясь не поддаваться раздражению. Ну что за день! Впрочем, Амма предупреждала, что счета отслеживаются, так что разоблачение было вопросом времени…

Вернувшись в кресло, я умостил стакан на подлокотнике и закинул ногу на ногу. Взглянул на Нискирича с легкой виной во взгляде. Если это и была тайна, которую жаждал знать глава «Детей», то у меня отлегло на сердце. Что, впрочем, ничуть не умаляло тоски по убитому Прогибу-Разрушителю…

— Да. — Сознавался честно, без вызова и раздражения. — Это так. Мне было нужно. Срочно и немало. Я все обязательно верну, клянусь.

Фер Скичира хмыкнул, едким коротким междометием озвучив истинное отношение к моим постоянным обещаниям и

клятвам. Теперь он выглядел по-настоящему опечаленным. Или разочарованным?

— Почему не попросил у своего старикана?

Я прикусил губу. Как объяснить своим близким нечто важное, особенно когда для этого нет ни подходящих слов, ни возможностей? Ох, Нискирич… прости меня, старый вожак, но сейчас я никак не могу быть с тобой откровенным.

— Это личное, отец, — мой голос, казалось, теперь жил отдельно от сознания. — Не хотел тебя тревожить. У «Детей» сейчас и без того масса дел…

Он нахмурился. Разом постарел лет на десять, сморщил изломанный нос, но ответить не успел — словно подтверждая правдивость моих слов, у него засигналил гаппи.

Жестом попросив меня обождать, фер Скичира щелчком пальца сбросил вызов на консоль. Отвечал односложно, твердо, выслушивая только ему различимый голос в заушнике, но я смекнул, что речь идет почти о военных приказах. Что и требовалось доказать…

Оборвав разговор, Нискирич выбрался из огромного кресла и натянул джинсовую рубаху. Одевался неспешно, почти не глядя в мою сторону. Расправил складки, подтянул рукава, надел самый простой в казоку жилет. Спросил вдруг в пустоту:

— Помнишь, мой мальчик, что я говорил тебе про «личное» и приближающуюся непогоду?

Я кивнул. Сообразил, что этого мало, и подтвердил вслух. Да, в последнее время мне все намекают о приближении бури, от подручных самых могучих казоку-хетто до седомордых ушастых гендоисток, вышедших из пустыни…

— Это в самом деле личное, касается только меня, — мягко повторил я, надеясь, что до ссоры все же не дойдет. — Клянусь тебе, что вопрос улажен и я уже разобрался.

Эх, если бы. Гаденький Ланс с моей голове ехидно рассмеялся…

А через секунду Нискирич доказал, что умеет удивлять не хуже Алой Суки. Наверное, иначе бы и не был главой семейства, сисадда? Искоса взглянув на своего пасынка, он спокойно спросил:

— Это как-то связано с подозрительными слухами вокруг «Слюдяного небесного моста»?

В его зеленом глазу плескалось лукавство. Пожалуй, он и правда не станет меня наказывать. Разве что выругает, что я не взял его с собой. А еще он в очередной раз доказал, что в этом крохотном городе тайком нельзя даже бзднуть…

Я сделал неопределенный жест:

— Твой пасынок похож на безумца, способного связаться с сидящими в «Мосту» чу-ха?

— Похож, — чинно подтвердил старший Скичира.

Он откровенно забавлялся, но поднятая тема все еще не казалась мне смешной.

— Что бы ты ни услышал про суету вокруг «Слюдяного моста», — попросил я, позволив себе гримасу легкого недовольства, — подели на три. И нет, это никак не связано со мной.

Ложь. Снова ложь, старая добрая подруга. Но чтобы в этом кабинете?

Проклятье, врать отчиму у меня получалось многим хуже, чем использовать «низкий писк» на обитателях Юдайна-Сити. Нужно было срочно менять тему, иначе старик выведет меня на чистую воду, и тогда…

— Сегодня я разговаривал с Магдой Мишикана, — отчеканил я, опуская взгляд. — Думаю, ты должен об этом знать…

Казоку-хетто «Детей заполночи» окаменел.

Кулаки его сжались до белых костяшек, он медленно повернулся ко мне на пятках. Верхняя губа приподнялась, едва не выпустив окурок, агрессивно обнажились зубы; нижняя челюсть ходила ходуном. Впрочем, как минимум от истории с «Мостом» это его отвлекло, хотя бы ненадолго.

— Ты?! — прорычал Нискирич, шагая ко мне и очень опасно щурясь. — Ты, «Дитя заполночи», посмел приблизиться к этой дряни на расстояние разговора?!

п.2; г.12; finis

Я едва ли не ощущал жар, исходящий от старика. Пожал плечами, отпил еще отвара. Вздохнул, откинулся на спинку кресла и укоризненно взглянул на отчима снизу вверх.

Тот нахмурился, лапищи медленно опустились вдоль тела.

— Совсем не смешно? — с упреком спросил он, откладывая остатки самокрутки в чашу с пеплом.

— Было смешно только первые раз сто, — улыбнулся я.

— Байши… — пробормотал чу-ха. Вернулся за стол и старательно затушил окурок. — Ладно, рассказывай. Чего сука хотела на этот раз?

— Информацию, конечно. — Смена темы удалась, и гаденький Ланс в моей голове торжествующе захлопал в ладоши. — Пришлось немного пересыпать. Про район, про мягкое подминание. А еще она вынюхивала про Хатама-Крик… Что там вообще стряслось?

Отчим скривился, словно в морду ему сыпанули перца.

— Байши! Вот же заварили лапши… Вкратце, мой мальчик — не бери в голову. Но что бы ты ни услышал про ту заварушку, помни — твой старик выделил отдельный отряд, чтобы развести жителей по норам и ни в коем случае не выпускать на перекресток до окончания дела. Но нет, же, байши, целая стая тупых местных все равно решила, что сегодня их не возьмет ни одна фанга…

Он казался расстроенным, причем сильно, отчего мне стало еще больнее передавать ему новые детали разговора с Магдой.

— Кхм… В общем… Еще она подозревает тебя в возможных генетических манипуляциях на районных фермах.

Нискирич оглушительно рыкнул.

— Тупая дырка!

Принялся разворачивать выкуренный оковалок, бережно откладывая уцелевшие листки.

— Ладно, мой мальчик, я понял. Все в порядке, это точно делу не повредит. Кажется, я знаю членососа, который ковыряется в ДНК фасоли, и тоже этому не рад… В следующий раз назовешь ей пару имен. А бонусом сольешь адрес грибной фермы, где тоже мутят подобные непотребства. Помни, что твоя главная задача: заставить ее верить, что мы все делаем тихо и правильно, и смирпам нет абсолютно никакой нужды лезть в наши дела, сисадда?

— Разумеется.

— Мой мальчик! Ты молодец, Ланс! Все делаешь очень

правильно. — Он широко оскалился в сомнительном, но все же приятном мне комплименте: — Мы можем на многое смотреть по-разному, сынок, но кое в чем ты стал самым настоящим чу-ха!

Я кивнул ему с почти церемониальным почтением.

— Никогда не забывал, кому обязан всем, что у меня есть.

Нискирич вернул мне поклон, поднял скрещенные пальцы и коснулся правой брови, испачкав ее в пепле истлевшего «бодрячка».

— Продолжай. Но не подставляйся. Помни: ты нужен семье целым и невредимым.

Это уж точно, старик… а уж до чего я нужен целым и невредимым самому себе!

— Клянусь, что буду осторожен, — подтвердил я, в очередной раз оскорбив знаменитый кабинет откровенным враньем.

Переложив спасенные ошметки в отдельную шкатулку, старший фер Скичира отодвинул золоченую чашу и вдруг предложил:

— Останешься сегодня в крепости? Выпьем, поболтаем, я покажу тебе новые болиды?

Признаюсь честно, это выглядело крайне заманчивым предложением. Но даже спустя годы привязанность к Наросту мешалась у меня с устойчивым отвращением, и я не горел желанием узнать победителя этой схватки.

— Благодарю за приглашение, отец, но я лучше уползу в собственную нору.

— Никаких «приглашений», умник, — Нискирич недовольно нахмурился. — Это и твой дом тоже! Впрочем, как скажешь…

И вдруг стал серьезным, деловым, каким его и знавало большинство окружающих:

— Твой долг сестре обсудим позже, когда… когда закончатся бурные деньки. А то накопилось, знаешь ли, да еще и эти *бучие «Шуты» на границах. Поднимайте тревогу, держитесь стаей, точите ножи! Сисадда?

Он задумчиво побарабанил когтями по столешнице. Стареющий вожак и вправду проседал над ворохом навалившихся задач и вопросов.

— Ох, и нелегкая будет неделька, нелегкая… — проворчал он. Спохватился отсутствием моего ответа: — Так что, нет возражений сдвинуть финансовые вопросы?

Разумеется, я не возражал. Поднялся, хрустнул затекшей шеей и допил сладковатый отвар.

— Прогиба сожгут послезавтра на закате, — добавил хетто «Детей заполночи». — Точное время сообщу позже и пришлю за тобой кого-то из парней…

Я молча кивнул и принялся натягивать кобуру башера.

Да, разумеется, послезавтра на закате; очищающий огонь крематория, призванный разогнать ночь для живущих… Мы еще взглянем друг другу в глаза, пунчи Разрушитель. И я обязательно приду на прощание с парнишкой. Ни за что не прощу себе, если не увижу, как моего секретного спасителя завернут в красный погребальный саван…

Накинув пальто:

— Меня подкинут до «Угля»?

— Конечно.

Нискирич кивнул, но при этом мгновенно углубился в дебри мицелиумных отчетов. Поставки и прибыли, отгрузки и фасовка, баланс угнанного транспорта, сбыт запчастей, ремонты и покупки недвижимости, вербовка новых воинов, распределение мелких уличных партий дурманящего зелья, подвозы сотрудников и неизбежные финансовые потери — в голове этого немолодого чуха держалось столько информации, что у меня бы точно лопнул череп.

Когда я пожелал ему доброй ночи и вышел из кабинета, старший фер Скичира что-то буркнул в ответ, но едва ли заметил мое отсутствие…

В следующий миг тяжелая створка кабинетной двери едва не опрокинула на спину бренчащий амулетами комок тряпок. Почти выронив посох, Ункац-Аран с цокотом когтей метнулся прочь и запоздало сделал вид, что с интересом наблюдает за игрой пастеразрывателей отчима. Те не поднимали глаз и неумело притворялись, что все еще увлечены партией, но напряженные плечи и подрагивающие хвосты прекрасно выдавали их замешательство.

— Дерьмовый из тебя шпион, пунчи, — я криво ухмыльнулся шаману и забросил рюкзак на плечо. — Постой-ка, а разве ты не должен проводить некий очень важный и срочный ритуал?!

Ункац-Аран ничего не ответил. Что-то пробормотал, осенил охранников охранными знаками (не забыв о себе) и исчез в логове Нискирича так быстро, что чуть не прищемил дверью хвост. Я рассмеялся, искренне и устало, подмигнул смущенным казоку-йодда, и вышел из приемной…

Затем меня, конечно же, подкинули до родненького «Комплеблока-4/49», причем сделал это все тот же Пио на все том же облезлом, но весьма вместительном «Габи-шиндо».

На этот раз в комплеблок я входил не черным ходом, а через парадный и милую сердцу чингайну. Чему работавшая в ночную смену Сапфир, несомненно, оказалась очень рада. Настолько, что минут пятнадцать пытала у стойки, попеременно и по кругу

пытаясь то накормить меня, то напоить, то невзначай ощупать в поисках свежих ран.

При этом подруга выглядела усталой и подавленной, а ее синеватая шерсть потускнела и будто бы покрылась белесой пылью. Я настоятельно посоветовал ей меньше работать. Она ответила тем же и наотрез отказалась отпускать наверх без полноценного осмотра. Я поклялся, что обязательно сокращу количество рабочих часов, но только когда у меня появятся такие же жуткие мешки под глазами. Она довольно болезненно шлепнула меня по отбитому боку и едва ли не силой заставила занять барный стул.

Сдавшись и позволив синешкурке заново обработать рассечение на скуле, я решительно отказался и от чинги, и от горячей лапши, после чего, наконец, устало поплелся наверх.

Все мысли занимала уютная теплая кровать. Ладно: сначала туалет и старательное обтирание антисептиком, а затем кровать. Надолго. Очень надолго и без сновидений. Усталость давила так, словно в прошедшие несколько дней вместились годы.

Впрочем… как уже неоднократно доказывала жизнь в Юдайна-Сити, планы — это вторая по хрупкости субстанция в мире после настроения самки…

Мысли текли вяло и вязко. В них проскакивали даже образы отпуска, причем долговременного, и плевать, что я на нуле, а долги придется отдавать. Даже если нечем станет платить за нору (и вторую), а Сапфир уже не сможет прикрывать от отца, я всегда смогу переступить через гордость и снова заехать в Нарост. Несмотря на убогость твердыни, там будут кормить и даже поить, да и койка сыщется.

Натирая кожу шершавыми гигиеническими салфетками, вместе с грязью я решительно смыл и образы бесцельного прозябания в бездействии, ведь хорошо знал, что уже утром от них не останется и следа.

Кровать манила. Звала в голос, умоляя придавить ее и не покидать как минимум десяток часов. Но после умывания я все же задержался у окна, повысил прозрачность и задумчиво уставился на ночной город снаружи.

Он сверкал, переливался и горел, будто распахнутая топка крематория.

Вдали, подчеркивая силуэты высотных построек, мерцало алое марево порта для швартовки дальноходных грузовых ветростатов. Из-за низких облаков маяки взлетного плаца образовывали опасно-красный столб, создавая воистину демоническое зрелище, будто бы прислужники Бансури вновь нашли проход и рвались из подземных чертогов, чтобы еще раз

попробовать уничтожить Тиам.

Зрелище было мрачным, едва ли не пророческим, но только для слабых духом: глядя на буйство огней за пределами норы, я размышлял о миллионах чу-ха, населяющих переполненные комплеблоки, и пытался лениво сообразить, как давно в нашем районе стало модно рисовать на окнах снежинки?

Большое гнездо дышало тревогой и легкой грустью. Но предаваться дурному настроению не входило в число моих излюбленных привычек, а потому я представлял, что за каждым окном, за каждым подсвеченным мерцающим фонарем или лампой квадратом — там, в холодной перенаселенной пустоте, и напротив через улицу, и в соседнем квартале или даже смежном районе, — меня ждет потенциальный клиент, заказчик и благодетель, а жизнь сулит еще массу интересного…

Что ж, я почти не ошибся, сисадда?

Зов кровати наконец победил. Сбросив халат, я вернул окну непроницаемость и шагнул в спальный закуток… но тут в дверь постучали. Не вызвали хозяев через систему внешней связи, а именно постучали, вежливо, настойчиво и… даже будто бы торжественно.

«Молот» оказался в руке быстрее, чем я вспомнил, куда именно сбросил портупею с кобурой. Не слыша ничего, кроме собственного сердцебиения, я подступил к двери и снял башер с предохранителя. Конечно, я сразу вспомнил недавний визит Перстней, тоже начинавшийся со стука, но что-то подсказывало — это явно не «Котелок».

Никогда не считал себя мнительным или излишне впечатлительным. Почти уверен, что так называемая интуиция в большинстве случаев — не более чем опасное самоубеждение и подгонка ожидаемого под действительное. Вроде *«ах, утром у меня кружилась голова, это значит, что после обеда по ней шарахнут битой для штормбола»*.

Но все же в редких случаях интуиция существует, причем острая и жгучая, это подтвердят многие крысы гнезда, особенно выжившие в неприятных липких историях. И вот сейчас она говорила со мной, настоятельно предлагая отключить консоль и забыть о ночном визите.

Но я ее не расслышал. Впрочем, даже если бы и последовал совету, чудовищную круговерть последующих событий это бы изменило вряд ли…

В исподнем, с взведенным «Молотом» в руке я осторожно подступил к двери и вручную активировал экраны дверной консоли. На несколько резиновых секунд потеряв всякое ощущение времени.

За порогом моей скромной норы, холодными взглядами заставляя прочих обитателей комплеблока мгновенно расползаться прочь и прятать глаза, застыли трое рослых чу-ха в белых, как молоко, дождевиках с высокими стоячими воротниками. На мордах троицы ослепительно белели вытянутые глянцевые маски, игравшие роли уличных респираторов, бронезащиты и, разумеется, объектов дополнительного устрашения…

Крииты.

Самые, байши, настоящие крииты на пороге моего жилища! Это уже не мелкий вожак летучей стаи из крохотной казоку вроде «Желтых котелков», это голос и клыки самого «Диктата»…

Как именно троица просочилась мимо Сапфир, можно было и не задумываться, а четвертый йодда сейчас наверняка торчал в чингайне, вежливо наблюдая за измотанной девочкой и не позволяя ей испортить сюрприз.

Конечно, я открыл дверь. Без вопросов и долгих переговоров, а что мне еще оставалось? Открыл и отступил в сторону, только теперь заметив, что за спинами визитеров виднеется узкая высокая капсула на удобной колесной базе.

Внутри запоздало лопнула струна, сознание обожгло неожиданной догадкой… но (хвала Когане Но!) я ошибся — единственный в своем статусе *Диктатион* Хадекин фер вис Кри и не подумал посещать убогую нору бесхвостого Ланса Скичиры в своем инвалидном коконе, а колесная капсула криитов оказалась бронированным ящиком наподобие мобильных оружейных сейфов.

Чу-ха вошли, мягко потеснив меня с дороги; не поздоровавшись, не вытерев подошв, не заговорив и демонстративно проигнорировав «Молот» в моей руке. Вкатили капсулу, бережно перенеся через порог, установили посреди гостиной и ловко отстегнули колесную платформу. Суматошно запиликал сканер, распознав под молочными накидками натуральный арсенал.

На многочисленные зеркала бойцы в белых плащах старались лишний раз не оглядываться, но в целом вели себя куда увереннее и смелее, чем большинство моих посетителей.

Один чу-ха молча прикрыл дверь в совершенно пустой и непривычно тихий подъезд. Второй столь же молча забрал у меня оружие, щелкнул предохранителем и бережно уложил на столик. Третий не менее молча вынул из-под плаща узкую планшетную консоль, без спешки закрепил на фасаде вертикальной капсулы на уровне моего лица и включил, разом создав почти полную иллюзию, что его казоку-хетто действительно находится внутри, а

дисплей — лишь оконце.

Я не успел ничего спросить, хотя очень хотелось. Я не успел даже дурно пошутить, хотя этого хотелось еще сильнее. Я увидел изображение самого фер вис Кри, и только тогда сообразил, что до сих пор стою почти голый, безобразно безволосый и оскорбительно бледный для любого чу-ха.

Слепок Диктатиона казался тоннельной иллюзией, колбой в колбе, словно тот стал одним из разноразмерных Безмятежных Детенышей, прячущихся один в другого.

Хетто покоился на специальных ремнях и распорках внутри непробиваемого стеклянного саркофага, неподвижный и старый, и только сверкающие глаза выдавали неукротимый дух криминального вожака, многократно откладывавшего встречу с крематорием.

Болезненно-желтую шкуру покрывали россыпи старческих пятен; длиннющие усы безвольно свисали; от шеи и висков в медицинскую консоль капсулы убегали пучки проводов.

Скромный брючный костюм бандитского лидера невероятным образом подчеркивал его величие. Когти обеих верхних лап погрузились в крохотные клавиатоны, с помощью которых престарелый казоку-хетто управлял своей капсулой-каталкой. Нижняя губа Хадекина Кри подергивалась, но слова лились не из пасти — их генерировало специальное устройство, закрепленное на плешивом горле.

— Послушай, что я скажу тебе, молодой Скичира, — из динамиков планшета раздался синтезированный голос одного из самых опасных и непредсказуемых чу-ха Юдайна-Сити; сверкающие желтые глазки смотрели прямо в камеру, — мы весьма благодарны тебе за оказанную помощь. Оказанную как нам непосредственно, так и нашим близким друзьям.

Я сглотнул, опасливо покосившись на неподвижных и бесстрастных криитов. Зачем-то поправил набедренную повязку, потоптался на месте, но так и не сообразил, что сказать в ответ. Впрочем, престарелый хетто и не ждал, почти сразу продолжив:

— Твои умения оказались нам полезны, — сказало неподвижное существо в стеклянной капсуле на экранчике не менее зловещей, но непрозрачной капсулы, — и действительно, хоть и по-своему, уникальны. А еще ты смог доказать, что твое умение держать данное слово сопоставимо с твоим же умением хранить язык плотно прижатым к зубам.

Я все же пролепетал что-то благодарное. Проклял себя за некстати ускользнувшее красноречие, на всякий случай оценил дистанцию до «Молота». Задумался, что завтра утром подумает Нискирич, когда тому донесут про визит белоплащников на

интересующий его этаж «Угля»?

В голове все смешалось, спина оледенела.

Высокая оценка от столь могущественного чу-ха, конечно, дело хорошее. Но ведь Перстни уже передал мне слова господина фер вис Кри со всей положенной протокольностью. Поэтому я не понимал… *в тот момент* еще действительно не понимал, зачем трое боевиков «Диктата» переступили мой порог…

— И вот что я скажу тебе, Ланс, — Хадекин сверкнул глазами, ужасающий в своей немощной неподвижности, за которой крылась невероятная власть, — я решил, что ты достоин истинной благодарности и награды. Ты был услышан. Постарайся и дальше не совершать ошибок, мой мальчик, и сможешь стать нам еще более полезным.

Мои пересохшие губы болезненно разлепились, чтобы вытолкнуть хоть слово благодарности и уважения, но экран планшета погас так же неожиданно, как включился.

Широкоплечий чу-ха в белой маске тут же снял устройство с капсулы, ловко сунул за пазуху, а затем все трое разом шагнули вперед, заставив меня вздрогнуть.

Не попрощавшись, не объяснившись и даже не потрудившись закрыть за собой дверь, крииты исчезли из норы, прихватив с собой отстегнутую колесную базу, часть моего самообладания и последний шанс получить хоть какие-то ответы…

Ошалелый, взволнованный и (буду честен) весьма напуганный, я запер дверные замки и оторопело уставился на вертикальный ящик посреди своей гостиной. Черный, матовый и пыльный, он казался чем-то опасным и чужеродным. По зеркальным углам роились отражения. Едва справляясь с желанием все же подхватить со столика башер, я подступил к «подарку» Диктатиона и внимательно осмотрел его со всех сторон.

Это оказался явно не ящик для переноски овощей. И отнюдь не оружейный шкаф, как могло бы показаться издали. Глухой, обтекаемый, но с портами для подключения доброго десятка кабелей; в нескольких местах удивительно теплый металлопластик еще хранил следы стертых опознавательных знаков и меток, но прочитать их было невозможно.

Единственными яркими элементами были бумажные печати на дверце капсулы, и я без труда разобрал на них девизы «Диктата»: «ЧУДЕС НЕ ЖДЕМ, ВЕРШИМ ИХ САМИ!» и «СТАЛЬ, ЧЕСТЬ И ЯРОСТЬ РЕШАТ ЛЮБУЮ ПРОБЛЕМУ». Задумчиво потеребив бумажные ленты в пальцах, я осторожно отклеил их от замков, и столь же задумчиво взялся за пару симметричных рычагов.

В конце концов, если бы крииты задумали грохнуть жалкого терюнаши, то вряд ли бы стали устраивать из этого настоящее представление?

Я потянул задвижки, не без усилий передвинув их в положение «открыто». По ушам резанул короткий протяжный свист, в ноздри шибануло запахами, вызывающими стойкие ассоциации с кухнями манджафоко.

Тревога все настойчивее пробиралась в мою голову, и я ускорился, не позволяя ей взять себя под контроль — спешно разблокировал вспомогательные защелки по периметру, грубо сорвал еще пару клановых печатей, потянул узкую крышку на себя и одним рывком сдвинул по полозьям.

Кажется, затем я выругался, причем беззвучно и очень чувственно.

Потому что внутри, с эргономичной дыхательной маской на лице, надежно зафиксированная ремнями и утопающая в мягких стенах ящика, спала стройная, крепкая и совершенно обнаженная девушка. И она, будь я проклят, выглядела, как человек…